

Наталя Колобова

Прелестник

Наталья Колобова

Прелестник

«Спорт и Культура-2000»
2015

УДК 82-311.6
ББК 84-44

Колобова Н.

Прелестник / Н. Колобова — «Спорт и Культура-2000»,
2015

ISBN 978-5-91775-227-3

Счастье – удовольствие. Быть счастливым – быть довольным. Мысль о краткости жизни вызывает ее жажду, а жажда требует утоления. И утолить ее можно весьма разнообразно. Эту «религию» исповедует герцог де Сен-Шели, молодой аристократ, любитель женщин, хорошего стола и театра. Он готов получать от жизни столько удовольствий, сколько могут позволить молодость и здоровье. Луи не думал, что ему, с его жаждущей чего-то еще неопределенного душой, придется когда-нибудь зайти в тупик и задуматься. Любовь и ненависть. Разбившиеся мечты и упорное желание быть счастливым... Человек не бывает плохим или хорошим, но он может выбрать, как ему поступить. И взять на себя ответственность за то, что сделал.

УДК 82-311.6
ББК 84-44

ISBN 978-5-91775-227-3

© Колобова Н., 2015
© Спорт и Культура-2000, 2015

Содержание

Часть I. Мари. Год 1678	6
1. Встреча	6
2. Мари	7
3. Его светлость	9
4. Куломье	13
5. У художника	17
6. Бродячие актеры	21
7. Актеры в замке Куломье	27
8. Разочарование	30
9. Прогулка	38
10. Орфей и Эвридика (рассказ о том, как они хотели пожениться и что из этого получилось)	40
11. «Орфей» и «Эвридика»	43
12. Остров любви	46
13. Жизнь – игра	53
14. Жизнь – игра (продолжение)	59
15. Первые тучи	64
16. Раскаяние	101
17. Просьба	113
18. Ночной разговор	116
19. Провидение?	120
20. Обещание	125
Часть II. Люсьен. Годы 1685–1686	128
1. Воспоминания	134
2. Ветер перемен	140
3. Ветер перемен (продолжение)	145
4. Carpe diem[9]	150
5. Разговор	163
Конец ознакомительного фрагмента.	166

Наталья Колобова

Прелестник

*Жизнь вся – лишь сцена и шутка. Так или шутить
научися,*

Скинув серьезность с себя, или невзгоды терпи!

Палатинская антология, X, 72

*В оформлении обложки использована картина Эваристо Баскениса (1617–1677)
«Натюрморт с музыкальными инструментами», 1645 г.*

© Колобова Н., текст, иллюстрации, 2015

© ООО «ИСК», 2015

Часть I. Мари. Год 1678

1. Встреча

В тот летний вечер по одной из парижских улиц неторопливо ехали верхом двое юношей. Одежды и наличие шпаг ясно свидетельствовали о том, что молодые люди – дворяне. Один юноша, светловолосый, оживленно жестикулируя, объяснял что-то своему другу, весьма невозмутимому и рассудительному на вид.

Их мирную беседу прервало внезапное появление миловидной девушки в платье, изобличавшем ее причастность не к самым почтенным заведениям. Девушка стремительно бежала по улице, и, ровным счетом ничего не замечая, бросилась наперерез всадникам, и угодила бы под копыта, если бы светловолосый с удивительным проворством не усмирил коня. Пробормотав что-то вроде «извините», обмирающая девушка намеревалась бежать дальше. Но белокурый господин, спешившись, вдруг крепко схватил ее за руку и весело спросил:

– Далеко ли торопишься, красавица?

До смерти перепуганная девушка умоляюще проговорила:

– Сударь, отпустите меня, ради бога!

Юноша в это время бросил реплику другу:

– Ах, боже мой, в таком виде куда-то бежать... так что ты говоришь, моя дорогая? – сказал он, уже повернувшись к ней, все еще не выпуская ее руки.

В эту минуту появился какой-то грузный мужик верхом на рыжей лошади. Он заорал еще издали на всю улицу:

– Вот ты и попалась, плутовка! Не уйдешь! Благодарствую, господа, за помощь. – Он слез с лошади и приблизился к девушке, у которой из глаз полились слезы отчаяния.

– Что тебе нужно от нее? – недоуменно спросил белокурый, выступая вперед.

– Эта мерзавка, сударь, убежала от моего господина, графа де Сенон. Он заплатил целый пистоль, а эта бежать.

Юноша иронично улыбнулся, что-то припоминая, и ответил:

– Девушка пойдет со мной. А графу передай привет и лучшие пожелания.

– Но сударь, что же я скажу графу? Как я покажусь ему на глаза?

Юноша невозмутимо достал кошелек и легким броском направил прямо в лапы усердного слуги, который, поблагодарив щедрого господина, не замедлил скрыться.

Во время всей этой сцены второй юноша молча и серьезно наблюдал за происходящим. Как только дело было решено, девушка, смущенная тем, что ее попросту купили, все же сказала:

– Вы не представляете, господа, как выручили меня.

– Как тебя зовут? – без лишних слов спросил белокурый.

– Мари.

– Будешь служить в моем доме, – решил он и, снова оказавшись в седле, протянул руку: – Давай живее, а то пол-Парижа сейчас сбежится.

Юноша говорил таким тоном, что возразить ему даже мысли не возникало, и девушка послушно подала свою руку. Молодой человек ловко устроил ее впереди себя, и тронулись в путь. Молодые люди беспечно болтали между собой. А Мари из их обращений друг к другу узнала, что ее покровителя зовут Луи, а его спутника – Люсьен.

2. Мари

На вид ей было не больше пятнадцати лет. Она не отличалась бросающейся в глаза красотой, но любой, без сомнения, признал бы ее красивой. В ней было что-то спокойное, мягкое, хрупкое. Каштановые волосы всегда аккуратно убраны, выражение лица доброжелательное и спокойное. Но что же так привлекло Луи в этой девушке? Ведь он сразу обратил на нее внимание, и не только по своей привычке. Может, его очаровали большие карие глаза, полные неизвестности? Кто знает?

Мари бежала из «лавки чести»,¹ куда по наивности попала, думая, что нашла достойную работу. Идти ей было некуда, а после того, что случилось, она чувствовала себя обязанной. Кроме того, узнав, в какой дом она попала, Мари поняла, что устроиться сюда горничной можно только с рекомендательными письмами от уважаемых людей. Она не знала, что сказал молодой человек своей матери, но та почему-то пошла навстречу желанию сына и, переговорив с девушкой, чтобы иметь представление о ней, распорядилась принять ее в дом. Герцогине Анне, само собой, не понравилось, что девица пришла «с улицы», но ведь предусмотрительный Луи и помогавшая ему кормилица переодели девушку еще до того, как она явилась пред очи хозяйки дома. Зато Анна по манерам и речи поняла, что девица получила хоть какое-то воспитание. Так и быть, нужно помочь сироте.

Влюбчивый Луи, можно не сомневаться, был готов в любой момент приударить за новенькой горничной. Что же касается самой Мари... она, вероятно, не осталась равнодушной к своему спасителю, и когда видела его, то не могла сдержать волнения. Прежде с ней ничего подобного не случалось.

Находясь в Париже, Луи не мог в достаточной мере осуществлять свои намерения по отношению к Мари, а что они у него имелись, можно не сомневаться. Вокруг было много соблазнов, много народу, в общем, новая горничная как-то сразу растворилась в шумном мире привычной суеты, а у Луи оказалось слишком много забот другого плана. Но стоит все же упомянуть один разговор, состоявшийся вскоре после того, как Мари принялась исполнять свои обязанности.

В то утро девушка стирала пыль с позолоченных картинных рам в галерее. Окончив работу, она спускалась по приставной лестничке. Вдруг кто-то обхватил ее рукой за талию, и тут же послышался приятный голос Луи:

– Ну, моя дорогая, хорошо ли ты устроилась? Всем ли довольна?

Мари смущенно ответила:

– У меня все прекрасно, ваша светлость. Я очень благодарна вам, но... – добавила она совсем тихо, – прошу вас, не нужно так...

Луи понял, заулыбался, отнял свою руку. Он был удивлен, потому что, сколько себя помнил, всегда обращался с горничными свободно и не встречал с их стороны не то что сопротивления, но даже малейшего недовольства.

– Собственно, не вижу в этом ничего дурного, – сказал он, лукаво поглядывая на девушку. – Неужели ты откажешь мне в дружбе?

– Нет, ваша светлость. Только ведь вы не обращаетесь так с девушками из приличных семей.

Луи рассмеялся:

– Как знать? Этикет, ничего не скажешь. Так ты хочешь, чтобы я обращался с тобой, как с девушкой из общества?

– Вы неверно поняли. Я хочу, чтобы вы соблюдали приличия по отношению ко мне.

¹ Публичный дом.

Луи несколько секунд пытался заглянуть в глаза Мари, но она опустила ресницы, чтобы совсем не растеряться, глядя в его бесконечно сияющее лицо. Тогда он взял ее за руку и сказал:

– Боже мой, но как же тут соблюдать приличия, если перед вами такое милое создание? Природа, наверное, была в самом высоком расположении духа, когда творила эти божественные глаза, которые почему-то избегают встречи со мной...

Не сводя взгляда с лица Мари, он медленно поднес ее руку к своим губам, после чего с невероятной скоростью сбежал по лестнице и зашагал по каким-то своим делам.

Мари никто еще не говорил столько прекрасных комплиментов и не обращался с такой нежностью. Она испытала двоякое чувство: Луи ей понравился еще больше, и она бы с радостью разговаривала с ним; но его фривольность чуть-чуть напугала Мари. Он явно оказывает ей внимание, но это, вероятнее всего, не следует принимать всерьез.

Мари вновь вспомнила его последние слова и подумала: «В каком же расположении духа была природа, когда творила его?»

3. Его светлость

Обычное утро Луи, если не нужно было идти на какие-нибудь занятия, начиналось примерно одинаково. В покои входило чуть ли не с десятков слуг. Один из них отдергивал занавеси, остальные же окружали роскошный альков. Кто-нибудь отводил легкий полог и говорил:

– Ваша светлость, пора просыпаться. Ваш отец уже давно изволили встать.

Луи от всей души ненавидел штат воспитателей, приставленных к нему усердной матушкой, но что тут поделаешь, если он единственный ребенок в семье. Луи не торопился просыпаться, тем более что ему вовсе не хотелось вылезать из-под теплого одеяла. Подумав, юноша начинал протирать глаза, а минут через десять открывал их.

– Доброе утро, ваша светлость, – хором выговаривали слуги.

– Доброе утро, – отвечал юноша, садясь в кровати, но еще не расставаясь с одеялом.

После молитвы начиналась процедура умывания и одевания. Однако Луи был бы счастлив избавиться от назойливых наставников.

Полгода назад умер гувернер, присматривавший за юным маркизом. Луи любил его, был привязан и потому непросто пережил смерть человека, которого считал чуть не родственником. Когда родители заговорили о новом гувернере, Луи «взбунтовался» и умолял никого не нанимать. Отец прекрасно понимал, что за этим возражением стоит не только чувство непоправимой утраты, но и желание избавиться поскорее от опеки. Тем не менее герцог решил пойти навстречу своему сыну, ведь скоро он пойдет служить, да и уследишь ли за ним? Можно не сомневаться, что матушка и кормилица наилучшим образом присмотрят за проказником, хотя с его изобретательностью и энергией даже самые строгие меры не всегда имели успех.

Юноше недавно исполнилось шестнадцать лет. Его считали красавцем.

Достаточно высокий, широкоплечий, хотя и размягченный роскошью. Фигура его еще была стройна и полна юношеской гибкости. Но вряд ли веселая жизнь, к которой уже пристрастился молодой человек, сохранит ему надолго и эту атлетическую фигуру, и само здоровье, впрочем, последним природа наградила его щедро.

Чуть округлое румяное лицо, большие голубые глаза, озорно сияющие и добрые; на губах в любой момент готова появиться нежная улыбка; светлые волосы до плеч – вот и готов образ ангелочка. Именно так воспринимали Луи еще с раннего детства, и таковым его видели теперь многочисленные поклонницы. Но весь парадокс заключался в том, что красавицы ждали от него отнюдь не ангельских поступков.

Выражение лица юноши, как ни странно, действительно было невинно-трогательным, чистым и открытым, что, увы, не свидетельствовало о его внутренней чистоте. Чему удивляться? Таков век, таковы нравы.

Луи, конечно, мало задумывался о себе. Сейчас, сегодня, его целью в жизни было наслаждение. Надо успеть все попробовать, испытать. Он и не думал, что море удовольствий не столь уж и глубоко, что ему, с его жаждущей *чего-то* еще неопределенного душой, придется когда-нибудь зайти в тупик и задуматься.

Луи получил блестящее образование и еще продолжал учиться. Правда, он был весьма беспокойным учеником, но зато изобретательным и талантливым. Все ему давалось легко, а особенно языки. Он прилично говорил на испанском, итальянском, английский находился в стадии изучения, само собой, ему давали уроки латыни и даже древнегреческого, поэтому Луи свободно читал на этих языках древних авторов. Кроме языков преподавали историю.

Два года Луи учился в Королевской военной академии, где основательно обучали верховой езде, фехтованию, танцам, а также преподавали математику, гимнастику и рисование. И если с «подвижными» дисциплинами у юноши не возникало трудностей, потому что он сам был весь движение и получал от занятий удовольствие, то математика ему казалась откровенно скучной. Однако понимая, что основы фортификации ему впоследствии пригодятся на практике, а для усвоения оных необходимы знания математики, Луи терпел эту скуку, да еще ради матушки, которую он не хотел огорчать.

Окончив обучение в Академии, он мечтал вступить в гвардию, где и применил бы полученные умения и знания. Но в самый неожиданный момент мать решительно возразила, мол, не убудет от гвардии, если Луи еще год проведет дома. И обычно непреклонный супруг почему-то внял ее мольбам. Сын пару дней ходил обиженный, но лишь внешне, ибо он еще не знал, чего хотел по-настоящему.

Отец не позволил ему болтаться без дела и нанимал лучших учителей фехтования для частных занятий, что стоило недешево, но оправдывало себя во всех отношениях. Мать настояла, чтобы Луи продолжал заниматься вокалом и рисованием, не без оснований считая, что он талантлив. И действительно, Луи очень увлекался музыкой. У него – абсолютный слух. Юноша недурно играл на скрипке, лютне и клавесине. А его волшебный тенор уже оценили при дворе. Еще одной страстью Луи был театр, да и сам он явно обладал артистическими способностями, каковыми пользовался для своей надобности.

Сам Луи, похоже, не осознавал до конца своих талантов и не отличался особым усердием. Он любил читать, но уделял этому занятию немного времени, так как еще больше любил движение. Он читал античных авторов, предпочитая Катулла и Апулея. Знал наизусть несколько отрывков из «Песни о Роланде», восхищался Данте и почитывал Боккаччо. Теперь же он почти не читал, потому что на дворе – лето.

Мать стремилась воспитать в сыне набожность, но ей не удалось этого сделать. Во-первых, отец всегда не соглашался с ее методами воспитания; во-вторых, сам Луи не был прилежным учеником. Любознательный, даже любопытный, он везде совал свой нос, как маленький лисенок, впервые вышедший из норы на большую поляну. В детстве Луи задавал множество сложных вопросов: «Почему солнце светит?», «Почему птицы летают?», «Откуда берутся пирожки?» Но самый сложный вопрос всегда смущал мать: «Откуда я появился?»

Когда Луи достаточно подрос, он уже не смущал родителей многочисленными вопросами, а задавал их своим учителям или же сам искал ответы в окружающем мире. И не удивительно, что, почувствовав себя достаточно взрослым и самостоятельным, он активно включился в череду бесконечных развлечений и еще не почувствовал к ним отвращения.

Герцогиня дома все еще называла его Лулу. Это начинало тяготить юношу: он чувствовал себя далеко не ребенком. Но разве он мог возразить матушке? Единственный, кто останавливал Анну, был ее супруг, настойчиво внушавший, что Луи пора привыкать быть мужчиной, а не мальчишкой. К счастью, Анна употребляла свое нежное «Лулу» исключительно дома, когда не было посторонних.

Люсьен был полной противоположностью Луи. Серьезный, строгий, аккуратный в исполнении, он охлаждал своего друга при надобности. Перед тем, как принять решение, Люсьен предпочитал взвесить все «за» и «против». Луи же делал все наоборот. Разгульная жизнь не нравилась Люсьену, он стремился предупредить и друга от чрезмерных увлечений, но Луи редко слушал его и поступал по-своему. Однако лучше этих друзей невозможно было представить.

4. Куломье

Вот уже второй год, как Луи получал разрешение проводить летние месяцы в замке Куломье. Там он был полным хозяином. Устраивал свои порядки и жил, как ему нравилось.

Куломье – прекрасный уголок в достаточной близости от Парижа. Замок представлял собой старинное родовое поместье и находился у берегов тихой равнинной речки. Чудесный парк на новый манер, фонтаны, а далее лес, где прекрасная охота. Несколько деревенок расположилось вокруг замка, и совсем недалеко – одноименный город Куломье.

Луи любил природу и свободу, поэтому с необыкновенным рвением снарядился в дорогу и отправился ранним утром. Матушка чуть не плакала, будто провожала сына на целую вечность.

Луи взял с собой и Мари в числе других слуг. Ехали не торопясь и прибыли в имение к вечеру. Все знали, куда идти и где устраиваться, но Мари оказалась здесь впервые. И Луи, не давая опомниться, позвал ее за собой. Он привел девушку на второй этаж и отворил одну из комнат, просто, но уютно обставленную. Здесь имелось все самое необходимое. Окно выходило на парадный двор.

– Устраивайся, располагайся, – сказал Луи и удалился.

Поблагодарив его, Мари принялась разбирать свои немногочисленные вещи и рассматривать комнату. Комната как комната, но вот куда ведет эта дверь в стене? Девушка попыталась открыть ее, но ничего не получилось.

Уже темнело, и нужно было позаботиться о свечах. Через несколько минут у Мари было светло, и она сидела в тишине за вышивкой. Два раза девушка выходила в галерею, но кругом было пусто и темно. Казалось, нет ни души во всем замке. Искать людей Мари не решилась и подумала, что о ней, вероятно, забыли. Потом она все же вышла в галерею и прошла до лестницы, спустилась на первый этаж. И здесь никого. Только доносятся откуда-то веселые возгласы, шум кутежа.

Не встретив никого из слуг, Мари вернулась к себе. Посидев еще немного, она решила лечь спать. Но тут услышала чьи-то шаги, потом скрип открываемой двери. Мари напряженно вслушивалась в тишину, но слышала только свое прерывистое от волнения дыхание. И вдруг... та самая дверь в стене открылась. Мари вздрогнула от неожиданности. На пороге появился Луи, очень веселый и счастливый. Изумленная до крайности, девушка встала и поклонилась.

– Не ожидала? – спросил он. – Иди сюда.

Мари подошла к нему, и Луи ввел ее в соседнюю комнату, роскошную и большую, где находились нарядный альков, два кресла, туалетный столик, а на стене висело овальное зеркало в резной раме.

– У меня, – продолжил Луи, – здесь особые порядки. Никаких границ, деления, там, на женскую и мужскую половину. Я думаю, что горничная должна быть рядом со своим господином, а?

Он вопросительно посмотрел на нее. Мари, успевшая уже отметить, что юноша навеселе и, уж верно, явился с кутежа, ответила:

– Я не знаю, ваша светлость. Воля ваша. Однако я могла бы устроиться с другими девушками...

Луи засмеялся:

– Надеюсь, я не хуже этих вертихвосток. Со мной тебе будет интереснее. Садись вот сюда, – он указал на кресло.

Мари примостилась на краешек, а Луи тем временем взял со стола, на котором красовалось блюдо с яствами и графином вина, румяный пирожок и, вернувшись обратно, протянул его Мари.

– Благодарю вас, – сказала она, принимая пирожок и напряженно глядя на юношу.

– Ешь, не стесняйся, – добавил он и вдруг опомнился: – А ты вообще-то ужинала?

– Я не голодна, – спокойно ответила девушка.

– Нет, нет, так дело не пойдет; я, должно быть, забыл про тебя, мы там немного повеселились... да вот же, здесь курица есть.

Он взял с подноса тарелку с курицей и, отломив лапу, бесцеремонно вручил ее Мари.

– Благодарю вас, сударь, но...

– Ешь, – перебил он тоном, не допускающим возражений, и добавил: – Ну, если хочешь, я с тобой за компанию. Правда, я уже наелся, но ты же будешь стесняться.

Луи отломил вторую лапу и принялся за нее с нескрываемым удовольствием. Временами он поглядывал на Мари и улыбался. Она тоже нет-нет, да и взглянет на него и уж не может удержаться от улыбки.

Когда с курицей было покончено, Луи сказал:

– А после того, как ты съешь пирожок, мы поговорим.

Мари справилась и с пирожком. Тогда Луи, наливая вино, проговорил:

– Мари, я хочу, чтобы ты рассказала о себе подробнее, – он предложил ей рюмку.

– Нет, не надо. Я не пью, – учтиво отказалась Мари.

– Прекрасно, дорогая, и не нужно пить девушке, – воскликнул Луи и отставил рюмки. – Ну, так что же? – он уже сидел в кресле напротив.

– В моей истории нет ничего примечательного. Я ведь уже рассказывала, что мои родители умерли рано, и я воспитывалась в доме дяди. Он был очень скуп и хотел упечь меня в монастырь, чтобы поменьше хлопот, но у меня было немного денег, и я решила найти работу в Париже. Сударь, я была уверена, что буду работать горничной, а потом... оказалось...

– Надеюсь, тебя не обидели? – ласково спросил он.

– Не успели, а дальше вы знаете.

– Да, действительно, совсем немного я узнал. Но, надеюсь, что мы с тобой познакомимся лучше.

Мари вновь поймала на себе его плутоватый взгляд. Но это плутовство не было коварным. Искренность, естественность сквозили во всех действиях и речах Луи.

– Мари, – романтично проговорил юноша, – имя, которое встретишь на каждом шагу, как и мое. Луи – его носит чуть ли не пол-Франции, даже король.

– А как ваше полное имя? – заинтересованно спросила Мари.

– Полное? – он усмехнулся и, нарочно приняв горделивый вид, торжественно произнес: – Луи Арман Виктор де Жуаньи, маркиз де Куломье, – и рассмеялся, – выбирай любое.

Его непосредственность все больше подкупала Мари. Она прежде не встречала таких своеобразных людей. Луи тем временем оказался возле девушки и, присев на корточки, заглядывая в ее лицо, взял за руки и говорил:

– Ну не чудо ли эти глаза! Я такую скромницу впервые вижу. Что же ты боишься меня? Хоть раз взгляни.

Мари, зардевшаяся, смущенная, не знала, что ей делать. Сердце так сильно забилося, и столько расположенности было в нем к Луи, а разум повелевал ей быть осторожной.

Мари все же взглянула на него и еще больше растерялась.

– Боже мой, какая прелесть! – восторгался Луи. – Какая неискушенность. Ангел мой, ты лучше, лучше всех. Светские дамы, я тебе скажу, такие ужасные кокетки и воображалы, строят из себя невинность, а на самом деле – хуже куртизанок; да и простолюдинки не лучше. Я их обнимаю, а они радуются и не думают возражать.

Луи раздумывая от возбуждения. Казалось, его похвалы неисчерпаемы. Мари даже не могла найти слов что-то сказать в ответ. Он же принялся покрывать поцелуями ее руки.

– Не надо, сударь, прошу вас, – испугалась Мари.

– Почему? – не понимая, спросил он.

Она и сама не знала, почему, ведь ей было приятно.

– Не надо...

Луи встал, прошелся, сказал:

– Ты, верно, спать уже хочешь. Иди, моя хорошая; здесь у нас будет много времени, чтобы поговорить по душам.

– Покойной ночи, ваша светлость, – пролепетала Мари, покидая его комнату и закрывая за собой дверь.

Она легла, но сон долго не приходил. Эта дверь... о ней нужно молчать. А Луи, почему он таков? Влюбился ли он? Или просто нашел очередную забаву? Но что Луи? Мари не могла разобраться даже в себе. Неужели она полюбила? Иначе чем объяснить такую симпатию к нему, даже больше? Он стоит перед глазами. А может, она просто ослеплена его обаянием и нежностью?

Бедная Мари совсем запуталась. Ей было мучительно отказывать ему и не хотелось обмануться самой.

5. У художника

На следующий день, вечером, Луи предпринял прогулку в город. Городок был небольшой, но шумный и населенный. Здесь жили в основном ремесленники и кое-кто из крестьян, перебравшихся из тихой своей деревеньки в суетный город. В этих местах делали сыр, который пользовался популярностью и поставлялся на столы аристократов.

Жил здесь художник, несмотря на свою бедность, почитаемый жителями. На его картинах было все: от пейзажей до портретов. Не было улицы, которой бы не запечатлел своей волшебной кистью этот художник. И все окрестности мелькали на небольших холстах. Что касается портретов, то среди них не было ни одного парадного, даже губернатор не замечал таланта скромного человека, вечно измазанного и пахнущего масляными красками и разбавителями. С его портретов смотрели добрые и простые лица городских ремесленников, их жен и детей. А сейчас художник трудился над большим полотном, где писал имение маркиза де Куломье, видневшееся из города очень живописно. Этот холст, по мнению самого создателя, должен был принести ему хоть немного средств, так что автор увлеченно работал и на днях должен был закончить полотно.

Художник жил в городе немногим меньше года, но уже имел много друзей. Маркиз еще не знал о нем ничего, правда, он мало интересовался, кто и где живет. Он был немного знаком с губернатором, членами городского совета и еще кое с кем из знати. Все остальные жители городка сливались для него в одну серую массу.

Луи въехал в ворота, и тут же его внимание привлекла вывеска на одном из крайних домов, гласившая, что здесь живет художник. Приостановив коня и вспоминая, видел ли он эту вывеску прежде, маркиз собрался ехать дальше, но в этот момент на пороге дома показался человек лет... это было трудно определить, особенно маркизу. У человека всклокоченные темные волосы и такие же борода и брови, небольшие, но внимательные горящие глаза. На нем темная блуза со свободными рукавами, старые штаны и потертые туфли. Измазанный разноцветный фартук закрывал его до колен. Руки тоже были испачканы в краске, и немного лицо.

Увидев такую занимательную внешность, Луи улыбнулся. Художник с интересом всматривался в фигуру юноши, слегка прищурив глаза. Он уже знал, что на днях в имение приехал молодой маркиз, и мечтал увидеть его. Местные девицы рассказывали художнику, что маркиз очень красив, и это обстоятельство останавливало мастера, который любил писать портреты красивых людей.

Увидев из окна юного кавалера на великолепном коне, художник бросил работу и выбежал на улицу, движимый странным предчувствием. Рассматривая юношу, художник невольно подумал: «Если бы это лицо да на холст... но он, конечно, не согласится, так было уже не раз». Ему почему-то очень хотелось, чтобы этот кавалер оказался маркизом, разве он не красив? Но такие мысли стали рассеиваться: «Нет, это не он, – подумал опять художник, – вряд ли маркиз заглянет в наш городок, да еще и один... ох, я бы с таким лицом ангела написал. У него светлые волосы, хороший взгляд... а ведь он сейчас уедет...»

Действительно, Луи, взглянув на художника, тронул рукой шею коня, и тот послушно шагнул вперед. Художник, однако, не хотел зря потерять случай и с надеждой выступил на мостовую, преграждая путь. Маркиз остановил лошадь и с удивлением посмотрел на этого странного человека.

– Что вам угодно? – глядя сверху вниз, даже не наклонив головы, спросил Луи. Перед ним был художник, пусть и бедный, но к художникам маркиз относился иначе, чем к ремесленникам, и говорил с ними на «вы». Художник оробел, услышав властный тон, и никак не мог собраться с мыслями, а Луи это стало раздражать.

– Что вы молчите? Или говорите, или пропустите меня.

Запинаясь на каждом слове, художник сказал:

– Если вам не трудно... если... я был бы вам очень благодарен, сударь, если бы вы согласились позировать мне...

– Позировать вам? – очень удивился Луи.

– Все зависит от вашего желания, сударь.

– Мне сейчас некогда...

– Мы могли бы договориться...

– Черт побери, да пустите же моего коня! – в сердцах сказал маркиз, и художник, невольно отходя, понял, что бесполезно просить. «А жаль, – подумал он, – так всегда – красота холодна».

Луи еще не отъехал и мог видеть, как безнадежно махнул рукой художник, направляясь в свою мастерскую. Внезапно маркиз повернул коня и, подъехав к самой двери, спрыгнул на землю. Через мгновение он был уже в мастерской и разглядывал стены, увешанные картинами. Внизу тоже стояли прикрытые серой тканью холсты. В мастерской царил полумрак. Живописец уже сидел перед мольбертом и, глядя в окно, из которого отлично был виден замок Куломье, наносил на холст контрольные мазки, поскольку работа была почти закончена. Он, казалось, не замечал своего посетителя.

Медленным движением руки Луи снял шляпу и подошел сзади к художнику. Юноша с интересом наблюдал его работу в течение некоторого времени и наконец сказал:

– Что ж, неплохо, неплохо.

Художник повернулся к нему лицом и спросил, как своего старого знакомого:

– Вы находите?

– А вы... разве не в состоянии оценить свою работу? – спокойно возразил Луи и, взяв потемневший от времени табурет, поставил его рядом и сел. – Скажите, у кого вы учились?

– У многих, сударь.

– Что вы имеете в виду?

– Нет ничего поучительнее копирования и натуры.

– Значит, сами выучились... Я покупаю эту работу.

– Не торопитесь, сударь. Она еще не готова. Если вам будет угодно, приходите послезавтра.

– Понимаю. А что у вас за полотном? Покажите мне ваши картины.

– Извольте, – вставая, сказал художник и скинул материю с первой попавшейся картины.

На ней Луи увидел сапожника, который держал в руке чей-то башмак и прибивал каблук. Герой картины даже не смотрел на окружающих, он был занят работой. В нем Луи узнал городского сапожника, у которого иногда чистил сапоги.

– Очень похож... и написан в испанской манере, – сказал маркиз и перевел взгляд на следующий портрет.

Здесь совсем другое: молодая женщина-прачка. На минутку оторвалась она от работы и, выглянув из окошка, улыбнулась кому-то.

Луи рассматривал портреты и примечал, что ни одного знатного человека среди героев картин нет. Осмотрев все портреты, натюрморты и пейзажи, Луи спросил:

– Послушайте, любезный, а кого-нибудь из общества не приходилось писать?

– В том-то и дело, сударь, что не приходилось. Я человек бедный. Кто же на меня внимание обратит? Заинтересовался я вашей внешностью, а ведь знал, что откажете.

– Не откажу, и картину куплю. Сколько вы хотите за нее?

– Сколько дадите, больше не возьму. Луи вздохнул:

– Хорошо, о цене договоримся после.

– Да, сударь, а одна картина есть. Год а два назад одну знатную особу писал. Вот я вам сейчас покажу ее... где-то она у меня была... Знаете, хорошая девушка, – она очень просила, чтобы я написал ее, а потом не взяла (уж не знаю почему). Сказала, чтобы продал кому-нибудь другому, и сама деньги дала. Да куда же я положил... а, вот она, – художник вытащил из угла небольшую картину, покрытую такой же материей, как и остальные. Он бережно снял накидку и, поставив свое произведение на стол, отошел на несколько шагов и, чуть склонив голову набок, оценивающе взглянул на свою работу.

С полотна спокойно смотрела девушка, похожая на сказочную принцессу, но Луи, который по всем предположениям художника должен был залюбоваться, вдруг бросился к столу и пристально всмотрелся в приветливое лицо юной знатной особы.

– Вы говорите, писали ее два года назад? – взволнованно спросил Луи.

– Да, сударь, – ответил художник.

– Кто она такая?

– Дочь какой-то маркизы или графини.

– И вы не узнали имени маркизы? – в полном изумлении спросил Луи.

– А на что она мне? Я могу написать кого угодно, хоть самого короля, только бы изволили заказать, а ведь не закажут, – у них придворные художники есть, а я в число таковых не имел счастья попасть, может, и к лучшему: пишу для души. И люди довольны, и мне хорошо.

– Но, я надеюсь, вы знаете имя той, которую написали на этом полотне?

– Нет, сударь, ее не называли при мне по имени.

Луи ничуть не сомневался в том, что девушка на портрете – дочь маркизы, но все дело в том, что эта самая девушка – вылитая Мари. Луи показалось, что все это ему померещилось, но с этой мыслью он быстро расстался. Бывают же на свете люди, похожие как две капли воды.

– Я покупаю эту картину, – твердо сказал маркиз. – Вы продаете ее?

– Берите ее так, – просто сказал художник.

– Как? Вы отдаете это чудо бесплатно? – удивился Луи.

– За нее уже уплачено. Да что мне деньги, они мешают работать. А вы и так хотите купить у меня последнюю работу.

– Благодарю вас... О! А это кто такой? Прямо дьявол! Он кто? Испанский гранд? А? Говорили, что не приходилось писать знатных людей, а это же... черт побери, сам дьявол изумится. Да, только тепла в нем маловато. Он, как кинжал... Кто это, милейший?

– Боюсь разгневаться вас.

– Это почему?

– Вы, вероятно, знаете того, кто здесь изображен.

– Впервые вижу.

– Не в том дело.

– Говорите, я обещаю, что ничего дурного не сделаю вам, если и разгневаюсь.

– Это маркиз де Куломье.

Луи не выдержал и расхохотался, как только мог, а художник робко стоял рядом и не знал, что ему делать. На полотне, действительно, не было ничего близкого с Луи. Несомненно знатный господин гордо стоял с обнаженной шпагой. Его лицо было спокойно и выражало самоуверенность. Черные волосы придавали ему что-то беспокойное и сильное, а глаза, тоже черные, живо сверкали, как лезвие клинка. Это была полная противоположность Луи. Кончив смеяться, маркиз сказал художнику:

– Нет, нет, вы не обращайте внимания. Я так. Где же вы видели маркиза де Куломье?

– Я никогда его не видел. Это лишь моя фантазия. А вы, наверное, знаете его, раз так смеетесь.

– Да, приходилось видеть.

– Я бы хотел написать его портрет.
– О, это очень сложно. Вы напишите сначала меня, а я покажу вашу работу маркизу. Уверен, он сам захочет, чтобы вы исполнили его портрет.
– Что ж, сударь, извольте.
– Но это оставим до послезавтра.
Луи взял шляпу и, надевая ее, вышел на улицу.
– Эй, сударь, постойте. Вы хотели взять портрет.
– О да, я совсем забыл.
– Позвольте узнать ваше имя, – подавая картину, сказал художник.
– Зовите меня просто – Жан, – не задумываясь, ответил юноша и вскочил в седло, – а ваше имя, любезный?
– Этьен, мое имя Этьен Дюран.
– Я запомню. А это вам за портрет маркиза, но можете оставить его себе. До встречи. И не успел художник опомниться, как в его руке оказался луидор. Луи же выехал на дорогу.
– До свидания, сударь. Я буду рад видеть вас, – крикнул ему вслед Этьен.
Через мгновение от Луи осталось только воспоминание, а художника внезапно осенило: да ведь только что он разговаривал с маркизом де Куломье!

6. Бродячие актеры

В считанные минуты маркиз проехал по главной улице города и оказался на площади. Городские часы пробили восемь. В этот час в центре города было шумно. Тут нарастала гомонящая толпа и каждую минуту слышались громкие аплодисменты и радостные возгласы. Луи еще издали почувствовал необычайное оживление и поторопил коня. Подъехав ближе, маркиз увидел небольшой балаган и актеров, разыгрывающих перед толпой сценки. Луи присмотрелся.

В самом центре, развалившись в креслах, сидел размалеванный молодой господин, утопающий в ленточках и кружевах. В руке он держал что-то похожее на бутерброд или пирожное и рассуждал:

– Что касается меня, то... – тут он прервал свою речь, чтобы откусить пирожное, и продолжал, – мне совершенно все равно, сколько налогов завтра свалится на голову этих бездельников. Один, два, три... какая тут разница? Они совершенно от рук отбились. Но мы их воспитаем...

«Интересно, интересно, – подумал Луи, – кого он играет?» И получил ослепительный ответ. Появился актер в одежде камердинера и доложил:

– Ваша светлость, г-жа Лорины просит вашей аудиенции.

«Очень мило, – продолжал свои мысли Луи, – не больше не меньше – герцог или маркиз».

С интересом он смотрел дальнейшее действие. Появилась молодая актриса, играющая г-жу Лорины. Она полностью разделила все взгляды лжегерцога и сказала ему пару лестных фраз.

Толпа разражалась хохотом, когда «герцог» вдруг падал на ровном месте или был одурачен кем-нибудь из слуг.

Луи сразу понял идею представления, но, к удивлению, сам безудержно хохотал в самых веселых сценах, и актеры, уже заметившие его и наблюдающие с тревогой за его поведением, были уверены, что богач или не понял смысла, или ему все равно, что здесь происходит.

Как только представление завершилось, Луи направился прямо к балагану. Он смело прошел внутрь, где и увидел актеров. Все они были еще в костюмах и радостно обсуждали свое выступление. Тот, который играл роль герцога, говорил, снимая парик и вытирая вспотевший лоб:

– Не понимаю, как они ходят в такой одежде. Я совсем запарился.

– А что же тут понимать? – спокойно возразил Луи.

Актеры сразу же замолчали и в удивлении обратили взоры на юношу, который продолжал:

– На вашем костюме слишком много лент и кружев.

Опомнившись, все встали и сняли шляпы, у кого они были. Мужчина лет сорока с красивым загорелым лицом, прямыми, выгоревшими на солнце волосами и светлыми серыми глазами (он, по-видимому, не играл в спектакле и был одет как горожанин) без всякого волнения сказал:

– Вы совершенно правы, сударь. Но позвольте заметить – это предусмотрено нами, только бедный Жорж никак не может привыкнуть к своему облачению.

Луи понравился учтивый тон этого человека, и он приветливо улыбнулся. Актер предложил сесть. Остальные настороженно поглядывали на гостя. Луи спросил:

– Мне очень хотелось узнать, что за герцог был на сцене, поэтому я пришел.

Не успел руководитель труппы открыть рот, как Жорж отозвался:

– Экий вы недогадливый. Тут же рядом имение маркиза, по-моему, Куломье называется. Стало быть, маркиз де Куломье. Весь город это знает.

– Точнее говоря, – вмешался предусмотрительный актер, – это собирательный образ. Позвольте узнать, с кем имеем честь говорить?

Луи лукаво улыбнулся и просто сказал:

– Ну что ж, если это был маркиз де Куломье, то я – главный герой вашей постановки.

Все рассмеялись от души.

– Вам не откажешь в остроумии, – все еще смеясь, заметил актер. – И все же? Меня зовут Рене Дюпон, я руководитель нашей скромной труппы. А вы?

– Очень приятно, – улыбался юноша. – Луи Арман Виктор де Жуаньи, маркиз де Куломье, к вашим услугам.

В балагане стало тихо.

– Да, какие тут шутки, – произнес Рене. – В таком случае, примите наши извинения, если мы показались вам слишком дерзкими. В сущности, мы не имели в виду лично вас.

– А кого? – спросил Луи.

– Это долгий разговор.

– Вот я и хочу с вами поговорить.

– В самом деле?

– Иначе не явился бы сюда.

– Если не возражаете, все вместе пойдем в трактир. Там и поговорим.

– Отлично, – согласился Луи.

Через несколько минут он шел по улицам города вместе с актерами, оставив у балагана своего коня. В трактире заказали вина и ужин. Луи сел рядом с Рене, чтобы спокойно побеседовать. Актер все еще присматривался к своему юному гостю и не мог устоять перед его обаянием. Рене ласково, но грустно улыбался, что придавало его лицу какое-то особенное выражение. Этот человек с первых минут общения тоже притягивал, возбуждал интерес Луи.

– А у вас хороший аппетит, – улыбаясь все так же загадочно, заметил Рене.

– Да, не жалуюсь, – невозмутимо отвечал маркиз, – несмотря ни на что, я должен сказать, что мне понравилось ваше представление. Но почему объектом насмешек вы сделали именно меня?

– Я уже говорил, что мы не имели в виду лично вас, сударь. Сегодня это был маркиз де Куломье, завтра – виконт де Виньи, послезавтра граф де Бюсси и так далее.

– Какова же цель ваших выступлений? Пьеса тут многим понравилась, я видел.

– Это главное, сударь.

– Но вы слишком рискуете.

– Возможно. Но это необходимо, вы не поймете...

– Кому необходимо? – с нескрываемым интересом спросил юноша.

– Нашему народу. Мы открываем ему глаза.

– Что же будет, когда вы откроете глаза народу?

– Вы всегда так любопытны, сударь? – ласково поинтересовался Рене.

– Все-таки я француз, и мне интересно было узнать, что наш народ спит. Так что же будет, когда он проснется?

– А вот что: настанут новые времена, все будут счастливы, надеюсь, и вы тоже, маркиз.

– Вы немногословны, однако я понимаю вас.

– Думаю, что не вполне.

– Ах, вот как?

– Не сердитесь, сударь. Вы привыкли жить в радости и наслаждении, в «земном раю», и представления не имеете о том, что творится за его пределами.

– А что же там творится? – тут же спросил Луи.

– Ужасная несправедливость. Люди, которые растят хлеб, шьют одежду, производят все блага, живут подобно нищим, не в силах прокормить семью. Они голодают и, кроме того, должны платить кучу налогов из своих скудных средств. Они работают от зари до зари и ничего не имеют. Зато есть немного счастливых, которые, ничего не делая, имеют все, утопают в роскоши, едят и пьют до отвала и целыми днями развлекаются или скучают от лени. Они не платят налогов и живут на всем готовом. Им все равно, что вокруг люди голодают. Народ они презрительно называют чернью, однако именно эта грязная чернь их поит, кормит и одевает. Справедливо ли это, как вы думаете?

– Вряд ли, Рене. Только в жизни всегда так. Неужели вы думаете, что можно что-то изменить?

– Конечно, можно.

– А, догадываюсь: отнять богатство у счастливых и раздать его беднякам. Клянусь вам, ничего хуже нельзя придумать.

– Почему вы так думаете?

– Потому что тогда у нас появится целая армия бездельников еще более страшных, чем теперь. Знать хотя бы служит... сейчас никто не может без потерь уклониться от службы.

– Вы служите? – тут же спросил Рене.

– Еще нет, но... уже скоро настанет этот день. Мой отец служит в тяжелой кавалерии. Я тоже буду офицером, обязательно пойду в поход. У нас говорят, что «налог кровью» никого не минует.

– На военной службе так и есть, – согласился Рене. – Так вы считаете, что изменить мир к лучшему невозможно?

– Если постараться, то можно, только причина бед не в том, что я маркиз, а он сапожник.

– А в чем же, друг мой?

– Я и сам не знаю. Но если вы думаете, Рене, что для всеобщего счастья нужно поднять народ с вилами на господ, вы глубоко заблуждаетесь.

Не ожидал Рене подобных рассуждений от изнеженного юноши. Луи, в свою очередь, не хотел продолжать эту тему и предложил:

– Почему бы вам не прийти завтра ко мне в замок? Вы могли бы поставить что-нибудь. Я люблю театр и заплачу хорошо.

– Благодарю за приглашение, но не уверен, что у нас найдется подходящая пьеса.

– Вы боитесь, Рене, что я устрою вам засаду и вызову отряд гвардейцев?

– Мне бы не хотелось подозревать вас в такой подлости.

– И не подозревайте. Клянусь своей матушкой, что вы беспрепятственно покинете мои земли и никто вас пальцем не тронет.

– Так вы не желаете, чтобы нас арестовали? Мы же враги порядка.

Луи рассмеялся:

– Да таких врагов по всей Франции, наверное, и не сосчитать. Буду ждать вас завтра. А теперь я прощаюсь с вами.

– Как? Вы уходите? – с сожалением сказал Рене. – Мы не отпустим вас так просто. Лала, принеси-ка нам еще вина.

Лала, черноволосая, с большими черными, с хитринкой, глазами, красивым смуглым лицом была проворной цыганкой лет шестнадцати, которая частенько навевалась в этот кабачок, где танцевала в надежде на щедрость посетителей. Она была одета в красное платье и с алой розой в волосах.

Пока актеры сидели в углу за столом, Лала, играя с забавным черным щенком, поглядывала на нового посетителя, которого еще никогда здесь не видела. Нетрудно догадаться, что этим посетителем был Луи.

Услышав голос Рене, девушка быстро вскочила, бросив возню со щенком, и побежала за вином.

– Помилуйте, Рене, я уже достаточно выпил, – умоляя, сказал Луи, – к тому же, время позднее и мне пора возвращаться в замок. Я думаю, мы еще встретимся завтра.

– Нет, нет, нет, вы останетесь, и мы с вами еще побеседуем. Вы сами противитесь своему желанию, оставайтесь... Лала, ты видишь, он отказывается.

Кинув на Луи пленительный взгляд, девушка произнесла:

– Какой прехорошенький, – и с этими словами, поставив вино на стол, быстро удалась.

Лицо юноши запылало. И тут не обошлось без меткого замечания Лалы, которая всегда новым посетителям высказывала свое мнение о них, и, каким бы оно ни было, никто ее не осуждал даже за самые колкие замечания.

Луи поддался просьбам актеров и остался.

– Вот видите, – сказал Рене, – вы все-таки остались. Но вы еще не знаете нашу Лалу: вы еще многого не знаете, а ведь она превосходно владеет шпагой.

– Да? – не скрывая своего изумления, выговорил Луи.

– Мне кажется, дружище, вы что-то задумали.

– О, я бы все отдал, только бы узнать, как она дерется.

– Однако я не думал, что вы так горячи. Но бросьте вашу затею.

– Да что вы? – внимательно следя за Лалой, возразил Луи, который не на шутку зажегся.

– Я вам не советую, – серьезно продолжал Рене.

– Да почему же?

– Лучше бы я вам не говорил. Поверьте на слово, она прекрасно дерется.

– Держу пари: если она выиграет, вы получите три луидора – это все, что сейчас при мне.

– А если выиграете вы?

– Я поцелую ее, это будет хорошей наградой.

– Уверю вас, она не таких рыцарей, как вы, сражала. Неужели вы поднимете руку на девушку? – этой фразой Рене надеялся остановить маркиза, но было уже поздно.

– Нет же, – сказал Луи. – Это будет игра, состязание, если хотите. Я вам клянусь, ни один волосок не упадет с ее головы.

Не слушая никаких предупреждений Рене, юноша встал и направился прямо к тому месту, где Лала возилась со своим щенком. Она вела себя совершенно независимо и не подала никаких знаков внимания маркизу. Луи стало досадно, и он, подойдя настолько близко, что его уже нельзя было не заметить, мягко проговорил:

– Скучаешь, красавица?

– Ничуть, – беспечно ответила Лала и не без укора взглянула на Рене.

– Очень жаль, – все более распаляясь, произнес Луи, – я бы развлек тебя... знаешь, твое имя как песенка... ла-ла, ла-ла...

– Так и скажи, что хочешь драться, – невозмутимо бросила Лала.

– Я не сказал этого...

– И тем не менее ты весь пылаешь. Лучше охладись, мальчик, тебе это будет не на пользу.

Ну эдакой дерзости маркиз, который был, несомненно, высокого мнения о себе, не мог стерпеть. Что ж, сам этого добивался.

– Теперь я вынужден драться, ведь ты владеешь шпагой.

– Ты жаждешь скрестить со мною шпагу? – зажигаясь в свою очередь, воскликнула Лала.

– О, это не смертельный поединок.

– Ага, ты заключил пари, как я не догадалась раньше? Тогда держись. Эй, дайте мне шпагу!

– Отлично.

Услышав громкий разговор и узнав, что речь идет о пари, все посетители трактира в один миг окружили их плотным шумящим кольцом. А «бойцы» уже были полностью готовы.

– Защищайся! – воинственно крикнула Лала и бросилась на своего противника. Луи с первого момента почувствовал ее сильную руку. Несмотря на молодость и пыл, Луи предпочел не нападать, а защищаться. Но это вовсе не означало, что он потерял отвагу. Нужно сперва изучить своего противника, что и делал маркиз.

Лала все так же смело и решительно нападала, но все ее удары, которые прежде приносили ей такой успех, умело и хладнокровно отражались. С лица Луи не сходила улыбка, но когда Лала применила удар, о котором он только слышал, юноша присвистнул и не без удивления воскликнул:

– Какой чудесный удар! Я умоляю, повтори его еще разок, если не трудно.

– Ты больше сил тратишь на разговоры, – был ответ.

Борьба продолжалась. Однако Луи надоела эта возня, и его защита стала постепенно переходить в наступление. И когда все его мысли были заняты близкой победой, произошло невероятное: неуловимый финт, и острое шпаги застыло в дюйме от его груди. Несмотря на неумный темперамент, Луи давно был натаскан на все эти уловки и сам мог бы сразить любого сверстника. Но как же он не успел отреагировать?

Мало приятного, когда слышишь, как ликует весь трактир, вполне довольный исходом поединка: их общая любимица Лала одержала победу над этим юнцом-дворянчиком.

На пару мгновений в глазах маркиза отразилась совершенно детская досада: он так не любил проигрывать, а тут еще девице проиграл. Но большего от него не дождутся. Пусть радуются, пусть три золотых переключают в карманы актеров, все это он переживет.

Поздно вечером Луи вернулся в замок. Но прежде чем лечь спать, он взял портрет незнакомки и заперся у себя в кабинете. Он долго сидел при свечах и уже спокойно рассматривал портрет. Тайная мысль заронила в сознании Луи. Несмотря на внешнее спокойствие, он чувствовал, что внутри все кипит, и сам не мог объяснить свое волнение.

Юноша спрятал портрет так, чтобы никто не увидел, и, полный новых ощущений, прошел в спальню. Было уже так поздно, что он не дерзнул беспокоить Мари.

7. Актеры в замке Куломье

В полдень к высокой ограде подошли люди, по виду странники, исходившие не одну дорогу. За собой они вели пару рыжих лошадок, запряженных в скрипучую повозку, в которой везли свои вещи (остальной скарб оставили в городе).

В воротах стояли два охранника с самыми скучными физиономиями. Но, увидев пришельцев, они преградили дорогу и в один голос крикнули:

– Стой!

Люди остановились.

– Кто такие? – спросил один охранник.

– Актеры, – отозвался Рене.

– Проходите, – сказал второй, – эй, Поль, сбегай, доложи маркизу. Он, кажется, на игровой площадке.

Актеры тем временем шумно прошли через ворота и оказались на широкой дорожке, которая вела прямо к замку.

Здесь было хорошо. Высокие деревья давали благодатную тень, шелестя многочисленными ветвями. Неугомонно щебетали птицы.

Когда уже хорошо был виден старых времен замок, казавшийся мрачным дедушкой в этом свежем уголке, деревья кончились и яркий солнечный свет озарял всю открытую ему поверхность. Все, что окружало замок, говорило о новых временах. Весело шумели фонтаны, и ярко пестрели всевозможные цветы на клумбах.

– О, посмотрите, куда забрался наш маркиз, – вдруг сказал Жорж и указал налево. Все устремили свои взоры в указанную сторону.

Действительно, они увидели вчерашнего знакомого, который со специальным веером в руке ходил по канату. Ему была дорога жизнь, поэтому на его поясе крепко сидел ремень страховки. Юноша еще не заметил гостей и был занят разговором с Люсьеном.

– А сейчас я пойду без страховки, – сказал Луи, расстегивая ремень.

– Как, вы собираетесь идти без страховки? – взволнованно спросил Люсьен. – Но здесь достаточно высоко, неужели есть необходимость так рисковать?

– Чем же мне еще заняться?

– Луи, прошу вас.

– К чертям ваши просьбы, слышите? Держите, – Луи бросил ему ремень и вступил на канат.

Люсьен только закусил губу и с волнением следил за каждым движением маркиза.

Вот тут-то, оказавшись на самой середине пути, юноша и увидел актеров, с удивлением смотревших на него. Жорж помахал рукой, и Луи в ответ, радостно улыбнувшись, помахал своей и поспешил перейти последний этап. Потом он слез по лесенке на землю и быстрым шагом направился к актерам.

– Приветствую вас, господа! – подходя к ним, сказал Луи.

– Здравствуйте, сударь. Мы очень рады вас видеть, – поклонившись, сказал Рене, и послышалось сразу несколько приветствий в адрес Луи.

– Пойдемте, господа, – учтиво проговорил юноша и повел гостей в дом.

Старинные крепкие помещения замка были обставлены на новый манер, но еще хранили свой вечный, какой-то особенный загадочный дух, напоминая о грозных временах рыцарей, кольчуги и латы которых до сих пор хранились в замке. Луи привел актеров в балльный зал и сказал:

– Здесь вы будете выступать. Может, желаете откусать?

– Нет, нет, ваша светлость, мы неплохо позавтракали, и нам не терпится дать представление, – взволнованно возразил Жорж, всегда живой и веселый молодой человек лет двадцати трех.

– Так и быть. Сколько времени вам нужно на подготовку?

– Не больше часа, – сказал Рене.

– Прекрасно. Ровно через час я и мои друзья придем посмотреть на ваше искусство.

А пока не буду вам мешать.

Луи весело подмигнул им и удалился.

Пьеса, поставленная в замке Куломье, сильно отличалась от той, которую Луи видел на улице. Еще бы, ведь это была нашумевшая лет десять назад комедия Мольера «Тартюф». Луи вспомнил, что ее даже запретили, но потом разрешили вновь. Он смотрел и сравнивал два представления, понимая, какая же пропасть лежит между ним и теми горожанами, которых вчера развлекали актеры.

По окончании спектакля маркиз с самым дружественным видом приветствовал актеров, а когда они переоделись, пригласил отобедать, на что теперь уже нельзя было ответить отказом.

Обед не мог не понравиться гостям, которые нечасто видели такое изобилие на столах.

– Что же вы молчите, Рене, – сказал маркиз, – расскажите мне о своей деятельности.

– Право, я не знаю, что рассказать, сударь. Что может быть удивительного в нашей бродячей жизни? Ходим по городам, показываем представления, – тут он запнулся, припомнив, что маркиз видел вчерашний спектакль.

– Да, да, продолжайте, я слушаю вас.

– Нет, нечего и говорить.

– Да уж и нечего, Рене. Столько путешествуете...

– Кроме нищих на дороге, крестьян да горожан... помилуйте, маркиз, это не стоит вашего внимания.

– Что ж, отложим этот разговор на другой раз.

– Вы уверены, что мы еще встретимся?

– Кто знает? Говорят, мир тесен.

– Если мы еще увидимся когда-нибудь, я поверю этому высказыванию.

– О, народ никогда ничего не выдумывает просто так.

– Тут я полностью согласен с вами, ваша светлость.

– Да, а как вам понравился мой замок? – переводя беседу на другую тему, спросил Луи.

– Прекрасный замок, он принадлежит вам?

– Да. Этот замок сейчас уже мой.

– Вы счастливый человек.

– Надеюсь, что так. А вы сегодня утром не давали представления в городе?

– Кому же его давать? Все работают. Но зато я поспорил, что пообедаю сегодня с вами.

– Я вижу, вы мастер на пари. И с кем же вы поспорили?

– С одним художником...

– С художником? Уж не с тем ли, который живет на самой окраине города, у дороги к замку?

– Да, да, тем самым, маркиз. Вы его знаете?

– Вчера, незадолго до нашей с вами встречи, имел счастье познакомиться с ним.

– Значит, вы видели свой замок на его холсте?

– Более того, я покупаю эту картину.

– Вы долго не думаете, – заметил как бы про себя актер.

– А что тут думать? Я люблю красоту в любых проявлениях. Сейчас, господа, вы отдохнете у меня, а потом, как вам будет угодно, можете переночевать здесь.

– Нет, нет, маркиз. До вечера еще много времени, а оно, как известно, не ждет. Мы отправимся в путь. Сердечно благодарны вам за прием.

Внимательно взглянув на Рене, Луи понял, что задержать их не сможет, и произнес:

– Как хотите. Буду рад снова увидеть вас.

Через час Луи уже прощался с актерами и, глядя на Рене, думал, что когда-нибудь обязательно встретится с этим человеком, но когда, где и при каких обстоятельствах? Он не мог себе представить ровно ничего.

Рене, в свою очередь, прощаясь с Луи, подумал: «Он так похож на нее».

Актеры ушли, и вдали заглох неугомонный скрип старой тележки.

8. Разочарование

Мари вошла в девичью. Еще в коридоре она слышала визг и топот, но все равно вошла и застыла у порога.

Девушки, выстроившись вдоль стен, следили за Луи, который, будучи с завязанными глазами, выставив руки перед собой, пытался кого-нибудь поймать. Вероятно, его попытки и вызывали хохот девиц.

Войдя в комнату и не успев толком понять, что тут происходит, Мари неожиданно оказалась прямо на пути юного маркиза. Не успев ничего предпринять, она очутилась в его руках.

Луи, совершенно довольный, сорвал повязку с глаз и, немного удивившись, воскликнул:

– Вот и попалась, птичка! А что полагается, если я поймаю птичку?

– Поцелуй! – дружно завопили девушки, глядя на парочку в нетерпении.

– И аминь! – провозгласил юноша и, молниеносно прижав девушку к себе, властно поцеловал ее прямо в губы, так что она даже пикнуть не успела.

В следующий миг, когда он устремил торжествующий взгляд на свою жертву, Мари в негодовании с силой ударила его по нежной щеке.

Послышался громкий возглас девушек. Однако ее поступок явно отрезвил маркиза. Он невольно отошел на пару шагов; лицо его залила краска. Еще бы! Никогда не встречал он такого сопротивления со стороны женщины.

Не желая показывать своего смущения, он, пытаясь говорить как можно развязнее, произнес:

– Как приятно получить награду от этой прелестной ручки. – Но глаза его говорили совсем другое.

– Мари, в уме ли ты? – сказала ей одна из девушек.

– Вы...вы что, не видите, кто перед вами? – возмутилась Мари.

– Мы-то видим, а вот ты не видишь. Ты здесь недавно, ничего не знаешь, а суешь нос, куда не просят, а вы, сударь, еще ей почести оказываете.

Луи не вступал в спор. Мари смутилась, но все же продолжала:

– Я вижу перед собой непорядочного человека, который, вероятно, слишком высокого мнения о себе; и он оскорбляет женщин, тогда как его шпага призвана защищать их честь. Это низко.

– Уж помолчала бы, – заявила самая смелая из девушек, Альбина, – сама небось потаскуха, а все туда же – морали читать. Думаешь, не знаем, куда ты метишь? Проповедь нам тут читаешь, а чтой-то не видать твоей постели, где положено...

На лице маркиза появилась бесстыдная улыбка. Он подошел к совершенно потрясенной Мари, взял ее за подбородок и, глядя в глаза, произнес:

– Так-то, дорогуша, в чужом глазу сучки разглядывать... А если я накажу тебя за дерзость...

– Воля ваша, – ничуть не дрогнув, ответила Мари и с насмешливой и презрительной улыбкой положила свою ладонь на его руку. Он опустил ее.

– Вот дуреха, помолчала бы, – шепнул кто-то.

– Нет, почему же? Пусть говорит... – произнес Луи, надвигаясь на нее.

Девушка стала пятиться, но маркиз уверенно шел на нее. Мари почувствовала, что уперлась спиной в стену.

– Не подходите... – проговорила она, но это не остановило маркиза.

– Не подходите, я не отвечаю за себя, – повторила Мари, когда он был совсем близко. В глазах его сверкало что-то зверское, безумное, властное.

– Говори же, что тебе еще не нравится, – тихо сказал он.

Мари смотрела ему в лицо, не зная, чего можно ожидать. Напряжение не отпускало ее. И не было в целом мире человека, который бы вступился за нее. Все эти девушки стояли теперь вместе и с любопытством ждали, что же будет. Мари они не приняли в свою компанию, больше того, страшно завидовали ей, и вот сейчас им было приятно видеть ее унижение. Это так обидно.

Луи тем временем удалось совладать с обуревавшими его эмоциями, он отступил, но напоследок обратился к девушкам:

– Ну, мои голубушки, образумьте свою подружку, а то... дружба наша кончится, – и медленно направился к двери.

– Ваша светлость, камзол забыли, – учтиво сказала Мари, протягивая ему шитый серебром камзол из бархата.

Маркиз обернулся. На его лице была, что называется, буря. Но он, дрогнув губами и ничего не говоря, взял камзол и, мрачно взглянув на Мари, вышел. Как показалось Мари, в его глазах стояли слезы.

Как только дверь захлопнулась, девушки окружили Мари.

– Что ты наделала? Что теперь будет? – упрекали ее.

– Ничего не будет.

– Верно, ей-то ничего не будет, – сказала дерзкая Альбина. – Это перед нами ты цирк разыгрываешь, а ночью по-другому петть будешь в постели-то у красавчика.

Мари в негодовании ответила:

– Считайте, как вам нравится. Но вы, я вижу, рады потакать ему.

– Это честь. Да без тебя у нас было все хорошо. А теперь, если он рассердится на нас... и откуда ты взялась на нашу голову?

– Не рассердится ваш угодник. Уж если так, пусть меня наказывает, я не боюсь.

– Вот сумасшедшая девка, хочешь, чтоб тебя выпороли?

– Посмотрим...

Мари не хотела больше тут оставаться. Она даже забыла, зачем приходила.

Весь день прошел как в тумане. Мари не отпускали досадные мысли. Она чувствовала себя совсем одинокой и незащищенной. До этого дня Луи был единственным человеком, с кем она могла поговорить от души. Но теперь... Напрасно она надеялась, что он совсем не похож на типичных аристократов, не знающих, чем заняться. Он сделан из такого же теста, как они; он самовлюбленный, избалованный и бессовестный. И как она могла предположить, что этот новый донжуан питает к ней особые чувства? Он только развлекается и не видит в ней ничего, кроме средства убить свою скуку. В какой-то миг Мари так увлеклась и ушла в свои переживания, что опомнилась, лишь наткнувшись на что-то, вернее, на кого-то... Ахнув, Мари поспешила извиниться:

– Ради бога, простите, сударь.

– Надеюсь, не каждый раз мы будем приветствовать друг друга таким образом? – раздался в ответ невозмутимый голос виконта д'Эперне. Виконтом д'Эперне был Люсьен, Люсьен Мари де Провен.

– Извините, сударь, я отвлеклась.

– Нельзя так часто отвлекаться, милочка, так и шею свернуть недолго. Ну, что скажешь, нравится тебе здесь?

Мари, опустив глаза, не своим голосом ответила:

– Да, сударь.

Люсьен очень внимательно посмотрел на нее и с сомнением произнес:

– Звучит без радости. Что-нибудь случилось?

– Нет, сударь.

– «Да, сударь», «нет, сударь», – вздохнул Люсьен. – Мы, кажется, не в армии. Не видела маркиза?

– Нет, только до полудня.

– Ищу его уже целый час... точно испарился. Ладно, пойду дальше искать.

Мари поклонилась и поспешила в замок. А Люсьен отправился на поиски друга. Дело в том, что Люсьен приехал в Куломье вместе с маркизом, как и в прошлом году. Но здесь они не всегда были вместе. Луи не мог сидеть на одном месте и все время искал новых развлечений и приключений. Люсьен же часто забирался в библиотеку и часами читал какие-то полурассыпавшиеся от времени книги. А по вечерам они встречались за трапезой и делились впечатлениями. Впрочем, иногда Луи удавалось соблазнить друга на какую-нибудь авантюрную прогулку или на состязание в стрельбе и на шпагах.

Люсьен еще долго кружил по парку, пока не очутился у одной из беседок. В ней были мягкие сиденья и хранилась весьма объемная подушка. Люсьен был тут один раз в прошлом году, когда Луи показал ему это место. Сам Луи редко бывал здесь, но нынешний настрой сам привел его сюда.

Маркиз сидел на скамье и безучастно смотрел перед собой. Какая-то лень проглядывала во всем его облике.

– Люсьен, мне тошно, – сказал он, когда обрадованный виконт вошел в беседку.

– Вам нечем развлечься?

– Да не от тоски мне тошно.

– Отчего же?

– Вы не можете.

– Почему?

– Потому что она совершенно дикая, – вздохнул Луи.

– Кто? – не понял виконт. – Вы купили еще лошадь?

– Да нет же, Люсьен. Право, какая лошадь? Ну, помните, недавно я девицу взял в горничные? Мари?

– А-а-а, – протянул Люсьен, – кстати, я только что ее встретил.

– Где? – оживился Луи.

– Недалеко от замка. Опять налетела на меня, как будто я невидимый. Странная она какая-то.

– Не то слово, – усмехнулся Луи, – я поцеловал ее, а она такую пощечину залепила. Я таких дикарок еще не видел.

Люсьен нахмурился и сказал:

– Зачем же так переживать из-за какой-то горничной?

– Не смейте так говорить о ней, – твердо сказал Луи, в упор глядя на друга.

Люсьен даже испугался:

– Хорошо, не буду.

– О, Люсьен, вы даже не представляете, что за напасть. Я не могу без нее. Поверьте, она неприступна...

– Неприступна? Для вас? – спросил Люсьен со странным выражением лица.

– Да, представьте себе. Только не пойму, на самом деле она такая или только притворяется, строит из себя недотрогу.

– Что же вы хотите делать?

– А ничего. Подожду еще немного, – лукаво сказал маркиз и, положив под голову подушку, улегся на широкой скамье.

– Луи, а если она не изменится к вам? – спросил Люсьен.

– О, это невозможно, – очень уверенно ответил маркиз, – а теперь оставьте меня, я умираю от любви...

Видя, что с Луи бесполезно беседовать, Люсьен вышел из беседки и побрел по дорожке, срывая листья кустарника и теребя их в руке.

Навстречу ему шла... Мари. Виконт удивленно уставился на нее.

– Ты что здесь делаешь? – спросил он.

– Я? – смущенно переспросила она, – я ищу его светлость...

– Весьма интересно, – подозрительно проговорил Люсьен, испытующе глядя на Мари. Она стала объяснять:

– Мне очень нужно поговорить с ним, пока не стемнело. Вы уже видели его?

– Да, Луи в беседке, здесь недалеко, – он указал в сторону видневшейся среди зелени белой крыши.

– Его светлость отдыхает?

– Нет, он умирает... – с усмешкой сказал Люсьен.

У Мари в глазах отразился испуг.

– Но ты ему поможешь, – уверенно продолжил виконт и, отходя, засмеялся.

Мари прибавила шагу и вскоре оказалась в беседке. Луи, от удовольствия закрыв глаза, преспокойно лежал. Услышав шум, он и не подумал открыть глаза, полагая, что Люсьен вернулся, и желая позабавиться.

Мари тихо подошла, наклонилась и внимательно посмотрела в лицо маркиза.

– Ваша светлость, – шепнула она.

Он мгновенно открыл глаза, так что Мари очень перепугалась от неожиданности. Луи же приподнялся на локте и весело проговорил:

– Ах, это ты, моя птичка!

– О Боже... – выдохнула Мари и невольно опустилась на скамью. – Вы меня так напугали. А ваш друг сказал, что вы умираете.

Луи рассмеялся:

– Разумеется, он не сказал, отчего? Шельма. Послушай, а с чего это ты драться стала?

– Неужели это требует объяснения, сударь? – строго проговорила Мари. – И я пришла сюда говорить не об этом.

– Ах ты, дерзкая. Все-таки придется умереть, – он взял ее руку, внимательно рассмотрел и произнес: – И не подумаешь, что в такой ручке столько силы.

– Боже мой! – опомнилась Мари, – вы опять меня заговорили.

– А что?

– Раз уж вы живы, сударь, я бы хотела попросить вас...

– О чем, дорогая?

– Мне кажется, что я должна жить вместе с другими слугами, как и положено.

– Что-то мне так не кажется, – омрачившись, произнес Луи.

– Сударь, я не хочу давать повод для клеветы. Но, видно, вы солидарны с мнением Альбины. Вы позволили ей оскорблять меня в вашем присутствии.

– Это упрек? – Луи стал серьезным. – По-твоему, я должен оправдываться перед горничными? И, кажется, тебе важнее заслужить их расположение, а не мое. По меньшей мере, это странно.

– Все же вы скомпрометировали меня, воспользовавшись тем, что я ничего здесь не знаю.

– Душа моя, откуда такая салонная речь? – вдруг спросил маркиз.

Мари запнулась и настороженно посмотрела на него.

– Скрываешь ты что-то.

– Мне нечего скрывать, ваша светлость.

- И откуда ты взялась такая? Настоящая дикарка.
- Я дикарка, потому что вы ведете себя, как мужлан? – удивилась Мари.
- Но ведь и ты не принцесса, – усмехнулся Луи.
- Поэтому я недостойна уважения? Конечно, вы привыкли, что все ваши прихоти исполняются, вы развлекаетесь. Наверное, вы и за людей-то не считаете простолюдинок. И если вам так хочется позабавиться, найдите себе подходящую девушку. Ваши горничные, по-моему, ни в чем вам не откажут. Почему же вы преследуете меня?
- Они-то не откажут. А кто сегодня ворвался к нам, точно фурия, и испортил всю игру? Мари притихла.
- Молчишь? И кто, интересно знать, позволил тебе так дерзко обращаться со мной в их присутствии?
- Вы сами виноваты, – уверенно ответила Мари.
- Какие мы гордые... Можно подумать, ее никогда не целовали.
- Представьте себе, не целовали, – рассердилась Мари, – а вы, вы сделали это насильно.
- Не нужно было упрямиться, было бы куда приятнее.
- Позвольте мне перейти в девичью, – строго повторила Мари.
- Вот глупая, – качая головой, устало сказал он, – да они же заключают тебя. Ты из другого теста; нечего тебе рядом с ними делать, научат черт знает чему.
- А так, думаете, будут лучше относиться?
- Они никогда не примут тебя.
- Это не ваша забота.
- Здесь, дорогуша моя, хозяин я, и мне решать, у кого какие заботы. Мои слуги еще никогда на меня не жаловались, хоть у кого спроси. А тебе бы поменьше болтать и не упрямиться.
- И все ваши капризы исполнять? Лучше пусть заключают.
- Чего ты боишься? Думаешь, там, в девичьей, я тебя не достану?
- Вы забыли, верно, почему я оказалась у вас...
- Хочешь убежать?
- Было бы куда.
- Так-то лучше. От меня еще слуги не бегали. А будешь умницей, ни одна собака тебя не тронет, будешь жить, как королева. Забудут, что ты горничная. У меня нет преград.
- Могут быть другие преграды, сударь, – она встала и собралась уходить.
- Я свое слово умею держать, – серьезно сказал маркиз.
- Я могу идти?
- Иди, милая, и подумай.
- Мари сдержанно поклонилась и быстро ушла. По парку она почти бежала. Что же делать? Неизвестно, что бы она натворила, если бы Жанна, кормилица Луи, не остановила ее:
- Эй, девочка, куда летишь? Сейчас бы мы с тобой в супе искупались. А что я потом нашему прелестнику скажу? Куда суп делся?
- Не сердитесь, я больше не буду.
- Ну-ка, помоги мне донести.
- Скоро Мари очутилась на закопченной кухне. Жанна, женщина средних лет, давно уж работала на семью маркиза и много чего знала. Вот и не случайно она привела к себе Мари.
- Сейчас можно передохнуть. Присядь, поболтаем. – Жанна налила молока в глиняные кружки и уселась напротив.
- Ну что, нравится у нас?
- Да, хорошо здесь, зелени много.

– Ну, а хозяин-то нравится?.. И не отвечай. Знаю, что нравится. Все девки по нему с ума сходят. Но они-то глупые, дуры набитые, с ними и говорить без толку. А с тобой можно. Ты, говорят, приструнила его.

Мари покраснела и не ответила.

– Луи неплохой. Да что там говорить, я его с малолетства знаю. Добрый он, о нас заботится, в обиду не даст. Если что нужно, всегда поможет. Одно плохо: до девок падкий. Будь осторожна с ним, девочка. Такой уж повеса и ветрогон. Кашу заварит, а расхлебывать тебе придется.

Мари совсем поникла и пролепетала:

– Тетя Жанна, он поселил меня рядом со своей спальней и не хочет переселить в девичью. Что делать?

– Без его разрешения лучше ничего не делай.

– Но ведь думают обо мне плохо.

– Из зависти, детка. Они же видят, что он за тобой бегаёт.

– Что же делать?

– Если боишься его, девочка, если совсем худо дело, то есть одно средство.

– Какое же?

– Только это между нами. Отец у него строгий. Раньше-то, в молодости, тоже за девками бегал. У нас с ним такая уж любовь была. А вот смотри теперь, ничего не осталось. Ну вот, отца он слушает. Отец его гоняет. Чуть что, кричит: «Наследства лишу!» Ну, а матушка – добрейшая женщина, только чувствительная слишком. В чаде своей души не чаёт, до сих пор видит в нем дитя неразумное. А Луи уж давно не мальчик, – тетя Жанна печально вздохнула. – Соблазнила его одна женщина, охотница до удовольствий. Я грозилась матери рассказать, так он, бедный, чуть не в слезах, умолял меня молчать. Любит он свою мать и боится тревожить. Ведь ни одной юбки не пропустит. И натворить уже успел. Видела дочурку Катрин?

– Видела. У нее еще и сын есть, – не поняла Мари.

– Сын у нее от мужа, от конюха. А дочку-то она с Луи прижила.

– Девочке года два есть, – прошептала Мари.

– Полтора. Я Катрин предупреждала. А ей что? Весело, хорошо. Вот и допрыгалась. А как узнали, что дело серьезное, тут же ее замуж за конюха выдали. Отец-то Луи знает, он же и велел девку замуж отдать, а от матери скрыли.

Мари сидела, как заколдованная. Вспомнила, как Луи не раз брал дочку Катрин на руки, играл с ней. Не верилось. Просто не хотелось верить. А тетя Жанна продолжала наставлять:

– Вот и смотри, девочка, если понадобится, я сама с ним побеседую, уж я знаю, чем его взять, а меня он, слава богу, не запугает, мы с ним всегда ладили.

– Тетя Жанна, зачем же вы скрываете все от его матери? Когда-нибудь она узнает, и будет только хуже.

– Лучше не вмешиваться, Мари. Это не наше с тобой дело. Ну, иди. Мне пора столом заниматься. И ничего не бойся. Иди, девочка.

В тот же день, вечером, маркиз объявился на кухне. Он любил запах теста и всяких вкусностей, которые варились, жарились, пеклись. Иногда он приходил посмотреть на то, как работает Жанна, временами ей помогал, усваивая, как готовятся некоторые блюда. Бывало, просто заходил стащить кусок или воды попить. Тетю Жанну он с раннего детства бессознательно любил, называя ее второй мамой.

На этот раз его встретила не добродушная сообщница, а женщина строгая и затаившаяся.

Луи приветливо поздоровался, прошел по кухне, устроился за столом и, положив голову на сложенные перед собой руки, стал смотреть, как Жанна лепит круассаны.

Жанна работала молча, не спрашивала ни о чем, как обычно, а только поглядывала время от времени на своего любимца. Ее сердце всегда таяло, когда она видела его ясные веселые глаза, чуть растрепанные светлые волосы и небрежно распахнутый ворот рубашки. Она знала, что он хороший, что в его груди бьется отзывчивое сердце, что он родился, чтобы людям приносить радость и свет. Она видела, какая мощная энергия таится в нем и ищет выхода. Жанна боялась, что вся она, еще нерастраченная, устремится не в то русло, и кое-кого винила в этом.

– Я смотрю, сударь, вы все вокруг Мари увиваетесь, – проговорила Жанна, сосредоточенно разминая тесто.

Луи поднял на нее ласковый взгляд, улыбнулся.

– Что, разве не так? – спросила она и строго посмотрела.

– Это моя горничная, – напомнил Луи.

– Хорошо у вас получается. Вы, сударь, чем девкам-то голову морочить, лучше бы занялись делом каким. Батюшка ваш правильно делал, когда хотел на службу пристроить.

– Я же и не против. Матушка не пустила.

– А вы что, дитя малое? Пора и своим умом жить.

– Ах, Жанна, ты странная сегодня, сердитая. По-твоему, как на службу идти – я уж взрослый, а с девушками гулять мне рано?

– Вот ведь хитрец. Все подмечаете. А я вам серьезно скажу, сударь, вы Мари обижать не смейте.

– Разве я обижаю? Что ты говоришь, Жанна?

– Знаете, что. Хотите, чтобы и она, как Катрин...

– Зачем это ты? – Луи перестал улыбаться. На лице вдруг явилась маска отчужденности.

– Вы, сударь, для развлечения и кого другого найти можете, а Мари девушка порядочная, честная. Обману не простит.

– Ты, Жанна, клевету на меня возводишь. Никого я не обманиваю. А не веришь, так у нее спроси.

Жанна безнадежно махнула рукой, перепачканной в муке, и пригрозила:

– Если вы ее хоть чем обидите, сударь, то знайте: молчать не стану и матушке вашей скажу, какие порядки вы тут в ее отсутствие заводите.

– Вот еще, ты меня пугать будешь, – нахмурился он.

– Да уж воля ваша, делайте, как хотите. А я не позволю вам непотребства совершать. Мне есть что сказать матушке вашей. Вы уж не в первый раз провинились.

– Ну и рассказывай, – вдруг выпалил маркиз и вскочил на ноги. – Рассказывай, если хочешь. Я не боюсь. – И он гордо удалился.

А Жанна удивилась. Вот, кажется, и вырос мальчик. Бывало, припугнет она его обещанием рассказать все матери, и он идет на попятную, умоляет, плачет даже. И вот тебе на – глаза жесткие, губы упрямые. «Не боюсь», – говорит. Вот оно, началось. Ну, матушка герцогиня, теперь держись. Уж если Луи куда занесет, к юбке его не привяжешь. Катрин да крестьяночки – все цветочки. Ягодки еще впереди.

* * *

Мари немного успокоилась. За этот день произошло столько всего, что не было никакой возможности обдумать дальнейшие действия. Все сложно перемешалось. Но мысли и чувства сводились к одному – к досаде. Почему, почему Луи *такой*? Как принять его таким, каков он есть? И надо ли принимать?

К удивлению Мари, ночью никто не стучал в дверь, никто не рвался к ней. Мари не знала, что Луи, мучимый бессонницей, поставил на стол портрет юной аристократки и, не отрываясь, смотрел на него.

9. Прогулка

В Куломье протекала превосходная река. И хотя церковь провозгласила, что мыться вредно, что вода – источник болезней, крестьяне ходили на речку. Не составляли исключения и жители замка. Мари не посчитала большим грехом купаться в летнее время и завела обычай ходить на реку ближе к вечеру, когда вода теплее. Но все-таки она делала это тайком.

И в этот вечер она пришла на излюбленное место, очень живописное и укромное. Вода тихая, звуки вечером слышны далеко. Мари скинула одежду и зашла в воду. Она поплыла от берега, наслаждаясь прозрачной и теплой водой. Устав, девушка пустилась в обратный путь. И вдруг увидела маркиза, который стоял на берегу и смотрел в ее сторону. В первый момент Мари очень испугалась и не знала, что делать, но, переборов страх, она все же продолжала плыть к берегу.

Луи, видя, что она хочет выходить и крайне смущена его присутствием, медленно отвернулся. Мари выбралась, торопливо вытерлась и оделась, боясь, что юноша из шалости обернется. Потом строго спросила:

– Вы следите за мной, ваша светлость?

Луи повернулся к ней лицом:

– Какая тебе разница? Я гуляю здесь иногда, и вот увидел тебя. Купаешься?

– Да.

– И я, пожалуй, искупаюсь.

Он тут же начал раздеваться, так что потрясенная Мари отвернулась и услышала смех Луи:

– Стесняешься? Ты не уходи. Обратно вместе пойдем.

Вслед за этим послышались сильный всплеск и радостные восклицания маркиза. Он из воды отпускал шуточки в адрес Мари, не решавшейся повернуться. Накупавшись и нашаллившись, Луи выбежал на берег, оделся. Все это время его рот не закрывался, и Мари приходилось отвечать на его вопросы. Наконец, он подошел к ней и сказал:

– Пойдем, милая.

Он счастливо улыбался, его волосы были влажны, глаза смеялись.

Луи и Мари пошли по тропинке между старыми высокими деревьями. Алое солнце закатывалось за горизонт. Становилось прохладнее.

Несколько минут шли молча, потому что тропинка была узкой, и маркиз, пропустив вперед девушку, следовал за ней, напевая что-то себе под нос. Но как только дорожка сделалась шире, Луи примостился рядом и тут же протянул Мари несколько ярких лесных цветов.

– Благодарю, – тихо сказала она, взяв подарок.

– Если бы я знал, что ты ходишь сюда часто, то обязательно ходил бы с тобой, – сказал маркиз.

– Зачем? – с волнением спросила Мари.

– Мне с тобой интересно. Ты нравишься мне.

– А если бы я вам сказала: не ходите со мной?

– Я бы не пошел, – вздохнул юноша.

– Вчера вы были другим человеком, – произнесла Мари.

– Ты не такая, как все, думаешь, я не заметил? Но почему ты так холодна? Ты равнодушна ко мне?

– Потому что я боюсь, – не поворачивая головы, отозвалась Мари.

– Чего ты боишься?

– Вы непредсказуемый человек, от вас можно ожидать чего угодно. Вчера вы тиранили меня, сегодня вы сама учтивость...

– Потому что я влюблен... – порывисто ответил Луи, взяв ее за руку, – и хочу найти ответ в твоём сердце.

Мари не сразу нашлась, что сказать. Слова дались ей нелегко, но она рискнула их произнести:

– Почему я должна вам верить?

Луи растерянно моргнул и выпустил ее руку. И опять воцарилось молчание. Мари мельком взглянула на своего спутника и удивилась его серьезности. Таким она еще не видела маркиза. Придя в себя, Луи вновь заговорил, но уже на другую тему.

– Я решил поставить спектакль, или несколько сцен под названием «Орфей и Эвридика». Тебе нравится моя затея?

– Это интересно, сударь. Вас вдохновили актеры, которые приходили на днях?

– В некотором роде. Я думаю, получится здорово.

– А кто это, Орфей и Эвридика? – наивно спросила Мари.

– Орфей – древнегреческий певец. Боги наделили его таким голосом, что все птицы и звери повиновались ему, вся природа замирала, когда он пел. А Эвридика – его жена. Когда она умерла и сошла в царство теней, Орфей умолял богов вернуть ее. И боги позволили, но поставили условие, чтобы Орфей, когда будет вести Эвридику из Аида, не оглядывался. Он спустился в Аид, взял Эвридику за руку и повел к свету, но дорога казалась ему такой долгой и мучительной, а любимая была так близко, он держал ее за руку, сжимая ладонь все крепче и крепче (Луи, продолжая идти, взял спутницу за руку и, увлекшись, жарко сжал в своей ладони)... Орфей не выдержал и обернулся. Он увидел свою прекрасную Эвридику и от радости хотел заключить ее в объятия и расцеловать (Луи почти обнял Мари, но она, хоть и замороженная его голосом, успела отстраниться), только Эвридика оказалась бесплотной тенью и выскользнула из его рук, а потом вновь удалилась в царство Аида. Так Орфей потерял свою единственную жену, свою возлюбленную.

– Очень печальная история, – сказала девушка.

Луи вздохнул, стряхивая с себя овладевшее им волнение, а потом уже обычным своим тоном сообщил:

– Ну вот, радость моя, определенно, я буду Орфеем, а вот Эвридику сыграешь ты.

– Вы полагаете, что я...

– Без возражений, – перебил ее маркиз.

– Почему ваш выбор пал на меня?

– Эвридика должна быть красивой, хрупкой, таинственной... В ее глазах – грусть, неистребимая печаль, даже тоска, потому что она любит своего Орфея.

Мари покрылась румянцем.

– По-вашему, я соответствую этим требованиям?

– Конечно, ты сплошная загадка, ты нежная, хрупкая. У тебя такие красивые глаза... Ну, за любовь я отвечаю. Во всяком случае, любовь Орфея будет обеспечена.

Мари еще больше смутилась и, чтобы не показать виду, спросила:

– И Орфей будет петь?

– Разумеется. Разве может быть Орфей без голоса?

Мари задумалась и шла, воодушевленная предложением маркиза. Она лишь тогда вернулась к реальности, когда почувствовала, что Луи обхватил ее за талию. Девушка растерянно взглянула на него. Увидев ее испуг, Луи игриво поцеловал в щеку и отпустил.

Этот разговор еще больше запутал Мари, чувствующую, что она с каждым днем все глубже попадает в какие-то неведомые сети. И выбраться из них не было уже сил.

10. Орфей и Эвридика (рассказ о том, как они хотели пожениться и что из этого получилось)

Уже на следующий день Луи с энтузиазмом приступил к осуществлению задуманного. Призвав к себе Люсьена и Мари, он увел их в тихую беседку и сказал ничего не понимающему другу:

- Люсьен, я хочу поставить пьесу «Орфей и Эвридика». Что скажете?
- Хорошая идея, – ответил виконт, с любопытством поглядывая на Мари.
- Вот и отлично, – продолжал Луи, – вы не возражаете, если я буду Орфеем?
- Нисколько, – согласился Люсьен, – лучше вас никто и не сыграет сладкоголосого. А

кто же Эвридика?

- Раскройте глаза, приятель, она перед вами.
- Мари? – удивился Люсьен и окинул ее оценивающим взглядом.
- Только она, – подтвердил маркиз. – Как вы находите мою Эвридику?

Мари скромно молчала, не в силах вступить в их разговор. Люсьен, пожав плечами, сказал:

- Хорошо, пусть будет Мари. Вам, как Орфею, виднее.
- А вы, Люсьен, будете Плутоном, если хотите.
- Я буду Цербером, – пошутил юноша, и все рассмеялись.
- Да, – хохотал Луи, – а ваш костюм будет состоять из ошейника...
- Ладно, уговорили, я Плутон, осталось найти Прозерпину.
- Вот и займетесь этим. А сейчас мы должны составить сценарий, хотя бы в общих

чертах.

– Начало – очень важный момент, – серьезно заговорил Люсьен, – оно должно заинтересовать сразу.

- Это просто, друзья, – спокойно сказал Луи, – начнем со свадьбы.

- Как это? – не удержалась Мари.

– Со свадьбы Орфея и Эвридики, что ж тут непонятного? Они же не всегда были мужем и женой. Первая сцена у нас есть.

– Да, вершина счастья и радости, – подхватил Люсьен. – А во второй сцене я предлагаю разыграть смерть Эвридики.

- А отчего она умерла? – тихо спросила Мари.

– Ее укусила змея, – пояснил Люсьен и, повышая голос, продолжал: – И тут появляюсь я, с загробным лицом, и утаскиваю Эвридику под землю.

- Да, прямо из моих объятий, – грустно подтвердил Луи.

Мари так напряженно слушала их, что маркиз с улыбкой заметил:

– Не бойся, Мари, он утащит тебя понарошку. А в третьей сцене я спущусь в его царство и буду петь до тех пор, пока Плутон и Прозерпина не заплачут от счастья и не позволят мне взять тебя с собой.

– Рано торжествуешь, Орфей, – продолжая игру, произнес Люсьен, – ты, как все смертные, нетерпелив и безумно влюблен. Я это знаю и поэтому поставлю тебе роковое условие: не оборачивайся, пока не приведешь свою жену домой.

– Увы мне, увy! – воскликнул маркиз. – Я сам во всем виноват. Мари, я возьму тебя за руку, крепко-крепко, и поведу тебя прочь от этого разбойника, который разлучает влюбленных. Но ты знаешь, я человек, я слаб и непостоянен. Я оглянусь на самом пороге подземного мира, когда лучи солнца уже осветят нас. Я оглянусь и буду счастлив всего лишь мгновение, но счастлив так, как никто и никогда, потому что в следующий миг я потеряю

тебя, и ты вернешься в его мрачную обитель. А я буду звать тебя, и в моих песнях зазвучит утраченное счастье.

Наступило молчание. Все трое задумались о чем-то. Тишину нарушали птицы, перекликающиеся в ветвях. И совсем неожиданно прозвучал вопрос Мари:

– А долго ли они были счастливы?

– Это всего лишь миф, сказка, – снисходительно сказал Люсьен, удивляясь ее наивности.

Но Луи понял иначе. Он, все еще пребывая в задумчивости, ответил:

– Нет, Мари. В том-то и дело, что недолго. Эвридика сошла в царство теней совсем молодой. Может, у них была всего лишь одна брачная ночь, кто знает? Главное в том, что они любили друг друга.

– И ничего нельзя изменить?

– В этом и суть. Ну что ж, осталось написать текст, придумать костюмы и декорации, подобрать музыку – и можно репетировать. И не забудьте найти Прозерпину, – сказал он уже Люсьену.

* * *

А вечером, когда Мари уже убирала пальцы, в боковую дверь постучали. Мари подошла и открыла ее. На пороге – Луи.

– Ты не спишь? – спросил он тихо.

– Нет.

– Надо поговорить, – сказал маркиз и вернулся в свою комнату.

Мари вошла к нему. У Луи на столе горели две свечи, лежало несколько листов бумаги и перо. Маркиз сидел в кресле, устремив взгляд на девушку, и внезапно спросил:

– Интересно знать, а ты хоть немного думала о моем позавчерашнем предложении?

Мари даже перепугалась.

– Отвечай, – потребовал он с невероятной строгостью.

– Мне кажется, сударь, я вполне ясно изложила вам мое мнение. Я ваша горничная и буду служить вам добросовестно, но не требуйте от меня невозможного. То, что вы изволили мне предложить – непорядочно, и мне горько думать, что вы способны на такую низость.

– Прекрасно, я не сомневался, что услышу именно то, что услышал, – улыбаясь, спокойно произнес он, становясь опять ангелом, и Мари осталась в недоумении.

Луи не дал ей опомниться и радостно сообщил:

– А я пытаюсь написать первую сцену.

– Помилуйте, уже так поздно.

– Ну и что. Я все равно не могу уснуть. А ты думаешь о нашем спектакле?

– Немного.

– Послушай, дорогая, ты не можешь быть такой «замороженной», – Луи порывисто поднялся и подошел ближе. – Ты хоть чуть-чуть представляешь себя на сцене?

– Если честно, нет.

– А надо представить. Что ты будешь делать, что говорить... Короче, ты должна войти в образ.

– Прямо сейчас? – невозмутимо спросила она.

– Да когда угодно, милая. Ты прелесть. А что же ты наденешь на себя?

– Я думаю, это не главный вопрос.

– Но весьма существенный... и, кроме того, эта прическа не пойдет. В первой сцене мы уберем твои волосы на древний манер, а потом... а ну-ка распусти их.

Мари совсем растерялась, сбита с толку такой активностью Луи.

– Ну же, чего ты боишься?

Она медленно распустила свою косу, в волнении глядя на Луи. Он обошел вокруг девушки и, остановившись, на свое усмотрение поправил несколько прядей.

– Теперь хорошо, – довольно сказал он, – очень хорошо. Мы еще прикрепим живой цветок, и ты будешь настоящей Эвридикой. А глаза... чудо как хороши!

Мари, чтобы отвлечь Луи, поинтересовалась:

– А вы, сударь, уже знаете, что делать на сцене?

– Я? За меня не волнуйся. Я буду рядом с тобой, буду прославлять твою красоту в песне, а ты подаришь мне улыбки. Нам будут петь гимней – ну, это свадебная песня, – и мы должны сиять от счастья. Это в первой сцене. Согласна?

– Хорошо, ваша светлость.

– Ты можешь звать меня по имени.

Она только смотрела.

– Когда-нибудь сможешь, – заверил маркиз, – а сейчас иди спать. Может быть, завтра начнем репетировать.

Луи поднес к губам ее руку и, поцеловав, пожелал покойной ночи.

* * *

Дело пошло как нельзя лучше. С изобретательностью Луи и познаниями Люсьена подготовка спектакля продвигалась очень быстро.

На первых репетициях все было не так, как хотелось, но постепенно «актеры» достигали совершенства в своих ролях. Луи, казалось, сросся со своим образом и, даже когда не репетировал, почти не расставался с «лирой» (лютней). Он был на сцене так же непредсказуем, как и в жизни, поэтому его партнерше приходилось нелегко. Люсьену хорошо давалась суровость владыки загробного мира, а на роль Прозерпины выбрали тоже одну из горничных, темноволосую и черноглазую.

Очень скоро артисты примерили костюмы. Луи необычно смотрелся в длинных белых одеждах. И когда он в руке держал «лиру», с него запросто можно было писать Аполлона-мусагета.² У Люсьена были тоже свободные длинные одежды, но только черного цвета. А Мари нарядили в легкое покрывало, мягкими складками облегающее ее фигуру. Когда она увидела себя в зеркале, то ужаснулась и ни за что не хотела оставаться в таком наряде. Как всегда, в дело вмешался Луи. Оглядев свою «Эвридику», он пришел в неописуемый восторг и воскликнул:

– Великолепно!

– Но, сударь, – взмолилась Мари, – я не могу появиться в таком платье...

– Это еще почему?

– Мне даже перед вами неудобно...

– Ты просто ослепительна, – заверил ее Луи, – посмотри на статуи. Древние так одевались. Что же тут такого неудобного?

Мари не могла сказать, что ее смущает отсутствие корсажа и что в таком наряде ее фигура выступает весьма рельефно. Однако с Луи бесполезно было спорить. На все доводы он твердил одно: «Прекрасно».

Спектакль был почти готов. Только одно смущало главного затейника всего предприятия: «Эвридика» уж больно холодна. Неубедительна ее любовь. А Луи старался. Его порывистость, любовный пыл вместо того, чтобы заражать Мари, пугали ее. И Луи уже не знал, как ей объяснить. У самого же сердца выпрыгивало, он еле сдерживал себя.

² Мусагет – предводитель муз.

11. «Орфей» и «Эвридика»

Время пролетало незаметно. Вот и август. Темнело раньше. Вечера стали прохладными. Небо ночью высокое, ясное. Множество звезд высыпают и завораживают.

В один из таких августовских вечеров Мари вышла на аллею, а через пять минут была у той самой беседки, называемой «античной» потому, что по форме она напоминала древнегреческие с колонками беседки. В этом уголке дивно разрослись деревья и кусты, а саму беседку опутывало вьющееся растение.

Здесь назначено свидание. Мари остановилась и оглянулась. Было тихо, казалось, парк безлюден. Внезапно она услышала легкий шорох, и через мгновение из беседки вышел Луи с лютней на боку, которая досталась ему в наследство еще от деда – страстного любителя музыкальных развлечений. Поскольку отец не увлекался этим занятием, сын быстро завладел заветной лютней.

– Я рад, что ты пришла, Мари, – сказал он. – Я покажу тебе одно место в моем парке. Пошли.

Они медленно направились в глубь парка. Вскоре Мари заметила, что дорожки ей уже не знакомы, однако маркиз уверенно продолжает идти вперед. Наконец они вышли на маленькую площадку, выложенную плитами, а с нее стали спускаться по узкой каменной лестнице, как тропинка, пролежавшей по склону холма. Со всех сторон шептались могучие деревья, уже поглощенные наступающей темнотой.

Луи и Мари спустились на такую же площадку, как наверху. Посреди нее находился фонтан-скульптура, изображающий Аполлона с кифарой в руках. Чуть подальше, окруженная с трех сторон зеленью, стояла скамья.

Луи предложил Мари сесть, а сам устроился рядом с ней и спросил:

– Хочешь, я спою тебе?

Мари очень обрадовалась возможности вновь слышать этот великолепный голос. Луи без преувеличения можно было назвать сладкоголосым. Увидев ответ в глазах девушки и не дожидаясь его на словах, Луи тронул струны и вдохновенно запел. Звук его чудесного голоса мягко разливался в воздухе, как аромат цветов. Юноша любовно перебирал струны лютни, извлекая из них поистине волшебную музыку. Мари очарованно слушала.

– Вы поете бесподобно, – сказала она, когда Луи замолчал. – Так, наверное, пел Орфей.

Луи опустил глаза, чувствуя, что весь горит от волнения. Его рука крепко сжимала гриф лютни. Внезапно юноша соскользнул на землю, оказавшись перед Мари на коленях. Он уронил голову на ее колени и быстро заговорил:

– Я не могу без тебя, Мари; делай со мной, что хочешь, но я должен быть с тобой. Пощади меня! Я больше не владею собой...

От такой неожиданности Мари не сразу нашлась.

– Не надо, сударь... – прошептала она.

Но Луи быстро перебил:

– Надо. Неужели ты не видишь, что я люблю тебя? Мари, душа моя, нет больше никакой возможности скрывать то, что ясно, как день. Я люблю... и не могу ничего поделать с собой.

– Сядьте, прошу вас.

Он сел рядом, совсем близко. Взял ее руки в свои, взволнованно смотрел в глаза, ожидая ответа.

– Что? Что я могу вам сказать? – мучительно проговорила Мари, совершенно теряясь.

– А ты скажи, как есть, любовь моя...

– Да, да... я люблю вас, Луи. Вы один занимаете все мои помыслы. Но хорошо ли это? О вас чего только не говорят, но я все равно люблю вас и верю вам больше, чем другим. Но если вы задумали дурное, лучше оставьте меня. Не губите. Я взываю только к вашей совести, к вашей чести, ибо не знаю, как защититься.

– Ты любишь меня... – эхом повторил Луи, – что может быть лучше? Мари, ты не представляешь, как я счастлив. Порой мне кажется, что когда-то мы были неразлучны. И кто-то разорвал нас, разлучил. Я долго искал свою милую, единственную и теперь нашел.

Мари хотела что-то сказать, но он прошептал:

– Молчи, все слова уже сказаны... – и, не дав ей опомниться, страстно обнял и поцеловал в губы.

Мари не сопротивлялась на этот раз, и поцелуй уже не казался ей ужасным и оскорбительным.

Они долго сидели обнявшись и не говорили ни слова. Им не хотелось расставаться. Но становилось прохладнее, наступала ночь. В замок они побрели не торопясь и прижавшись друг к другу.

Мари проснулась ранним утром, но ушла не сразу. Она еще долго смотрела на своего возлюбленного. Он казался ей непередаваемо прекрасным во сне, в эту минуту, когда неяркий свет мягко скользил по его лицу и обнаженным плечам. Его пышущее здоровьем тело буквально излучало энергию юности, силу, но в то же время казалось нежным, уютным. Кожа чиста и приятна, как бархат. Мари заботливо отвела с его лба пряди волос, провела рукой по гладкой щеке, не удержалась и тихо поцеловала в полураскрытый рот. Луи не проснулся, слишком глубоок был его сон. Девушка бросила прощальный взгляд и, собравшись, тихонько удалилась.

Мари вышла в галерею. Задумчивость царил на ее лице. Почему, почему она не послушала голос своего разума и наставлений тетушки Жанны? Что теперь? Но нет, все так, как должно быть. Он любит ее. В этом нет сомнений, и, пожалуй, это единственное оправдание.

– Мари, я хочу поговорить с тобой, – послышался четкий, размеренный голос.

Мари повернулась и увидела виконта д'Эперне.

– Да, ваша милость, – поклонившись, произнесла она.

Продолжая идти вдоль по галерее, Люсьен тихо говорил:

– Меня беспокоит поведение Луи. Я бы, может, ничего не стал говорить, но ты здесь человек новый, маркиза не знаешь... Собственно, я хотел просить, чтобы ты не потакала Луи. Он ветрен, ищет развлечений. Ему это во вред, да и у тебя могут возникнуть неприятности.

– Вы хотите сказать, что ваш друг непорядочный человек? – осторожно спросила Мари.

– Упаси боже! У него золотое сердце, он очень добрый, но развлечения портят его. Луи сам не знает, чего хочет. Понимаешь ли... он, может быть, талантливый любовник, но он никогда еще не любил по-настоящему. Ты веришь ему, я знаю, и все, что он говорит, – не обман. Но только сейчас это так, а завтра – неизвестно...

– Ах, вот вы где! – разнеслось повсюду.

Луи подбежал к Мари и Люсьену и дружески обнял обоих, встав между ними.

– Похоже, «Плутон» пытается похитить мою «Эвридику»? – пошутил он. – Я ищу вас, Люсьен. А с тобой, моя радость, у меня будет особый разговор. Можешь пока идти.

Мари, покрывшись румянцем смущения, оставила друзей.

– О чем вы говорили? – живо спросил Луи.

– О вас, – невозмутимо ответил виконт.

– Обо мне? Что же вы ей говорили?

– Я сказал, чтобы она была поосторожнее с вами, Луи. Вы ведь от нее не отстанете, пока своего не добьетесь. Мари не из тех, кого легко бросают...

– Ах, вот оно что. Тогда я должен вас разочаровать. Вы опоздали со своими предупреждениями. Если бы вы предупредили ее вчера, возможно, Мари и послушала бы вас.

– Что?

– Не смотрите на меня так, – сказал Луи без привычных улыбок и добавил уже совсем серьезно: – Я люблю ее, люблю больше, чем вы думаете.

– Хотелось бы верить, – упавшим голосом произнес Люсьен. – Но, боюсь, что первая же светская красавица изменит все ваши желания.

– Нет, Люсьен. Вы ничего не понимаете. Я люблю Мари. Что все эти женщины? Они все вместе взятые не стоят и одного взгляда Мари. Вы видели ее глаза? О, какая глубина! Какая бездна! А как она чувствует, какая это нежная душа. Нет, вы не поймете меня. Вы мне не верите, потому что я натворил много глупостей. Я искал любовь там, где ее не было. Но теперь я нашел. Мари – она святая, и она моя. Никто не живет в ее сердце, кроме меня, и я счастлив.

– Я рад, если это правда.

– Время покажет, кто из нас прав.

– Да, время покажет, – согласился Люсьен.

– Я искал вас, чтобы кататься верхом.

– Пойдемте. А потом?

– Репетиция, – весело сообщил маркиз.

* * *

А на репетиции произошло чудо. «Эвридика» ожила. Какими нежными и преданными глазами смотрела она на своего «Орфея». Какая боль и тоска сквозила в ее чертах, когда неумолимый рок разлучал ее навсегда с неосторожным возлюбленным. Сладкоголосый пел как никогда.

12. Остров любви

С этого дня жизнь превратилась в праздник. Мари никогда не была так счастлива. Ее совершенно не беспокоило, что будут говорить люди, ведь Луи это тоже не беспокоило. Он был все время рядом, веселый, ласковый и влюбленный. Он расточал комплименты, дарил самые прекрасные цветы и нисколько не был похож на того бессовестного наглеца, каким Мари однажды увидела его. Луи заставил ее смеяться и почувствовать себя свободной.

Однажды, когда им наскучили прогулки по парку, они пошли в ближайший лес. Луи распевал куплеты. Мари смеялась от души. Наконец началась игра в догонялки. Мари проворно скользила между деревьями. Луи мчался за ней.

– Почему бы вам не похудеть? – дразнила его Мари.

Но Луи, несмотря ни на что, был уверен в своей победе. Его энергии можно было позавидовать. Даже худощавый виконт д'Эперне не мог похвастать такой изворотливостью и бесподобной реакцией. Не раз приходилось ему слышать во время занятий фехтованием звонкий возглас Луи:

– Люсьен, я «убил» вас уже три раза, а вы и не заметили.

И вот теперь, как бы скоро ни бежала Мари, а от разгоряченного кавалера ей не спастись. Луи нагнал ее и, подхватив на руки, сильно закружил, не удержался и чуть не упал вместе с Мари. Девушка, задыхаясь от смеха, остановилась у дерева и, едва переводя дыхание, прижалась к стволу. Маркиз был тут как тут.

– И все-таки вам не мешает похудеть, – часто дыша, проговорила Мари.

– Дерзкая... – выдохнул Луи, – загоняла совсем.

– Вам полезно, – продолжала смеяться Мари, – с вашим аппетитом...

Она не договорила. Луи перебил ее:

– С моим аппетитом я сейчас тебя съем, – и, сделав вид, что бросается на нее, как зверь, вдруг нежно обнял и расцеловал.

– Луи, что вы делаете, оставьте.

– Ни за что, голубушка моя.

– Луи, нас могут увидеть.

– Зато мы никого не увидим, – просто отозвался он, увлекая Мари в траву.

А потом, глядя в беззаботное небо, Луи загадочно произнес:

– Знаешь, я кое-что придумал.

– Что же на этот раз? – спросила Мари.

– Я нарисую тебя, – он приподнялся. – Я бы вызвал художника, есть тут один, мне нравятся его картины. Но ты не согласишься...

– Почему же, Луи? Я не против, если вам так хочется.

Маркиз хитро улыбнулся.

– Я же знаю, не согласишься. Я хочу, чтобы на картине ты была обнаженной.

Мари сосредоточилась и села.

– Вы с ума сошли, сударь, – строго отчеканила она.

– Ну вот, я же знал, что не захочешь. Поэтому картину буду писать я. Конечно, я не мастер, но рисую иногда.

– Кто вам разрешит?

– Ты, моя радость.

– Вот и ошибаетесь.

– Мари, дорогая, не лишай меня этого удовольствия. Ты прекрасна, нежна, как роза. Я хочу запечатлеть твою красоту навеки.

– Нет ничего вечного, Луи. Ну, скажите, что за идея такая? Зачем писать картину, которую никому нельзя показывать?

– Я и не буду ее показывать. Я сам буду наслаждаться.

Мари вздохнула и стала приводить свою одежду в порядок.

– Так что же, ты согласна? – через некоторое время спросил он.

– Я должна подумать, Луи. Я еще не готова.

– Ладно, я подожду.

Обратно они не торопились, шли медленно. Их обогнал крестьянин на телеге. Обернувшись, он приветствовал:

– Доброго здоровья, барин.

– Здравствуй, – отозвался Луи.

– Садитесь, подвезу.

Луи посадил Мари и сам устроился рядом, обнял ее за талию, прижимая к себе, вдруг спросил у крестьянина:

– Я слышал, овцы болеют. Много пало?

– Три овцы подошли, видно, съели чего, остальные-то здоровы.

Луи уже отвлекся и был занят одной лишь Мари, беззаботно обнимал ее и целовал, не обращая внимания на лукаво усмехавшегося мужика.

Луи проснулся неожиданно, когда занимался рассвет. Спать почему-то уже не хотелось, и юноша, выбравшись из-под одеяла, налил себе воды из графина и жадно выпил. Успокоившись, он подошел к окну и загляделся на золотисто-розовый восход. На несколько секунд он забыл о том, что раздет и стоит босыми ногами на прохладном полу. Удивительная утренняя тишина обволакивала все вокруг. Сердце замирало от блаженного восторга.

Луи вдруг что-то сообразил и стал торопливо одеваться. Натянул штаны, сорочку, накинул камзол, но не застегнул его и, присев на кровать, склонился к лицу Мари, помедлил, но не отступился от своей идеи. Поцеловал девушку в щеку и тихо проговорил:

– Мари, просыпайся...

Она пошевелилась, сон ее не отпускал, но нежные поцелуи маркиза заставили ее открыть глаза и откликнуться.

– Вставай, лапушка, вставай, – вкрадчиво и настойчиво шептал он. Мари, наконец, пробудилась и улыбнулась ему. Луи потянул ее за руку.

– Одевайся, милая, скорее.

– Почему? – спросила она, уже взявшись за платье.

– Я хочу кое-что тебе показать.

– Я бы еще поспала.

– Потом. Ну, ты готова?

Мари ничего не понимала и удивлялась. Луи не дал ей ни расчесаться, ни умыться; и сам не удосужился привести себя в порядок и, как был, без чулок, влез босыми ногами в туфли и повлек девушку за собой.

Скоро они довольно бодрым шагом шли через парк. Радостные птичьи голоса оглашали кроны деревьев. Воздух чист и прохладен, на траве студеная роса. Мари поеживается. Сон все еще не выветрился, и она в тайне досадует на то, что Луи бесцеремонно вытащил ее из постели. Маркиз крепко держит ее за руку и, не останавливаясь, увлекает все дальше.

Он привел свою спутницу на небольшой пригорок, откуда открывался замечательный просторный вид. Пока вокруг были деревья, скользящие солнечные лучи гасила листва. Но, выйдя на открытое пространство, Мари даже вздрогнула от неожиданности. Яркое, еще красноватое солнце ударило ей в глаза.

– Вот, смотри, – радостно и горделиво провозгласил юноша и показал на солнце.

Они стояли молча и заворуженно смотрели на непередаваемых тонов теплое небо, на дымчатые легкие облачка, на вздымающееся солнце.

Луи не спрашивал, нравится ли зрелище его подруге. Он по глазам видел, что нравится.

Солнце и свежий воздух взбудрили маркиза окончательно. Он жаждал новых действий, а Мари еще мечтала о теплой постельке. Тогда Луи, играя, брызнул на нее росой с кустарника, так что Мари мгновенно очнулась от дремотной неги и даже рассердилась.

– Ах, вот как! – воскликнула она, делая шаг к Луи.

Он весело засмеялся и отступил.

– Вот я тебе, – Мари бросилась за ним.

Луи – бежать. Он дразнил ее, заливался смехом и ловко увертывался, как только девушка оказывалась возле него. Беготня раззадорила обоих, так что о сне уже забыли. Так они очутились в глубине парка, в тенистой аллее, где прятался небольшой павильончик. Тут-то Мари и потеряла из виду озорника. Она прислушивалась и все смотрела по сторонам, но Луи точно испарился. Мари нервничала, ведь он остался неуловим, а ей очень хотелось, пусть и в шутку, а «отомстить». Мари переживала потому, что понимала всю безнадежность своих намерений. Луи, как и следовало ожидать, явился внезапно. Он подкрался сзади и быстро закрыл ей глаза ладонями.

– А, вот ты где... ну, держись! – Мари быстро повернулась к нему лицом и застыла.

Луи взирал на нее невинными глазами, в которых светилось детское плутовство. Он довольно улыбался. Его волосы слегка завились от влаги. Весь его вид был так непосредствен и забавен, что Мари забыла о том, как еще минуту назад мечтала надавать ему шуточных тумаков. Теперь она только улыбнулась и заботливо поправила на нем камзол.

Юноша прижал ее к себе и не отпускал. Мари ласково обняла его. Так они стояли, забывшись от счастья. У Луи вырвалось:

– Боже, какое блаженство...

Мари крепче прижалась к нему.

Луи не мог долго пребывать в бездействии. Объятие взбудоражило его, и маркиз стал искать губы любимой. Тихие, но жаркие поцелуи зажгли обоих. Мари отвечала на ласку чистосердечно и радостно. Луи вновь прижал ее к себе, на этот раз с каким-то страстным воодушевлением. Его губы казались горячими, дыхание сделалось неровным и жарким. Мари пьянела, чувствуя, как он напрягся от желания. Потеряв терпение, Луи потянул ее в павильон, где была широкая, с мягкой обивкой, скамья. Там они дали волю своей страсти.

Кто знает, сколько времени прошло? Когда Мари резко пробудилась, то обнаружила себя лежащей в объятиях маркиза на той самой скамье. Только теперь девушка поняла, что действительно спала. От Луи осязаемо исходил жар, и Мари, осторожно отстранившись, села на край скамьи. Жарко и душно.

Она встала. Ноги не хотят напрягаться, такие томные, неповоротливые. Открыла окошко, и тут же, не спрашиваясь, с улицы порывом залетел поток свежего воздуха. Пахло дождем. Легкий, но уже упорный ветер тревожил густую листву. Ветви деревьев отвечали торопливым шепотом. Солнечных лучей не видать. На небе пасмурно. А где-то слышалось едва уловимое гроыхание. Идет гроза... еще далеко... Сколько же времени?

Мари обернулась. Тут, в павильоне, сонное царство. Ни малейшей тревоги, и так спокойно, будто жаркий летний день спрятался от грозы сюда. Луи безмятежно спит, но, кажется, и ему душно: его дыхание тяжело. Такой сон не на пользу. Мари под села к юноше, стала его будить. Луи открыл глаза и посмотрел.

– Мы все на свете проспали, – сказала Мари. – Нам давно пора возвращаться. А там гроза, дождь собирается.

Луи приподнялся, пристально взгляделся в окошко.

– В замке, наверное, уже ищут нас, – предположила Мари.

– Сюда никто не придет, – успокоил ее маркиз, – пойдем.

Они вышли на улицу, но неподалеку загрохотало. Листья бешено забились от сильного порыва ветра, а с неба стали шлепаться редкие, но крупные капли.

– Луи, мы не успеем дойти, – не без страха проговорила Мари.

– Боишься намокнуть? – снисходительно спросил он.

– Давай переждем. Это недолго.

– Откуда ты знаешь?

– Такой дождь не бывает долгим. Будет ливень, мы не успеем.

– Хорошо, давай подождем. Но смотри, если он зарядит надолго...

Они вернулись, вновь сели на скамью.

– Я и не помню, как уснул, – сказал маркиз.

– И я тоже.

– Сколько же времени теперь? Может, уже обед?

– Может быть.

– А ты не хочешь есть?

– Еще нет.

– А я бы не отказался.

Они посидели какое-то время молча. На небе грохотало, но дождь все не начинался. Гнетущая влажная жара предвещала сильную грозу.

– Мы бы уже вернулись, – произнес Луи.

– Нет.

– Где же дождь? Ты говорила, что мы не успеем.

– Дождь будет, вот-вот будет.

– Какого черта мы тут сидим?

– Ты так голоден? – спросила Мари.

– Немного, – уклончиво ответил он.

– Я чувствую по тому, как ты говоришь, Луи.

В ответ он стал забавляться тем, что дул ей в висок, тогда прядь волос весело топорщилась над ухом.

– Ну, перестань, – она отворачивалась.

Луи не унимался.

– Да перестань же... ах, смотри...

– Что? – быстро спросил он.

– Такая молния... – она не успела договорить, как вдруг раздался сильный грохот, уже совсем недалеко.

Мари опомнилась от впечатления и тут же ощутила прикосновение губ Луи у себя на шее.

– Мне жарко, – сказала она.

– И мне, – он избавился от рубашки.

– Послушай, – вдруг с интересом проговорила Мари и повернулась к нему лицом, – а как у тебя *это* было впервые?

– Обыкновенно, – просто ответил маркиз.

– Ты боишься рассказывать?

– Ничего я не боюсь, а зачем?

– Просто, интересно. Ты любил эту женщину?

– А почему ты решила, что она была женщиной, а не девушкой?

– Я так сказала... но ты ее любил?

– Любил, а тебе это интересно? – он говорил без охоты. В глазах что-то затаилось.

Мари смутилась. И в самом деле, какое ей дело? Ведь он ни за что не признается.

Луи снова придвинулся. Тихонько будоражил ее поцелуями, а рукой уже устроился на ее коленке.

– Луи, мы все время вместе. Мы не можем расстаться, – проговорила Мари, слабо обняв его за плечи.

– Ты говоришь так, будто мы поступаем плохо, – заметил маркиз, придвигаясь все ближе.

– Я не знаю, Луи. Не грех ли так желать?..

Он засмеялся и ответил:

– Если я утомил тебя, скажи.

– Нет.

– Тогда что?

– Мне стыдно признаться.

– И все же?

– Луи, почему я желаю, как и ты? Это порочно, да?

Он смеется.

– А мне не стыдно, – заявил он.

– Я знаю.

– Тогда обними крепче.

Он медленно опустил на спину, увлекая за собой Мари. Она подчинилась ласковым рукам.

За окном опять сверкнуло, ярко, неистово. Мари вздрогнула, и ее желание усилилось. Забыв о реальном мире, они соединились под сверканье молний, грохот небес и шум начавшегося дождя.

– Ты слышишь?.. Гром... – на выдохе шептала Мари.

– Гром... – эхом отзывался Луи сквозь прерывистое дыхание. Его глаза то приоткрывались, то закрывались совсем, а губы едва заметно вздрагивали. По лицу пробегали волны напряжения.

Мари не чувствовала ничего вокруг, только Луи. Она слышала дождь, разбивающийся дробью по крыше, и не слышала, как ее собственные губы шептали что-то.

С грозой сразу полегчало. Но, как и предвещала Мари, бушевало недолго. И, когда любовники отдыхали в объятиях друг друга, уже вновь засияло солнце и весело пели птички, будто никакой грозы и не было. Зато воздух сделался чистым и свежим, а жара поубавилась.

– Мы успеем как раз к обеду, – заметил маркиз, посмотрев на солнце, когда они уже шли по тропинке.

– Мы в таком виде... – растерянно проговорила Мари.

– Ну и что?

– Люсьен все поймет.

– Ха-ха, он уже давно понял; хватит о приличиях.

– Как «давно понял»? – остановившись, спросила она.

– Он догадливый. Да ты не бойся. Люсьен никому не проболтается.

– Я не боюсь, просто... – она не договорила, но по ее лицу Луи понял, что она застыдилась.

Люсьен как раз не видел их возвращения и встретился с маркизом за обеденным столом. У Луи проснулся волчий аппетит, так что виконт временами с любопытством поглядывал на него.

Зато Мари пришлось краснеть, когда тетя Жанна задержала ее после обеда будто для того, чтобы помочь, а сама вдруг досадливо заметила:

– Похоже, зря мы с тобой толковали, голубушка. Вижу я, наш прелестник добился, чего хотел.

Мари только смущенно смотрела на женщину и тут же прятала глаза.

– Ах, девочка, да что ж это? – пожалела Жанна. – Ведь никогда он не женится на тебе.

– Знаю, – глухо проговорила Мари, теребя оборку фартучка.

– Да ты, никак, забыла, что с Катрин случилось?

– Не забыла.

– Ай-ай-ай. Парень-то всегда девицу уговаривает, а Луи хоть с десятков уговорит. Слова ласковые слушай, да честь береги.

– Мы любим друг друга, – несмело оправдывалась девушка.

– Вот-вот, милая, и Катрин так же говорила. И где ж она, эта любовь? Вон, на травке играет. Моли Бога, девочка, чтобы все обошлось. А меня не бойся. Думаешь, я ругаю? Нет, Мари, ты чистая девочка, стыд у тебя есть. Если что, так сразу мне говори. У тебя ведь никого нет. А я уж как-нибудь помогу.

Мари взглянула на эту женщину в старом опрятном платье и засаленном фартуке. Ее широкое лицо выражало сочувствие, глаза добрые, заботливые.

– Как я вам благодарна, тетя Жанна, – растроганно произнесла девушка и, быстро обняв ее, бросилась в комнаты.

* * *

Луи был не из тех, кто отступает от своих замыслов. Очень скоро ему удалось уговорить Мари позировать. Но пришлось пойти на компромисс и использовать тонкое покрывало, чтобы прикрыть хотя бы часть тела.

Луи взялся за дело серьезно. Велел поставить мольберт, принести масляные краски и разбавители, нашел подходящие кисти. Работа продолжалась несколько дней. Когда маркиз уставал, он бросал кисти и, совершенно счастливый, устремлялся в объятия своей нимфы. Он не показывал холст до тех пор, пока не был нанесен последний мазок. И вот тогда Мари увидела свой портрет. В первый момент она не могла справиться со смущением.

– О Боже, – выговорила она, невольно прикрывая глаза рукой.

– Неужели так плохо? – взволнованно спросил маркиз.

– Я в таком виде... О, Луи, я плохой ценитель. Нужно быть хладнокровной.

– В таком случае, дорогая, придется спросить мнения моего друга, – заявил он.

– Ни в коем случае, – испугалась Мари, – я попробую сказать. У тебя хорошо получилось, правда. И похоже. Я, конечно, не разбираюсь в живописи, но мне нравится, только умоляю – никому не показывай ее.

– Так-то лучше, – Луи еще раз пытливо оглядел свою работу. – Даже не верю, что сам это написал.

– Почему?

– Для меня это слишком хорошо, я же не художник. Вот сейчас моя матушка сказала бы, что я, как последний ремесленник, занимаюсь таким позорным делом.

– Разве писать картины – это позор? – удивилась Мари.

– Это труд. А труд, конечно, позор... для таких, как я.

Мари подошла к картине, посмотрела, грустно улыбнулась чему-то и вернулась к Луи. Устроившись у него на коленях, ласково обняла, едва слышно проговорила:

– Ты пахнешь красками.

– Еще бы...

– Мне нравится твоя картина, может быть, потому что ты сам ее написал, своими руками. Это так приятно.

– Чертовски приятно. Никогда не думал, что это принесет столько радости.

– А говоришь – позор. Луи, почему ты не весел?

Вопрос был неожиданным.

– Просто настроение такое, – сразу ответил он.

– Нет, не просто, – настаивала Мари, – что-то расстроило тебя. Уже второй день ты такой.

Маркиз без всяких слов повлек ее в постель.

– Луи, пожалуйста, давай поговорим, – возразила девушка.

Он остановился, не понимая, чего же она хочет.

– Скажи мне, что произошло, – попросила Мари.

Ее нежный, спокойный голос отзывался в каждой жилке Луи, и он ответил:

– Ничего страшного, милая, просто послезавтра приезжают мои родители и кузина отца с дочерью.

– Действительно, нет причины для печали.

Луи поднял на нее глаза, в которых застыло отчаяние.

– Ты ведь ничего не знаешь, – произнес он, сжимая ее руку. – Они не просто так едут.

Они хотят меня женить.

Мари промолчала и только смотрела на него.

– Мы давно помолвлены с Леонорой, – продолжал маркиз. – Она младше меня на год, и ей пора замуж, вот они и едут. Такая глупость, правда? Я и видел-то ее последний раз лет восемь назад...

– Чему быть, того не миновать, – отстраненно сказала Мари.

Луи оживился:

– Послушай, это ничего не меняет. Ты была и будешь моей.

У Мари не хватило духу возразить. Скрывая свое разочарование, она лишь крепче обняла его и, как заклинание, произнесла:

– Я люблю тебя, слышишь? Люблю больше всего на свете.

13. Жизнь – игра

Приготовления к встрече гостей были завершены, оставалось привести себя в порядок. Луи сидел перед зеркалом и рассматривал косметические принадлежности, лежавшие на туалетном столике. Рядом пристроился Люсьен.

– Может, не стоит? – сомнительно спросил он взволнованного друга.

– Ну да, боитесь показаться смешным? Было бы перед кем. Они у меня эту встречу никогда не забудут. Бедная Леонора...

– Луи, вашему отцу это не понравится, могу поспорить.

– Дружище, я же не заставляю вас делать то же самое. Но я все равно сделаю по-своему. Вот, побольше белил (кстати, я, кажется, загорел: матушке это будет неприятно). Главное, мушки не забыть. Представьте мою сестренку, когда она увидит меня. Клянусь, она передумает выходить замуж.

– Посмотрим-посмотрим.

Гости приехали в полдень. Во дворе царил оживление. Слуги сновали по всем направлениям. На ступеньках крыльца горделиво стояли молодые люди. Люсьен, одетый нарядно, но все-таки сдержанно, и Луи, чем-то напоминающий того аристократа в кружевах и ленточках, которого изображали актеры. Шикарная шляпа с перьями, серо-голубой, с отливом, камзол, шитый серебром и жемчугом, роскошное жабо, белые шелковые чулки, туфли, украшенные бантами, на высоких красных каблуках, трость... Маркиз принял самую величественную позу, на которую был способен.

Когда карета подкатила к крыльцу и остановилась, Луи важно прошел к ней. Оттуда первым выбрался его отец, человек приятной наружности, на лице которого нечасто расцветала улыбка. Герцог де Сен-Шели д'Апше внушал своим видом невольное почтение. Взглянув на сына, он сразу догадался о его проказах и, коротко поприветствовав своего беспокойного наследника и его друга, недовольный, встал в ожидании.

Следом за главой семейства показалась герцогиня Анна. Луи, радостно улыбаясь, помог ей сойти на землю.

– Здравствуйте, матушка, – нежно проговорил он.

Герцогиня, чуть не плача от радости, обняла его и поцеловала.

Затем показалась голова Элен, двоюродной сестры его отца. Это была женщина тридцати лет, с цепким взглядом живых темных глаз. Юноша протянул ей руку.

– Добро пожаловать, сударыня, в мою обитель лесов и цветов, – без особого энтузиазма сказал он.

– Здравствуйте, ангел мой, давно я вас не видела. Как вы похорошели! – она вышла из кареты и, ласково улыбнувшись маркизу, направилась к Анне.

Наконец, на порог кареты ступила Леонора, дочь Элен.

– Мадемуазель, я счастлив приветствовать вас в моем доме, – улыбаясь, провозгласил юноша.

– Я тоже очень рада, сударь. Как давно я здесь не была...

Луи, взяв ее за талию, спустил на землю и предложил свою руку, чтобы проводить в дом.

Гостям дали время отдохнуть, а потом устроили праздничный обед. Все сидели очень торжественно, чинно. Луи, конечно, бесился и разыгрывал из себя чересчур галантного кавалера.

Когда Мари увидела его, всего в кружевах и ленточках, благоухающего духами, с невероятным количеством белил на лице да еще с огромной черной мушкой на щеке, то

чуть не упала со смеху. Луи же напустил на себя такую важность, что трудно было поверить, что человек может так преобразиться.

Герцог молча переносил выходки сына. Можно было догадаться, что крупный разговор впереди. Герцогиня была готова простить любую шалость, а поведение Луи она и воспринимала как шалость, не больше.

Леонору посадили рядом с будущим женихом, и он успел утомить ее своими ухаживаниями, чего, собственно, и добивался.

Леоноре исполнилось пятнадцать лет. В красоте ей не откажешь. Нежное личико, темные озорные глаза, милая улыбка. Девушка была одета по последней моде. Особенно волнительным оказалось декольте, демонстрирующее прекрасную белоснежную грудь. Леонора совершенно не чувствовала себя стесненной рядом с Луи. Да, он помнил ее проворной девочкой, когда они вместе играли, ссорились и мирились. Теперь не то. Теперь запросто не поиграешь. Леонора же почти забыла, каким раньше был ее жених. Она его себе другим представляла, когда ехала сюда. И вот ее встречает какой-то не в меру разодетый юноша, важный до смешного и, к тому же, болтливый. Совсем не таким она ожидала увидеть Луи. Пока он занимал ее своими байками, Леонора мельком поглядывала на скромного юношу напротив. Люсьен показался ей привлекательным.

После затянувшегося обеда было объявлено, что через час состоится представление в большой зале и что всех туда приглашают. Пока шла подготовка к спектаклю, Леонора прогуливалась в оранжерее со своей матерью.

– Вы довольны? – спокойно спрашивала Элен.

– Почему бы и нет? Тут очень хорошо.

– Ну, а Луи? Вы, по-моему, неплохо ладили за столом.

– Не нахожу его интересным.

– Зачем же так, дорогая? Вы ведь замуж за него выходите, – качая головой, упрекнула мать.

– Лучше не напоминайте мне об этом, мама. Вот его друг вовсе недурен.

– Девочка, – снисходительно улыбнулась Элен, – его друг вам не пара. Он, хотя и виконт, но совсем не богат. А у Луи огромное наследство. Куломье уже принадлежит ему, а потом к нему перейдут еще несколько имений. И кто вам мешает? Нравится вам виконт? Ну и хорошо. Он же никуда не денется, а вы у меня умница, всего умеете добиваться. Сейчас же главное – не упустить вашего очаровательного родственника. Ну, пойдемте. Нас зовут. Что там еще за представление...

А представление было любопытным. «Орфей и Эвридика» – гласила надпись над сценой.

Никто не узнал бы в белокурое, сияющее от счастья Орфее того напыщенного господина с ужасной мушкой. Рядом с Луи, извините, с Орфеем, стояла нежная, как распустившийся бутон розы, девушка в пурпурных одеждах. Ее улыбка была столь естественна и безыскусственна, что некоторым это показалось неприличным.

– Интересно, кто эта Эвридика? – шепнула Элен дочери.

– Какая-нибудь местная достопримечательность... – насмешливо отозвалась Леонора.

Но вот Эвридика, уже счастливая супруга, беззаботно собирает цветы на лугу, чтобы сплести венок и возложить его на голову сладкоголосого Орфея. И вдруг из кустов выныривает змея и кусает испуганную красавицу. Эвридика медленно опускается в траву, силы покидают ее. В предсмертной тоске она зовет возлюбленного супруга. Встревоженный Орфей прибегает и находит свою жену умирающей. У него на руках она испускает дух. В этот миг раздается гром, земля разверзается и появляется суровый царь подземного мира. Провозгласив, что душа Эвридики должна спуститься в Аид, он уводит ее, оставив неутешного Орфея оплакивать свою участь.

Но декорации переменялись. Все мрачно. На своих тронах восседают Плутон и его печальная жена Прозерпина, украденная им когда-то у матери Цереры. Ничто не нарушает мертвого покоя Аида. И вдруг раздаются звуки лиры и слышится прекрасный голос Орфея. Он поет об утраченном счастье, о безутешном горе и тоске, он зовет, ищет свою Эвридику. И тогда совершается чудо. Плутон и Прозерпина не могут равнодушно слушать пение Орфея. Прозерпина умоляет своего супруга вернуть певцу Эвридику. Растроганный Плутон позволяет и предупреждает: не оборачивайся, пока не введешь ее в дом.

Тихо выходит бледная Эвридика с распущенными волосами. Она печальна и молчалива. Плутон вкладывает ее ладонь в руку Орфея, и они начинают свой путь. Орфей продолжает петь, чтобы владыки Аида не передумали. И вот супруги выходят к свету, уже солнце озаряет их фигуры, уже позади страшный пес-цербер. Орфей, в предчувствии радости, оборачивается. Его лицо озарено счастьем, он хочет обнять супругу. Но в глазах Эвридики ужас, боль и страдание.

– Орфей... – в последний раз произносит она и оставляет его одного.

Сладкоголосый зовет ее, хочет бежать обратно, но на пороге Аида встречает его разъяренный цербер. Нет пути назад. Уронив голову, бредет скорбный певец, не разбирая дороги. Наконец, смирившись, берет в руки лиру и поет печальную, исполненную тоски песню. По щекам его текут слезы...

Растроганная герцогиня Анна вытирает платочком глаза. Элен не сводит восхищенного взгляда с «Орфея». Леонора внимательно разглядывает «Эвридику». Герцог, кажется, простил сыну давешнюю клоунаду, хотя и не одобрял его увлечения искусствами.

«Артисты» не успели переодеться, а Луи уже обнял и расцеловал свою «Эвридику».

– Ты была обворожительна, лапушка моя, обворожительна. Как переоденешься, жди меня в нашей беседке, хорошо? – и он помчался к матери.

Мари теперь жила в другой комнате. Луи пришлось переселить ее, чтобы не гневить родителей, ведь они не знали, какие вольности он допускает в их отсутствие.

Обсудив представление, все расходятся по своим комнатам. Луи переодевается в своих покоях. Не успел он как следует надеть сорочку, как услышал стук в дверь. Он удивлен и сам открывает. Лицо его внезапно омрачается. Тетя Элен, сияя от радости, спокойно входит и закрывает за собой дверь.

– Чудесный спектакль, Луи. Ваша затея?

Смущенный юноша, с трудом улыбаясь, ответил:

– Да, тетя, это я придумал, но один бы ничего не сделал.

– Конечно, милый. Эвридика очень даже хорошенькая, поздравляю. Кто она?

– Моя горничная.

– Я вижу, вы даром времени не теряете. Чудесно, Луи. Вы прекрасно пели. Я помню, что у вас прелестный голос, но, признаться, не ожидала услышать такого совершенства.

– Благодарю вас, мадам, – улыбался юноша.

Элен подошла к нему ближе и, потрепав за щеку, сказала:

– Вы стали еще привлекательнее, одним словом, Адонис.

Луи совсем смутился, а женщина спокойно положила ему руки на грудь.

– Не нужно, тетя, – уверенно остановил ее Луи.

– Ангел мой, что-нибудь не так?

– Не нужно... – повторил он.

– Прежде тебе нравились мои ласки, – начиная нервничать, проговорила Элен.

– Прошу вас, тетя, не напоминайте мне. Это было давно, давайте забудем.

– А ты изменился, мой мальчик.

– Все изменилось, тетя. Тогда я был глуп и неосторожен, я не понимал вполне... всего позора...

– Ах, вот как? Теперь ты называешь это позором? Неблагодарный, – возмутилась Элен.

– Я неблагодарный? Это после того, как вы поступили со мной?

– Ты не должен держать на меня обиду.

– Помилуйте, я женюсь на вашей дочери.

Она расхохоталась.

– Уж не хочешь ли ты сказать, племянничек, что будешь верным супругом? Думаешь, я не знаю, какой ты повеса?

– Это другое, – строго ответил он, – вы – кузина моего отца, и я буду любить вас как свою тетю, не больше. Простите, но уже поздно, я провожу вас в вашу комнату, если желаете.

– Ты ведь не хочешь, чтобы твоя мать узнала об этом, не так ли?

– Тетя... – опешил Луи.

– Будь хорошим мальчиком, не упрямься.

Луи заметно волновался, не знал, куда себя деть.

- Тетя, неужели вы можете признаться ей в таком проступке?
- Глупенький. Я не буду виновницей, я буду жертвой.
- Но, тетя, я вас умоляю.
- А ты как хотел? И перестань называть меня тетей.
- Вы не сделаете этого.

– Ты меня плохо знаешь, дорогой, – очень серьезно сказала Элен. – Я обожаю тебя, Луи, и не отступлюсь, пока не добьюсь своего. Ты хочешь забыть, что именно я научила тебя первым ласкам, поцелуям? Мне ты обязан своим посвящением в таинства любви. Теперь ты сам выбираешь себе любовниц, даришь им свою красоту. Неужто пожалел ты ее для меня, своей наставницы? – Элен уже забыла свое недовольство и, любуясь растерянным лицом юноши, сжимала его руки.

И тут Луи на диво серьезно произнес слова, ставшие для графини полной неожиданностью:

- Но ведь между нами ничего не было, мадам.

Элен, помедлив, не выдала своего замешательства и спокойно ответила:

- Это тебе так хочется думать, милый.

– Нет, это вы хотите, чтобы я думал, будто что-то было, – настойчиво произнес Луи. – И я так думал – и мне было стыдно. Вы не представляете, что я пережил тогда. Но потом, когда *это* случилось впервые, я понял, что с вами было иное.

- Что же? – заинтересованно спросила графиня.

- Вы подсунули мне конфету с любовным зельем.

– А ты знаешь, что такое любовное зелье? – чуть не со смехом проговорила она, по-новому разглядывая юношу.

Луи покраснел.

- Ты пробовал? – не унималась графиня.

– Да, я из любопытства пробовал однажды. Так что вы не заморочите мне голову. И, кроме того, я не верю, что вы оказались способны на такое. Мне же тринадцать лет было.

Элен перестала улыбаться, прошла по комнате, о чем-то думая, и наконец остановилась и, посмотрев на юношу, проникновенно сказала:

- Я тебе благодарна, Луи.

- За что? – растерялся он.

- За то, что думаешь обо мне так. Значит, ты не так уж и зол на меня?

Луи с жаром заговорил, и щеки его пылали:

– Элен, неужели вы не понимаете? Вы причинили мне боль. Вы играли с моей душой, так не затевайте все заново.

- А почему нет, Луи? – серьезно спросила она.

- Я простил вам прошлое, но не ручаюсь за себя, если...

- Что «если»?

- Прошу вас, оставьте игру, – умолял он.

- А что, если я не играю?

- Что же вы делаете тогда? – негодовал юноша.

- Быть может, это любовь? Именно это чувство ты вызываешь, что поделать?

Он посмотрел ей прямо в глаза и четко произнес:

- Но я не люблю вас, как вы того хотите. Останемся друзьями.

– Ну, что же, дорогой мой, я дам тебе еще время, – проговорила она изменившимся голосом, – и если ты не образумишься, пеняй на себя, – Элен отвернулась и пошла к двери.

- Вы угрожаете мне, тетя? – обиделся Луи.

– Да, и я знаю, что делаю, – с этими словами она исчезла за дверью, оставив ошарашенного юношу в полном расстройстве.

Луи сидел несколько минут неподвижно, как бы не в силах осознать, что такое свалилось на его голову. Потом вдруг опомнился, схватил заранее приготовленный бархатный мешочек и помчался в парк.

Растрепанный, растерянный, он ворвался в беседку. Навстречу ему поднялась спокойная и уже утомленная долгим ожиданием девушка.

– Извини, милая, меня задержали, – он плюхнулся на скамью, отдышался. Мари села рядом и, почувствовав неладное, спросила:

– Что-нибудь случилось?

– Нет, ничего, – не глядя на нее, заверил юноша.

Она не решилась спорить, хотя была уверена, что он чем-то озадачен. Ничего не говоря, она лишь поправила его растрепавшиеся волосы и ворот рубашки. Луи благодарно улыбнулся и затаенно сказал:

– Я кое-что принес тебе. Вот, посмотри, – он вручил ей бархатный мешочек.

Мари развязала его и вытряхнула на ладонь сверкающий перстень. Рассмотрев его, она ахнула.

– Он прекрасен, Луи.

– Тебе нравится? Я дарю его тебе.

– Нет, я не могу его принять.

– Почему? – огорчился маркиз.

– Это слишком дорогой подарок, я не могу. Никто не поверит... это же целое состояние.

– Ты достойна этого подарка. Возьми его, не отказывайся. Мари, ты можешь никому его не показывать, если боишься, но не отвергай, прошу тебя.

– О, Луи...

Он взял ее руку и надел перстень на палец.

– Ты самая прекрасная, самая лучшая, ты – цветок моей души, – твердил он, целуя ей руки, – пойдем, немного погуляем и вернемся, уже, должно быть, за полночь, а я хочу еще насладиться твоей любовью, моя королева.

14. Жизнь – игра (продолжение)

Выдался чудесный солнечный день. На игровой площадке царило оживление. Луи сражался с Люсьеном на шпагах. Оба, будучи в самом веселом расположении духа, отпускали друг другу шуточные комплименты. Друзья на этот раз были не одни. За ними наблюдали гости. Расположившись в тени старого вяза, дамы тихо беседовали, а герцог заинтересованно следил за поединком. Сейчас он не мог быть недоволен своим сыном: Луи орудовал шпагой блестяще, впрочем, благодаря частой практике, и Люсьен уже поднаторел в этом деле. Наконец герцог так воодушевился, что решил вспомнить молодость и пожелал сразиться с Луи. Раскрасневшийся от беготни Люсьен присоединился к дамам.

– С вами не страшно путешествовать, сударь. Вы так хорошо деретесь, – мило улыбаясь, проговорила Леонора.

– О, сударыня, вы мне льстите, – смутился юноша.

– Ничуть, – вступила в разговор Элен.

– Если бы вы были внимательны, то непременно заметили бы, что Луи сегодня «заколол» меня несколько раз.

– А вы? – поинтересовалась девушка.

– Я «ранил» его дважды. Поверьте, не завидую я тому, кто скрестит с ним шпагу.

Скоро вернулись с «поля битвы» и оставшиеся бойцы. Герцог, едва переводя дух, улыбаясь, заметил:

– Юноши времени даром не теряли. Превосходные удары.

– Ага, – смеясь, подтвердил Луи, – если не считать, что меня сейчас почти накололи на шпагу, как какую-нибудь бабочку...

– У вас еще есть время поучиться, господа. Ну, а теперь что вы намерены делать?

– Почему бы не прогуляться? – предложила герцогиня, недвусмысленно глядя на сына.

Луи посмотрел на Леонору и, бесцельно покрутив в руках шпагу, сказал:

– Ну что ж, можно и погулять. Я пойду переоденусь.

Когда же Луи вернулся, то застал лишь одну Леонору и все равно спросил:

– А где все?

– Ваш отец увел виконта в дом, а мама и тетя Анна пошли посидеть в беседку.

– А куда пойдем мы?

– У вас есть качели? – в свою очередь спросила Леонора.

– У меня есть все, – улыбнулся юноша и предложил ей свою руку. Девушка охотно взяла его под руку, и они, не торопясь, пошли вглубь парка.

Луи одевался не слишком торжественно, когда отдыхал в Куломье. Это в Париже он шокировал общество щегольскими нарядами и дорогими украшениями. А тут, «в деревне», забывал порой, где у него духи. Сейчас, правда, юный маркиз слегка принарядился, чтобы пустить пыль в глаза своей расфранченной спутнице. Что ж, ее можно понять. Она долго жила вдали от светского общества, воспитываясь в монастыре. Недавно ее забрали оттуда, чтобы выдать замуж.

Леонора красовалась в богатом платье. Корсет стянул ее и без того стройную талию в струнку и высоко приподнял нежную грудь, сильно декольтированную. Чтобы не сразу воспламенить падкого на прелести маркиза, девушка накинула на плечи легкую шаль, которая частично прикрывала грудь.

Луи занимал спутницу болтовней, пока они не оказались в приятном уголке, где между двумя большими деревьями висели качели.

– Я ужасно люблю кататься на качелях! – восторженно воскликнула девушка и, подбежав к ним, уселась на скамеечку.

- Я тоже, – сказал Луи, – но еще больше люблю катать кого-нибудь.
- И многих вы катали на этих качелях, сударь? – приглушенно спросила Леонора.
- Отныне я буду катать только вас, – и он стал раскачивать.
- Леонора подбадривала его, просила раскачать еще сильнее и сильнее.
- Вы не боитесь? – спрашивал юноша.
- Нисколько.

Леонора развеселилась, счастливо смеялась.

- Я лечу, как птица! – кричала она.

Луи тоже веселился. Его, однако, забавляли не только безоблачные возгласы девицы, но и ее стройные ножки, которые он имел счастье видеть каждый раз, как качели взлетали наверх и ветер-проказник приподнимал юбку. Впрочем, девушка прекрасно это знала и была рада доставить удовольствие маркизу.

Когда же качели остановились, Леонора встала и слегка пошатнулась. Луи придержал ее под руку.

- Я, кажется, укачалась, – тихо пожаловалась она, – у меня кружится голова.
- Держитесь за меня.

Леонора взяла его под руку, но этого было мало, и она добилась того, чтобы Луи придержал ее за талию.

- Благодарю вас, сударь, вы так любезны, – признательно говорила она и вдруг опомнилась: – А где моя шаль?

- Должно быть, слетела, когда вы катались. Сейчас посмотрю.

Луи поискал в траве и скоро принес пропажу. Не спрашивая разрешения, он сам накинул ее на плечи Леоноры и, немного подумав, запечатлел поцелуй на ее шее.

- Что вы делаете, сударь? – негодующим тоном проговорила девушка.
- Целую самую прекрасную шею в мире, – без смущения ответил проказник.
- Давайте вернемся, – предложила Леонора.
- Хорошо.

И, взявшись за руки, они побрели обратно к замку. Леонора была совершенно уверена в легкости своей победы.

* * *

Но Леоноре было мало покорить сердце будущего супруга. При одной мысли, что она выйдет за Луи замуж и всю жизнь проведет с ним под одной крышей, она впадала в отчаяние: какая скука! Поэтому девушка нашла время поговорить наедине с другом несчастного жениха.

Люсьен как раз упражнялся в стрельбе (Луи в это время любезничал с Мари, хотя и рисковал). Виконт д'Эперне стрелял из трех пистолетов поочередно, и вот, в разгар его блестящих попыток вдруг раздался нежный голосок:

- Как интересно, сударь, наблюдать за вами...

Люсьен обернулся и, увидев девушку, смутился.

- Я и не знал, что вы наблюдаете за мной.

– Простите, если я помешала... А вы не знаете, случайно, где маркиз? – она спросила это лишь для виду, потому что на самом деле и не собиралась никуда уходить.

- Вероятно, у себя в кабинете, – коротко ответил юноша.

- Вы хорошо стреляете, – улыбнулась Леонора.

- Благодарю вас.

– А вот я не умею стрелять, – заметила девушка, – если б нашелся человек, который бы научил меня... я была бы очень ему благодарна.

– О, это просто, сударыня, – охотно отозвался Люсьен и стал объяснять ей, как обращаться с пистолетом.

Она тихо смеялась и часто ошибалась, потом все же стала целиться и выстрелила. Дробь попала в дерево.

– Я же говорила, что совсем не умею, – весело сказала Леонора.

Они еще долго упражнялись. Люсьен показывал, а Леонора восторгалась каждым удачным выстрелом. Ей нравилось, как хладнокровно целится виконт и как непринужденно попадает в цель.

– Скажите, вы всегда теперь вместе с Луи? – спрашивала Леонора, когда возвращались в замок.

– Почти.

– Вы, наверное, лучше всех его знаете.

Люсьен пожал плечами.

– Говорят, он равнодушен к женщинам, – осторожно заметила она.

– Разве это плохо? – спросил Люсьен, улыбнувшись.

– Мы должны пожениться, – вздохнула Леонора.

– Я рад за вас. По-моему, вы неплохая пара.

– Неужели? Вы полагаете, он будет любить меня?

– Абсолютно в этом уверен, – убежденно ответил молодой человек. – Луи добрый, он вам понравится.

– Не уверена, что вы уступаете ему в достоинствах.

Виконт ответил, помедлив:

– Не знаю, сударыня. Думаю, что такого жизнерадостного и любвеобильного человека, как Луи, вам не найти нигде.

– Придется поверить вам, – кокетливо склонив голову, согласилась Леонора и, как бы невзначай прикоснувшись к руке юноши, предположила:

– Думаю, теперь мы будем часто видеться, виконт. Вы же не забудете своего друга, когда он женится?

– Разумеется, – прохладно ответил Люсьен и, вежливо распрощавшись с барышней, ушел в свою комнату.

* * *

Время текло безмятежно в замке Куломье. Луи развлекал Леонору и в то же время не забывал обхаживать Мари; Люсьен старался никому не мешать, хотя Леонора и жаждала его внимания.

Как-то раз Леонора оказалась у той самой беседки, где иногда бывал молодой маркиз. Девушка из любопытства заглянула туда и, точно, увидела юношу, сидевшего с книгой в руках.

– Так вот ради чего вы покинули меня, сударь, – с упреком воскликнула она.

Луи поднял голову, улыбнулся и отложил книгу.

– Вовсе не стоит сердиться, сударыня. Никто и не думал вас покидать.

– Почему же я вынуждена гулять одна, в то время как вы преспокойно сидите тут? – не унималась Леонора.

– Но теперь-то вы не одна, и мы можем гулять вместе, – он оставил в беседке «Дон-Кихота» и с готовностью пошел с девушкой.

Они взяли лошадей и отправились в лес. Сперва развлекались тем, что соревновались друг с другом: кто окажется быстрее. Но затем, утомившись, спешили и, ведя за собой лошадей, продолжали гулять.

– Луи, где вы откопали вашего друга? – спросила девушка.

Уловив в ее тоне иронию, юноша поинтересовался:

– А что, он чем-то не угодил вам?

– Он, право, чудак, похож на истукана.

– Не выдумывайте. Люсьен просто не хочет вмешиваться в наши отношения.

– А у нас есть какие-то отношения? – лукаво заметила Леонора.

– Если нет, то будут, – усмехнулся Луи.

– Впрочем, ваш друг мне нравится, – продолжала она.

– Я был бы удивлен, если б это было не так.

– Он хорошо стреляет, – добавила Леонора.

– Отменно, – подтвердил маркиз, – мне никогда не добиться такого совершенства в стрельбе.

– Это почему же? Если захотеть...

– Нет, тут мало одного желания. Тут характер, и потом, у меня не такое хорошее зрение.

– Как? Не может быть, – не поверила девушка.

– Да. Я хорошо вижу вон до того дерева, а дальше – гораздо хуже. Но главное, – уже становясь веселым, проговорил Луи, – главное, что я отлично вижу вашу красоту. Мне достаточно.

Они остановились на веселой полянке, где и пустили лошадей пастись.

– Вы не представляете, как я устала, – проговорила девушка, опираясь на его руку. Луи, взяв ее за талию, загадочно произнес:

– Конечно, в такой броне, да еще так затянута.

– Это матушка меня так затянула, – пожаловалась Леонора.

Тем временем руки Луи сами скользнули вверх. Но он остановился, раздумывая.

– Чего вы испугались, сударь? Смелее, – вдруг сказала она.

– Мне нечего пугаться, я только хотел спросить, может, ослабить слегка?

– Если вас не затруднит, – охотно согласилась она.

– О, это самая приятная услуга, – обрадовался Луи и принялся ослаблять шнуровку корсажа. Когда с этим было покончено, Леонора вздохнула свободнее и, опустившись на траву, заявила:

– Так жарко и хочется пить...

Услужливый кавалер тут же снял с седла захваченную на случай флягу с водой и, открывая ее, нечаянно брызнул на девушку.

– Ах, будьте же осторожны, сударь, вы облили меня с головы до ног.

– Извините, – подавая ей флягу, ответил он и, увидев, что капли попали ей на грудь, достал платочек и спросил:

– Вы позволите?

Она только кивнула. Луи осторожно вытер капли воды. Леонора тем временем сделала несколько глотков и вернула воду. Маркиз, не скрывая своего удовольствия, выпил воды, ведь только что горлышка коснулись губки милой невесты. Леонора томно прикрыла глаза, делая вид, что засыпает. Луи прекрасно знал, что она притворяется, но все же не упустил предоставленную возможность и, как только ему показалось удобным, незаметно приблизился и нежно поцеловал девушку в губки. Она едва слышно вздохнула и «не проснулась». Тогда Луи совершенно осмелел и беззастенчиво принялся целовать ее. Леонора вдруг встрепенулась и строго сказала:

– Вы несносны, сударь. Неужели трудно подождать до свадьбы?

И хотя ее глаза говорили совсем другое, Луи отстранился и пробормотал:

– Простите, сударыня. Думаю, нам пора возвращаться, – и подал ей руку.

Леонора, вздохнув, без энтузиазма согласилась. А Луи, придя в себя, подумал, что слишком увлекся и, действительно, нет никакой необходимости торопить события. Так или иначе, а Леонора станет его женой. Какая тоска!

15. Первые тучи

Как странно: еще несколько дней назад в замке ощущалось лишь присутствие юного задора. Хозяин, его друг, слуги (если не считать мажордома, тети Жанны и экономки) – все молоды. Известие о прибытии гостей оказалось неожиданным. Луи правильно понял цель их приезда и с тревогой чувствовал, что в недалеком будущем его жизнь сильно переменится. Но, что ни говори, юноша не думал, что все может произойти вот так внезапно.

За обеденным столом сидели вместе. Счастливчик этот Люсьен. Так спокойно и естественно держится. Ему нетрудно соблюдать неизвестно кем и когда изобретенные правила этикета. Луи, конечно, за свои шестнадцать уже вышколен. Не зря же на его воспитание тратили столько сил и денег. О, юный маркиз знает, как себя держать. Он достаточно ловок и уверен в себе для того, чтобы не оплошать. Но если у виконта д'Эперне светские привычки превратились уже в неотъемлемую часть его натуры, то неукротимому характеру маркиза все это было изначально чуждо. К счастью, Луи прекрасно подражал, играл, входил в нужный образ, а сообразительность подсказывала ему, где и как себя вести. Тем не менее, приходилось терпеть многое: и тщательно завязанный на шее галстук, и застегнутый на все пуговицы камзол, и безупречную осанку за столом, и чинную размеренную тишину... что ж, если так надо, он не возражает и тем усерднее налегает на филе индейки.

Герцогиня бросила на сына несколько осторожных взглядов и, убедившись, что нынешний обед пройдет без приключений, принялась за еду.

Анна в последнее время очень переживала из-за того, что немного пополнела, но ей грех было жаловаться на свою красоту. И хотя она выглядела слегка усталой, это не лишало ее естественной привлекательности.

Герцогиня Анна совершенно не походила характером на своего супруга. Она была человеком добрым и мягким от природы. Но при всех достоинствах, ее характер был слабым: чуть что – она ахала, падала в обмороки.

Луи был единственным ее ребенком, оставшимся в живых, и она очень избаловала его. Зато теперь вздыхала, что сын отбивается от рук и не нуждается в ее постоянной заботе.

В воспитании сына супруги стояли на разных позициях. Герцог прежде всего воспитывал наследника, а герцогиня – единственного и любимого сына.

Герцог де Сен-Шели тоже поглядывал на сына с каким-то до сих пор никогда не появлявшимся интересом в глазах. Недавно жена печально сообщила ему, что больше не сможет родить. Она становилась матерью девять раз, если не считать выкидышей. Но, увы, Луи так и не приобрел ни братьев, ни сестер. Он и не знал, что этот разговор ускорил развитие событий. Теперь Луи один-единственный наследник. Если с ним что-нибудь случится... а все может произойти, потому что со службой тоже тянуть не стоит. Не в этом, так в будущем году Луи пойдет служить, станет офицером. Его, без сомнений, пошлют на войну, а там все может случиться. Так что он обязан жениться и дать фамилии наследника, лучше не одного.

Эти соображения были очевидны для родителей, но совершенно не проникали в голову юноши, который, видимо, надеялся наслаждаться жизнью неограниченно долго.

Луи бессознательно ответил на взгляд отца и вновь сосредоточился на филе. Франсуа невольно смутился, поймав на себе настороженный и в то же время открытый взгляд юноши. Ощущение было удивительным: будто окатило щедрым и теплым солнечным светом. Да, у него глаза матери. А смутило Франсуа то, что сын взглянул ласково. Может, и прежде такое бывало, но он не замечал. Юноша здоров – это очень важно. И на щеках играет нежный румянец, как это бывает у детей. Франсуа едва заметно улыбнулся, но тут же на лбу появилось напряжение. Луи здоров, но... почему же он иногда теряет сознание от духоты или при виде крови? А тут выяснилось еще, что вдаль он не так хорошо видит. Франсуа успокоил

себя, припоминая, что сын болеет очень редко: слава богу, любит свежий воздух (вечно проветривает комнаты) и движение. И разве не от избытка жизненных сил он так непоседлив?

Франсуа перевел взгляд на Леонору. Вот негодница: строит глазки виконту (тот, кстати, не понимает ее взглядов – его голова забита книжками, но юноша хорош всем, пусть и наивен). Нет, не верил герцог в то, что предстоящий брак будет удачным. Не верил, как ни уверяла его в этом супруга. Анна все умилялась, глядя на детей, и твердила, что они чудесная пара. В том-то и дело, что не пара. Но ничего не поделаешь... Франсуа вздохнул, еще раз посмотрел на будущих супругов. Вот она, необходимость. Напротив Луи сидит Леонора, напротив Люсьена – графиня. Франсуа неожиданно перехватил взгляд своей кузины, скользнувший по лицу будущего зятя. Станный взгляд. Герцог опять подумал о женщинах: какие ветреные существа, какие недалекие. Анна все же избаловала мальчишку: видите ли, она его любит. Элен... ах, Элен... тоже не упустит случая приласкать племянника. Лучше бы за дочерью смотрела.

Графиня де Лорм блистала в декольтированном лиловом платье, и вид у нее был такой, словно замуж выходит она, а не ее дочь. Однако Луи так увлекся десертом, что никакие прелести его теперь не волновали. Вообще плотная трапеза и любовные авантюры были плохими союзниками. Луи давно это знал, ведь его натура такова, что после сытного обеда его неуклонно тянуло в сон. А потому, планируя амур, юный маркиз старался избегать обильного стола. А тут попробуй избежать: матушке показалось, что он похудел (быть того не может), и она ревностно следит, чтобы он ел «как следует».

Какое счастье, что завтра все поедут в город. Люсьен останется, а остальные поедут... да, вот только Элен еще не решила. Луи пристально посмотрел на нее и решил, что обязательно чем-нибудь допечет ее, даже если это грозит жалобами родителям.

На следующий день, не успела карета отъехать, как Луи помчался в конюшню, оседлал строптивого жеребца (это было запрещено) и рванул в лес.

Люсьен тем временем читал Тацита в оригинале. Он отказался ехать с маркизом и уединился в кабинете. Виконт учился в Клермонской коллегии. Будущее рисовалось Люсьену смутно. Если Луи знал, какая служба его ждет, то Люсьен колебался: его привлекала юриспруденция, но отец желал бы устроить его в финансовое ведомство.

Дверь в кабинет была приоткрыта, и Элен вошла, чтобы узнать, где Луи.

Люсьен немедленно встал и поклонился, как только заметил даму. Его беспричинное смущение забавляло графиню, и она только спросила, где маркиз.

– Луи поехал в лес, – сказал виконт.

– Жаль, что он не спросил моего желания. Что ж, не буду вам мешать, сударь.

Элен еще некоторое время думала о Люсьене. Приятный юноша, только замкнутый. Странно, на чем держится их дружба? Они такие разные.

Графиня не теряла времени даром и побывала в покоях маркиза. В результате юношу по возвращении ожидал неприятный сюрприз. Элен многозначительно сказала ему, что знает, какие тайны он хранит у себя в комнате за бюро.

– Вы постарались, друг мой. Не будь вы маркизом, почему бы вам не заниматься живописью?

Румянец на щеках юноши запылал ярче обычного. Сохранив на лице невозмутимое спокойствие, Луи проговорил:

– До Рафаэля мне далеко, а на меньшее я не согласен.

– Вот как? Луи, а почему вы не пригласили на прогулку меня?

– Я не думал, что вы захотите поехать в лес.

– Хитрец.

– А почему вы не поехали со всеми? – спросил он.

– Хотелось побыть тут: знаете, я уже утомилась от визитов, балов. Идти к здешнему губернатору, – что мне там делать? Кстати, ваш друг усердно изучает Тацита.

– Люсьен любит историю.

– Что вы намерены делать дальше?

– Обедать.

– А потом?

– Тетя, я не обязан отчитываться перед вами.

– Но я же отвечаю за вас.

Луи усмехнулся.

– Попробуйте только что-нибудь натворить, – угрожающе произнесла Элен.

– В своем доме я буду делать, что хочу, – уверенно ответил маркиз и прямо посмотрел в глаза графине.

Элен подумала, что он обязательно воспользуется случаем, чтобы поворковать со своей фавориткой. Насколько это серьезно? Вот что начинало мучить графиню. В маленькой хруп-

кой девушке с робким взглядом она почувствовала серьезную соперницу. И дело не в том, что Луи пользуется ее милостями. Настоящее соперничество в другом. На той картине, которую Элен сегодня обнаружила, Мари изображена с таким уважением, с такой любовью; так целомудренна ее нагота, что невольно задумаешься.

И Элен была не так беззаботна. Она не сводила своих хищных взоров с очаровательного племянника и вместе с тем очень трезво оценила обстановку. Ей не нужно было многих усилий, чтобы понять, какие отношения у Луи с его горничной. Кроме того, стало ясно, что Луи и не думает разрывать эти отношения и буквально под носом у родителей и будущей жены развлекается с простолюдинкой. Не говоря уже о том, что в Мари Элен увидела препятствие к осуществлению своих желаний, ей казалось возмутительным, что накануне свадьбы Луи проявляет такое неуважение к своим родственникам. Видя, что юноша вовсе не собирается ответить на ее желания, Элен еще больше сердилась.

* * *

С удивлением Элен заметила, что за обедом Луи ведет себя иначе, чем обычно, то есть в присутствии родителей. Во-первых, его костюм не безупречен. Вернее, он чист и опрятен, но не все пуговицы застегнуты. Во-вторых, Луи словно позабыл, для чего предназначены столовые приборы. Элен не понадобилось много времени, чтобы понять: он нарочно это делает, чтобы вывести ее из себя. И тревожные взгляды виконта это подтверждают. А Луи без зазрения совести ест руками с видом великосветского вельможи. Потом принялся кусочком хлеба собирать подливку.

Но графиня помалкивала. Пусть родители воспитывают, а ей-то что? Конечно, она сделала глупость, сев рядом с ним, потому что маркиз так ловко уронил ей на платье жирный кусок, что у нее не было оснований обвинить его. А Луи еще извиняться начал, суетиться вокруг ее туалета. Стоило большого труда его утихомирить. Если он еще и вино на нее опрокинет... Луи только взглянул. Элен немного успокоилась.

После обеда молодые люди уединились в кабинете поиграть в шахматы и вели неторопливую беседу, так что графиня вновь осталась одна. Луи уже мечтал о поцелуях возлюбленной и, не доведя партии до конца, отправился к Мари, а Люсьен целый час бродил по дорожкам парка, погрузившись в размышления.

Наконец Луи вновь объявился и пошел к себе, рассчитывая немного отдохнуть. Графиня нежданно-негаданно выплыла из кабинета и пошла рядом.

– Я буду спать, – заявил маркиз, думая, что она отстанет.

– Ради бога. Позвольте мне вас проводить. Ах, Луи, я ведь так давно не видела вас, я соскучилась, а вы лишаете меня удовольствия пообщаться с вами.

– Общайтесь, я не против.

Луи уже не робел перед тетей, как это было с ним в первые дни. А потому, бросив на нее предупредительный взгляд, скинул камзол, сорочку и забрался под покрывало. Элен присела на краешек кровати и тихо проговорила:

– Я не буду вам мешать, но скажите, Луи, зачем вы испортили мне платье? Оно дорогое.

– Я же извинился, тетя, – обиженным тоном возразил юноша.

– Да, но я-то знаю, что вы делаете все назло мне. Я ведь могу и рассердиться.

– Обещаю вам, что этого не повторится, если вы перестанете меня мучить.

– Я вас мучаю? – усмехнулась графиня.

– Да, тетя. Может, вы думаете, что я горю желанием жениться на вашей дочери? Знайте: я делаю это лишь ради матушки, я ей обещал. Так что с меня довольно, а с вами я буду дружить только при одном условии: вы оставите меня в покое.

Графине нечего было возразить на это. Она с сожалением рассталась с маркизом и до самого возвращения хозяев и дочери только и думала о том, чтобы изобрести еще какой-нибудь способ переломить упорство племянника.

* * *

У Элен светло-русые волосы, темно-карие глаза чуть с поволокой и длинные, кокетливо загибающиеся кверху ресницы. Брови отъявленной красотки, непредсказуемые губы. Лицо нежное и белое. Она хороша и свежа, как цветок, и, кажется, никогда не задумывается о годах. Элен выглядит моложе Анны, хотя младше ее лишь на четыре года. И понятно: герцогиня занята семьей, рожала детей, страдала, теряя их. А Элен давно вдова и порхает как мотылек. У нее цепкий взгляд. И уж если эта прелестница чего-нибудь захочет, то не отступится, что бы там ни было.

Ей скучно в Куломье, но материнский долг требует ее присутствия, да еще кое-что привлекает кокетку. Алчущие глаза графини часто устремлены на племянника. Давно ли он был наивным мальчишкой? Давно ли его подростковое тело казалось неловким и нескладным? И если тогда он представлялся соблазнительным, то теперь и подавно.

Элен без смущения заговаривает с ним при родителях, подшучивает. Никогда не упустит возможности прикоснуться к нему. Его руки восхитительны: нежны и тверды одновременно. Элен видит в них руки любовника, способного на изысканные ласки. Она считает, что Луи рожден не для забот этого мира, и уж вовсе не для войны, а лишь для любви. А его нежное лицо. Как Элен хотелось целовать и эти округло-упругие щеки, покрытые нежным румянцем, и мягкие губы, в которых читается чувственность; век бы смотрела в небесные, вечно с искрой веселья, глаза. Он хорошо сложен, уже проглядывает в его фигуре устойчивая крепость, надежность. Вместе с тем его тело соблазнительно роскошно, но Элен уже подметила, что Луи по природе склонен к полноте и притом еще обладает завидным аппетитом, да и не отказывает себе в удовольствиях.

И вот, надо же такому случиться: мальчишка вздумал упрячиться. Крутит амур с девкой, да еще невзрачной на вид. Вот уж воистину – любовь зла. Неужели ему не хочется объятий опытной любовницы? Каков упрямец. Нет, даром это ему не пройдет. Не соглашается добром, есть другие средства... Разве способны грязные и глупые крестьянки и служанки оценить этот бриллиант, уже почти ограненный и нетерпеливо сверкающий, обращая на себя внимание? Какая несправедливость! Но больше всего раздражает его собственное упорство. Глупый, он все еще несмышлениш, и только; он не понимает, что не здесь его место, и не в этих руках ему следует искать наслаждений, то есть именно того, к чему его сейчас так тянет.

Луи ошибался, думая, что тетушка оставит его в покое, а потому был неприятно удивлен, когда застал ее у себя в спальне поздним вечером. Он упорно молчал и, не глядя на графиню, как будто занимался своими делами: приоткрыл окно, сдернул покрывало.

– Луи, ты ничего не хочешь мне сказать? – невозмутимо спросила Элен.

Юноша взглянул на нее и отрицательно качнул головой.

– Ты зря на меня сердишься. Давно пора забыть неприятности. Мы можем быть хорошими друзьями.

– Все мои друзья уже спят, – проговорил Луи, усевшись на кровать.

Графиня подошла и села рядом. С ее лица не сходила затаенная улыбка. Элен спокойно прикоснулась рукой к щеке юноши и заметила:

– И давно ты бреешься?

– Да, – буркнул он, не поднимая глаз.

– Боже мой, как быстро ты растешь, Луи.

Он промолчал.

– Так ты не хочешь дружить со мной, радость моя? – настойчиво спрашивала Элен, с удовольствием поправляя его волосы, которые все спадали на лицо, потому что он сидел со склоненной головой.

– Сударыня, я полагаю, что вполне ясно ответил на ваши вопросы еще несколько дней назад. Повторяться не люблю, – строго заметил маркиз, не выдавая смущения.

– Неплохо ты научился говорить. Но я не хочу, чтобы между нами были какие-то недомолвки, тем более холодность. Луи, ангел мой, ты что, всерьез думаешь, что влюблен?

– Оставьте меня в покое, тетя, – нетерпеливо попросил он.

– Нет, милый, ты должен мне сказать... ты любишь эту девчонку?

– Представьте себе, люблю, – он вскинул на Элен восхитительный взгляд, а в голосе прозвучала запальчивая дерзость.

Но графиня засмеялась и примирительно заговорила:

– Нет, не сердись, дорогой. Я вовсе не над чувством смеюсь. О, любовь – это святая святых, думаешь, я не знаю? Но ты... ты прелесть. Увы, я разочарую тебя. Ведь это только кажется, что ты ее любишь. Да, да, не смотри на меня так. Я лучше разбираюсь в этом, поверь. Хочешь знать, что у тебя с ней? Хочешь?

– Нет, – холодно ответил он и стал взбивать подушку.

– А все же полезно узнать, друг мой. Тебе пора разбираться в своих чувствах.

– Я хочу спать.

– Не пытайся меня обмануть.

– Элен, я женюсь на вашей дочери. Думаю, с меня достаточно.

– О, милый, да ты совсем ничего не понимаешь. Женишься, конечно, так надо. Нарожаете нам внуков, это и есть цель вашего брака, а вот любить тебя никто не заставляет, хотя, конечно, обидно. Ты ведь не будешь хорошим мужем. Может быть, когда-нибудь и остепенишься, но не теперь. Я ведь насквозь тебя вижу.

Луи смотрел на нее с мучительным интересом и, не решаясь жестко указать на дверь, будто ждал чего-то.

– Да, – продолжала Элен, – я, может быть, вероломная и безответственная в твоих глазах, но я знаю и чувствую тебя получше твоей дражайшей матушки. Ты рожден не для брака, увы... и не для таких тихонь, как твоя Мари. Она тебе нравится потому, что таких ты еще не встречал. Но дай срок, и она наскучит тебе своей правильностью, благовоспитанностью. И ты, мой хороший, с удовольствием захочешь вырваться туда, где весело, где нет препятствий никаким фантазиям и удовольствиям. Ты бывал у куртизанок? Да? Можешь не отвечать, я и так знаю. И знаю, почему ты ходишь к ним. Ты хочешь удовольствий, разнообразных и необычных, ты готов целовать и обнимать всех хорошеньких девиц. Ты желаешь и днем и ночью, – и это сейчас для тебя важнее всего на свете.

– Я желаю, но не с вами, – вдруг произнес Луи, не отрывая от нее испытующего взгляда.

– Правда? – усомнилась Элен. – Но кто же, как не я, способен исполнить все твои желания? И потом, ты рискуешь.

– Много берете на себя, тетя. Или вы считаете себя господом богом?

– Ах, вот как. Ты самонадеянный глупец, Луи. Ты что, думаешь, научился забавляться с девками – и дело в шляпе? Да ведь ты ничего не соображаешь. Сдуру кичишься своей силой, а понятия не имеешь, как с ней обходиться. Я таких петушков немало знала. Покоряли женщин, любовниц сосчитать не могли. И где они теперь? Еще молодые, но уже развалины, не способные порадовать даже собственную жену. У тебя есть все шансы кончить тем же... если не доверишься знающей женщине, которая и научит тебя, и, как знать, сделает очень счастливым...

– Я хочу спать, – тупо повторил Луи, слегка напуганный речью графини.

– Что ж, спи, раз хочешь. Я уйду, но советую подумать. Покойной ночи, ангел мой.

Элен поцеловала его в щеку, помедлила и, тихо повернув его лицо к себе, нежно прикоснулась к губам.

Луи едва заметно дрогнул, но не оттолкнул ее. Губы его были расслаблены, а потому поцелуй на него подействовал. Элен осторожно обвила его шею руками и целовала в открытую, страстно, возбуждающе.

Юноша вдруг отстранился.

– Нет, не хочу.

– Доверься мне, я знаю, чего ты хочешь.

– Уходите, вы заставляете меня.

– Луи...

– Уходите, прошу вас.

Она могла бы шантажировать его. Но что-то в его молящих глазах остановило Элен, и она решила не рисковать. Возможно, она подумала, что в следующий раз сумеет добиться большего. А теперь она еще раз простилась с ним и ушла разочарованная.

Элен, не видевшая племянника три года, по привычке смотрела на него как на ребенка, когда дело касалось повседневной жизни. Она видела, что Луи вырос, знала его потребности и влечения, но в остальном он был для нее желторотым птенцом, над которым, как ей казалось, легко простиралась ее власть. Отчасти так оно и было. При желании Луи еще можно запугать, можно поразить его воображение и обвести вокруг пальца. Но Элен забыла, что его возраст имеет и свои подводные камни. Луи холодно принял ее, и графине стоило иметь это в виду. Она же играла с ним в кошки-мышки. А Луи неожиданно поразил ее, выпустив когти, как кошка, потерявшая терпение. Во время верховой прогулки юный маркиз незаметно раздражил лошадь, на которой восседала тетушка, и Элен чуть не очутилась на земле. Графиня сочла бы это досадным недоразумением, но Луи хотелось другого. Оставив в неведении на сей счет родителей, он одарил тетю столь красноречивым плутовским взглядом, что у той не осталось ни малейшего сомнения в том, что ненаглядный ее племянничек каверзу и подстроил. Впервые Элен испытала легкий приступ досады. С той минуты она стала замечать, что Луи бывает дерзок до наглости, а в его остротах порой звучат нотки цинизма. Три года назад все было не так.

Она вспоминала те солнечные дни, сперва беззаботные, но потом... Элен пообещала ничего не говорить матери о подглядываниях не в меру любознательного мальчишки, больше того, в тот же день позволила ему застегнуть платье. Как? Вместо того, чтобы отругать и запретить под страхом разоблачения... она позволила удовлетворить ему его любопытство. Луи просто таял, стоя рядом с несравненной Элен. Жаль, что она намного старше, а то он непременно бы сделал ей предложение. Теперь у них возникла маленькая тайна, и графиня пользовалась этим, как умела. Она давно заметила свежую красоту юного маркиза, заметила, что он не по годам развит физически: он уже пугающе быстро рос, о чем не раз с тревогой говорила Анна. Какой соблазнительной казалась мысль посвятить несмышлениша в тайны любви. Элен и в самом деле возмнила себя наставницей и, поскольку в «деревне» ей нечем и нечем было заняться, взялась за воспитание племянника. Луи, давно втайне обожающий свою тетю, глотал все ее наживки, а управлять им было просто: достаточно в нужный момент напомнить о чувствительном сердце матери, носившей тогда очередного наследника.

Итак, сначала ему позволили застегнуть платье, затем, в другой раз, Элен притворилась немощной от духоты и, когда Луи, очень быстро соображавший, в одно мгновение открыл окна, она убедительным тоном заявила, что в этом случае он должен слегка ослабить шнуровку корсажа, для чего ему придется расстегнуть верхние крючки платья. Луи жутко смущился, но ему позволяли и даже требовали, чтобы он так поступил. Услышав, что настоящие мужчины всегда так помогают даме, юноша не упрямылся. Его пальцы еще были так неловки, но графиня с улыбкой все простила и терпеливо выдержала неопытные попытки.

Затем она дала ему понять, что настоящий кавалер должен уметь услужить даме во всем, даже в том, что входит в обязанности камеристки.

Элен была довольна учеником. Он вскоре неплохо разбирался в сложной системе дамского туалета, и руки его приобрели необходимую уверенность, но, что особенно радовало графиню, он превосходил любую камеристку необыкновенной чувствительностью, стараясь угодить как можно лучше, а потому никогда не доставлял неприятных ощущений. Кроме того, Луи оказался изобретательным и, будучи влюблен, всегда находил способ выразить свой восторг: приносил цветы, сочинял недурные стихи, пел.

Графиня не остановилась на достигнутом. Однажды она собралась на прогулку верхом, и Луи тут же решил, что будет ее сопровождать. Элен этого и хотела, но заявила, что в нем нет необходимости. Тогда маркиз стал умолять ее и выдвинул, по его мнению, неоспоримый аргумент: женщину должен сопровождать мужчина. Это было сказано в присутствии родителей. Взрослые усилием воли не рассмеялись, видя, как серьезно настроен мальчик. Но он все равно, с присущей ему ранимостью, уловил в их взглядах иронию. Тогда – то на его сторону встал отец, и Элен согласилась.

Луи, оставаясь в сознании своем тринадцатилетним подростком, занимал ее какими-то детскими разговорами, полагая, что все это ей интересно; с гордостью первооткрывателя сообщал ей то, о чем она давно знала. Но графиня милостиво улыбалась и позволяла ему считать, что он самый неотразимый кавалер.

Так они доехали до реки, где решили передохнуть, и, пустив лошадей пастись, устроились под деревом на берегу. Луи бросал в воду мелкие камушки. Но ему это быстро надоело, и он, откинувшись к стволу, неожиданно задремал. Элен заметила это и, убедившись, что он действительно уснул, решилась на рискованный шаг. Она склонилась над ним и тихонько поцеловала в губы. Луи спал неглубоко, потому, вздрогнув от странного, нового ощущения, испуганно открыл глаза.

– Не бойся, глупенький. Это всего лишь поцелуй, – нежно проговорила Элен и потрепала его за щеку.

Она часто его целовала в щеки, и он иногда целовал ее. Но вот так, в губы...

Когда они возвращались с прогулки, Луи уже ни о чем не мог думать, кроме как о поцелуе. А Элен добавила пороку, потребовав:

– Вы, сударь, должны вернуть мне поцелуй.

И маркиз потерял покой. Он не спал всю ночь, ему не хотелось есть. Он думал только о том, как вернуть ей поцелуй, как позволить себе это сделать. А красавица словно не замечает его страданий. Ее внезапная холодность и пренебрежение повергли юношу в еще большее отчаяние. Конечно, Элен видела его мучительные взгляды, видела осунувшееся за каких-нибудь два дня личико. Анна забеспокоилась, не болен ли ее мальчик.

Тянуть дальше становилось опасно, и Элен позвала маркиза к себе для беседы тет-а-тет. Все думали, что он ходит к ней читать романы.

Он знал, зачем она позвала его, знал, что от его поведения будет зависеть ее расположение к нему.

– Почему вы так нерешительны, сударь? – звучал ее монолог. – Имейте в виду, что ни одна женщина не хочет иметь дела с нерешительным поклонником. Как вы стоите! Боже мой, разве можно так себя вести? Подойдите.

Луи послушно приблизился к трону королевы.

Элен приподняла его лицо за подбородок, заставляя посмотреть на себя:

– Всегда держите голову прямо, вы же не совершили никакого проступка, стало быть, и нет причин вешать нос. Вот так, и смотрите уверенно, не бойтесь смотреть в глаза или хотя бы в лицо. А теперь не хотите ли вы мне чего-нибудь сказать?

Луи взирал на нее несчастными глазами, вдруг брякнулся на колени и взмолился:

– Ах, мадам, не гневайтесь на меня. Никто на свете не обожает вас, как я, а вы не любите меня.

– Встаньте, друг мой, вы совсем еще дитя. Кто вас убедил в том, что я не люблю вас? Кто вам это сказал? – она улыбалась. – Если бы не любила, стала бы я так рисковать из-за вас? А вы боитесь совершить пустяк – один поцелуй в знак вашей преданности.

– Это не пустяк, – замотал головой Луи, – вы разбили мне сердце.

– Неизвестно, кто кому разбил сердце. Не бойтесь, я буду и впредь вашей союзницей. А теперь не упрямитесь и поцелуйте меня, как настоящий поклонник, ибо слово всегда должно подтверждаться делом. Целовали же вы меня в щеку...

Она помогла ему преодолеть робость и, взяв за руку, мягко и настойчиво потянула к себе. Луи, закрыв глаза, едва прикоснулся к ее губам и так же тихо отстранился.

– Что ж, для первого раза достаточно. Вы делаете успехи, – похвалила Элен, и Луи вновь преисполнился надежд.

Он привык бывать в послеобеденное время в покоях «тети». Постепенно она отучила его испытывать чрезмерную робость, а любопытство подогревало. Элен обязательно включала в программу поцелуи, и с каждым разом они становились все более откровенными. Она побуждала маркиза к неизведанным ощущениям, учила ласкам, сперва невинным, но все более опасным.

Луи не понимал, что с ним творится. Он знал, что поступает нехорошо: матушка, если бы узнала, сразу бы лишилась чувств, а отец, казалось, убил бы. Но бедняга ничего не мог поделать ни с любопытством, одолевающим его, ни с огнем, растекающимся по жилам. Прикасаться к Элен для него было сладкой мукой, и Луи, не в силах заснуть по ночам, думал, что теряет рассудок. Ему временами хотелось лезть на стену или кричать во все горло.

Элен и не стремилась долго его мучить. Она знала, что с ним и как ему помочь. Нужен подходящий момент. Но графиня боялась, как бы Луи не разоблачил сам себя, боялась за его спокойствие. А потому решила прибегнуть к помощи любовного зелья. Но, как сделать, чтобы мальчишка ни о чем не догадался? Просто. Он сладкоежка и, конечно, примет из ее рук все, что угодно. Вот так Элен в одну из встреч и угостила его конфеткой. Луи съел ее сразу и, как уже было принято, сел рядом с тетей и действительно читал ей какой-то бестолковый роман. Элен всегда пользовалась этими минутами, чтобы приласкать своего ученика: то обнимет за плечи, то поцелует в щеку или задумчиво перебирает его волосы. На этот раз ее прикосновения особенно взбудоражили Луи. Он не замечал, как невольно останавливается и молчит, как голос его становится тише и звучит с какими-то придыханиями. В голове безумно-радостно мутилось. Не в силах справиться с вихрем, Луи откинулся на спинку дивана и услышал нежный голос Элен, словно из облаков:

– Что с вами, ангел мой?

– Так жарко, – проговорил маркиз, стараясь не сомкнуть глаз, которые неудержимо закрывались.

Кажется, она помогла ему снять рубашку, а легкий ветерок, залетевший в окно, взбудрил юношу. Луи почувствовал себя лучше, но какой-то вихрь жег его изнутри. Элен ласково гладила ему грудь, и Луи жаждал ее прикосновений, глядя ей в лицо с неотвратимой решимостью. Она стала целовать его и так, как прежде, и так, как еще не целовала. Ему же это понравилось, и где-то в затухающем сознании промелькнуло, что нет никакого стыда, никакой робости. Куда они подевались?

Луи даже не помнил всего, что с ним происходило. Как будто это был не он.

Маркиз пришел в себя на том же диване. Не было сил подумать о том, как плохо он поступил, а он был уверен, что плохо. Но обратной дороги нет, и Элен подбадривает его, хвалит. Луи объявляет тут же, что готов на ней жениться, как только позволят. Она снисходительно улыбается и берет с него слово, что все останется в тайне. Разумеется, клянется Луи.

Как выпрыгивало его влюбленное сердечко из груди! Какие почести он оказывал своей повелительнице! Родители удивлялись этому и смеялись, не видя ничего подозрительного. Элен вела себя так непринужденно, что и не заподозрил бы никто. Луи не знал, что это лишь начало. Его желание утроилось, и он ждал милостей госпожи с покорностью раба. А Элен ловко завлекала его в сети опасных удовольствий, обучала потихоньку, так что ученик быстро освоился с новой ролью и даже почувствовал себя куда увереннее: теперь он не мальчик, он кое-что знает и умеет. Элен же внушает, что он неотразим и привлекателен, учит, как соблазнять и ухаживать, как очаровывать, открывает тайник своего сердца и посвящает в то, что желанно даме; и Луи усвоил, что от него ждут.

Ее уроки перекроили его юную восприимчивую душу. Рано, слишком рано.

Когда же она уехала, он страдал, но тешил себя надеждой на новые свидания в Париже. Но там его ждали разочарования. Элен давно флиртовала с гвардейским полковником. Для Луи это был неслыханный удар. Он даже не мог поверить, не хотел верить. Задавал себе вопрос – почему? – и не знал, как ответить. Забыв обо всем на свете, он умудрился обратиться к графине и умолял ее на коленях, проливая слезы, не бросать его. Он клялся ей в любви до гроба, обещал жениться, но красавица отчитала его, как мальчишку, и велела больше не заикаться об этом. В утешение она сказала, что со временем он сам увидит, как глупо вел себя. Его уязвили и ее слова, и ее снисходительный взгляд, и явная насмешка. Луи больше не настаивал и остался один на один со своей болью. Он не спал, плакал на кухне, а однажды ему сделалось так дурно, что кормилица чуть не бросилась за врачом. К счастью, Луи пришел в себя, и тайна не раскрылась.

Была и польза от позорных уроков. Несмотря на разочарование в любви, Луи продолжал верить в ее существование и повсюду ее искал; Элен научила его ценить женщину и обращаться с ней так, чтобы оставаться желанным. Он усвоил один секрет: наслаждение должно быть взаимным. И Луи умел добиваться взаимности.

Но теперь он, кажется, прозрел, и Элен должна была предвидеть, что рано или поздно ее хитрость с конфетой будет раскрыта. Конечно, все это было игрой, забавой для нее и страшным испытанием для него.

Луи, однако, предпочитал верить в лучшее в людях, потому и не мог вообразить, чтобы Элен зашла так далеко. И оказался прав. Самой графине предстояло решить для себя, пока не заигралась совсем, насколько близкие отношения завязать с будущим зятем. Его ангельская притягательность мешала ей трезво поразмыслить. Глядя на него, Элен чувствовала непреодолимое влечение и, только оставаясь наедине с собой, задумывалась, а стоит ли рисковать?

* * *

Герцогиня Анна лишь подтвердила тревоги графини, частенько жалуясь на проделки сына. Как правило, это случалось в часы отдыха после ужина, когда женщины оставались вдвоем и могли сплетничать сколько угодно. Элен спрашивала что-нибудь о Луи, желая узнать побольше, а слышала жалобы.

– Ах, Элен, дорогая, вы представить себе не можете, что такое мальчик. Я никогда не знала с ним покоя. Когда он был крошкой, я думала, что вот подрастет и будет легче. Какая я была наивная! Подрос, и что? Куда он только не залезал. С крыши его снимали, из погреба вытаскивали. Еле отучили кататься по перилам. А два года назад сбежал совсем. До сих пор удивляюсь, как мы его нашли.

– Луи убегал из дома? – удивилась Элен.

– А вы не верите? Франсуа перехватил его в Гавре. Луи собирался в Англию, хотел пересечь Ла-Манш. Вот вы смеетесь, а нам не до смеха было. А если бы ему пришла фантазия отправиться в Новый Свет?

– Отчего же именно в Англию? – удивилась Элен.

– Хотел побывать на родине Шекспира... во всяком случае, он так сказал.

Графиня посерьезнела и многозначительно кивнула.

– Теперь еще забота: на девиц заглядываться стал, – продолжала жаловаться герцогиня. Элен улыбалась.

– Пора уж заглядываться. Ему шестнадцать, Анна. Давно пора заглядываться.

– Думаете, я не понимаю? Все я знаю. Знаю, что проморгала. Мальчик мой уж лишился невинности, вижу, не слепая. Да разве уследишь? И на девиц все смотрит. Элен, видели бы вы, как смотрит. Бог мой, неужели это мой сын? Бывает, и дома не ночует. Уж ругали его, наказывали, а будет ли толк? Одним словом, чем быстрее женим его, тем лучше.

Элен сомнительно хмыкнула, а герцогиня все вздыхала:

– А в последнее время совсем замучились. Франсуа говорит, что это пройдет через год-два. А я и не знаю, что думать. Луи нас не слушает; раньше, бывало, что ему скажешь, он делает, а теперь все по-своему норовит. Свой у него интересы, мы, видите ли, не понимаем. А чего не понимаем? Тоже молодыми были. Все друзья-приятели, вместе развлекаются. А я боюсь. Он иногда подвыпивший приходит.

– Франсуа прав: это пройдет, – заверила графиня.

– Хорошо, если так.

– А вот женщины – другое дело.

– Не пугайте меня.

– Я не пугаю. Но Анна, дорогая, разве вы не видите, что у вас под носом творится?

– А что такое? – испугалась герцогиня.

– Как это что? Вы даже не замечаете, какими взглядами обмениваются Луи и горничная Мари?

– Мари? – Анна посмотрела графине в лицо. – Мари. Ах, да, новенькая.

– Тем более. Давно вы ее наняли?

– Да пару месяцев... Луи же ее и привел.

– Я вам удивляюсь, – Элен всплеснула руками.

– Думаете, у них что-то серьезное?

– А по-вашему, Анна, Луи просто так на нее с утра до вечера пялится? А ее глазки вы видели? Девица еще не умеет скрывать своих чувств. У нее же все на лице написано, все, понимаете?

– Ах, право, я не знаю. Этого еще не хватало, да накануне свадьбы. Но самое страшное, Элен, – она беспомощно посмотрела на графиню, – я не могу поверить... не могу поверить, не хочу думать, что мой сын склонен чрезмерно увлекаться.

– Что в этом дурного? – графиня пожала плечами. – Большинство мужчин таковы.

– Меня не волнует большинство. Меня волнует мой сын, мой мальчик.

Но что бы Анна ни говорила, ослепленная материнской любовью, она все же недооценивала способностей своего ненаглядного Лулу, не видела, что пружина вот-вот распрямится и необузданная энергия хлынет через край; тогда не помогут ни воспитатели, ни авторитеты. Одно хорошо: Луи не занимать здравого смысла и практического чутья. Может быть, это да еще восприимчивая к красоте душа станут его поводьями в мире ошибок и пороков?

А пока наследник развлекался в свое удовольствие, позволяя себе невинные выходки. Тетя Элен, которую он в первые дни побаивался, вдруг сделалась объектом для шалостей. Эти двое вели своего рода войну, о чем никто и не догадывался.

Элен уже находила в своей комнате букет колючек с дерзкой запиской; застигала в своей постели ужа. К счастью, графиня быстро поняла, что змея не ядовита, ведь в сумраке легко принять ужа за гадюку.

У Луи, конечно, было много причин допекать тетю. Давние обиды, нынешние попытки графини завладеть его благосклонностью, наконец, жесткая необходимость стать зятем этой женщины – все лишь подогревало взбудораженного юношу. И, что досадно, – он ничего, кажется, не боится. Ну, положим, графиня покажет Анне записку и колючки, и что с того? Разве она хочет, чтобы другие стали свидетелями неприязни Луи к будущей теще?

Элен как-то прогуливалась по саду, и взбрело ей на ум устроиться под старой раскидистой яблоней. Графиня уже витала воображением где-то далеко, позабыв себя среди буйства зелени и тепла. Солнечные пятна – тень от многочисленных листьев – зыбко шевелились повсюду. Хорошо и спокойно. Вот только падают сверху листья.

Сперва графиня просто снимала их с одежды, но вдруг поняла, что для листопада еще время не пришло. И что странно, больше нигде ничего подобного не наблюдается. Элен задрала голову и сразу увидела озорника, который и вел прицельную «стрельбу» сорванными листьями.

Луи, с видом местного жителя, сидел на толстой ветке. Из одежды на нем были только штаны: рубашка и камзол висели на соседней ветке. Волосы маркиза давно растрепаны, глаза шальные, губы кривятся в усмешке. Он смотрел на графиню с чувством превосходства, ведь ей ни за что до него не дотянуться.

– Ах, вот в чем дело, – проговорила Элен. – Ну-ка, слезай оттуда.

– Зачем? Мне и тут хорошо, – отозвался юноша, поудобнее устраиваясь в ветвях.

– Ты зачем бросаешь на меня листья?

– Я? Не может быть.

– Слезай, тебе говорят.

– Да почему я должен слезать? Я раньше вас пришел сюда, и если вам не нравится, сами уходите из-под моего дерева. – Он невозмутимо потянулся к душистому яблоку, сорвал его, вытер рукой и откусил.

– Луи, ты наглец. Кто дал тебе право дерзить?

Он бросил на нее лукавый взгляд и продолжал есть яблоко.

– Между прочим, я ведь могу рассказать матери, в каком виде ты ходишь и как лазишь по деревьям.

– Да? А я могу рассказать, как вы преследуете меня.

– Тебе никто не поверит.

– Ну, и вам не поверят.

– Хочешь, проверим?

– Вы, тетя, удивляете меня, – Луи улыбался. – По-моему, лезть на дерево в чистой рубашке и в чулках совершенное безумие. Что может быть нелепее?

– На месте твоей матери я давно бы хорошенько выпорола тебя, негодник.

Луи захохотал, потом вдруг зашевелился: ветки закрипели под его тяжестью. Через пару мгновений он оказался на земле, держа в руке камзол и рубашку. Он весело посмотрел на графиню и спросил:

– Может, вы прямо сейчас и выпорете меня? Может, мне еще и штаны снять?

– Бедная Анна, – трагически произнесла Элен. – Я сочувствую ей. А ты, дружок, не обольщайся. Твои дерзости еще откликнутся тебе. Ты у меня еще поплачешь.

– Опять угрозы? – Луи уже сел в траву, нашел обувь и чулки и неторопливо одевался.

– Предупреждение, – пояснила графиня. – И если ты еще не понял, как все серьезно, то хуже от этого только тебе, милый.

Она взглянула на него прищуренными глазами и отправилась своей дорогой.

Луи никак не мог справиться с завязочками на рукавах, а тут еще слова Элен разбудили в нем тревогу. Ему сделалось жарко, лицо покраснелось. Бросив непослушные завязки, Луи прислонился спиной к дереву и, прикрыв глаза, какое-то время сидел неподвижно. Затем,

успокоившись, он упрямо приступил к тому же занятию и, наконец, приведя себя в порядок, пошел к замку.

* * *

Маркиз решительно взглянул на отца и сказал:

– Я собираюсь на прогулку.

Анна насторожилась, а герцог спросил:

– С виконтом?

– Нет, один.

– Далеко?

– В лес.

– У нас много мест в парке, – заволновалась Анна.

– Вот я и предупреждаю вас, что иду не в парк, а в лес. Я же не могу уйти самовольно.

Герцог подумал и позволил:

– Хорошо, только вы должны вернуться засветло.

– Я вернусь, обещаю.

Как Анна ни волновалась, как ни уговаривала взять в сопровождающие слугу, Луи отнекивался, радуясь, что отец ему позволил. И тут... тетя. Она-то все испортила.

– Луи, возьмите меня с собой, – попросила она, заловив юношу в галерею.

– Ни за что, – выпалил маркиз.

– Я никогда не гуляла в лесу, возьмите меня с собой. Пожалуйста, ангел мой.

– Вы разве не поняли: я иду один.

– Луи, прелесть моя, не отказывайте мне.

– Между прочим, тетя, я не беру лошадь, а иду пешком. Вы не выдержите дороги, тем более в платье.

– О... я переоденусь, как надо, и все выдержу.

Через четверть часа Луи с графиней де Лорм вышли из ворот замка. Элен действительно переоделась... в мужское платье, чем шокировала Анну. Франсуа, увидев кузину, только усмехнулся, а Луи теперь делал вид, что ему на все наплевать.

По дороге Элен то и дело вызывала юношу на разговор, но маркиз отвечал ей нехотя и часто нагибался, чтобы сорвать какую-то травку, поглощением которой он старался быть занятым.

– Что это ты все жуешь? – спросила графиня, насмешливо поглядывая на юношу.

Луи бросил на нее небрежный взгляд.

– Тебе не грозит похудеть, – продолжала задевать Элен.

– От того, что я жую, не прибавится ни капли, – быстро проговорил маркиз.

– И что же это? – уже с любопытством допытывалась женщина.

– Да вот же, у вас под ногами, везде, – он вдруг наклонился и, сорвав какую-то травку, показал графине.

Элен изумленно смотрела на растение и с трудом постигала, что хорошего нашел юноша-аристократ в траве, растущей повсеместно, когда ежедневно его стол ломится от изысканных блюд?!

– Луи, а это можно есть? – усомнилась Элен.

– Конечно, крестьяне всю жизнь едят.

– Крестьяне? – ужаснулась графиня. – Фи, как вы можете?

– А что? В прошлом году я пошел в лес и заблудился. Я тогда много этой травки съел... хотите попробовать? – он протянул ей стебелек.

– Нет, благодарю... ты заблудился? Ты один ходил в лес?

- Да, – гордо ответил Луи.
 - И долго ты блуждал?
 - Четыре дня и три ночи.
 - О Боже! Четыре дня? Анна мне не говорила.
 - Возможно, матушка не знает: к счастью, у слуг хватило ума не торопиться с известиями в Париж. Они меня искали.
 - Нашли?
 - Нет, я сам к вечеру четвертого дня вышел к деревне Во.
 - Тебе было страшно одному?
 - Еще бы не страшно! Ходишь, ходишь и не знаешь, найдешь ли дорогу.
 - Ты, наверное, исхудал, бедненький? – притворно произнесла Элен.
 - Я почти не голодал: трава, ягоды, орехи... там на болоте еще лягушки были, но я не настолько был голоден, чтобы ими заниматься, да и времени не было.
 - А вода?
 - В траве и ягодах, утром и вечером роса, а сначала у меня еще своя фляга была.
 - Луи, а ночью?
 - Ночью? Ночью самый страх. Я плохо спал.
 - Подумать только. Никогда бы я не сказала, глядя на тебя, что ты способен в одиночку выжить в лесу.
 - Выбирать было не из чего, – обиделся маркиз.
 - Тебе можно довериться.
 - Не обольщайтесь, тетя. Я бы на вашем месте вел себя осторожно, – заметил Луи.
 - На что это ты намекаешь?
 - Ни на что. Вы еще не устали?
 - Нет. Я выносливая, – похвастала Элен.
- До кромки леса шли долго, а солнце щедро палило. Маркиз не проявлял ни малейших признаков усталости, а Элен в тайне беспокоилась: она помнила, что от духоты ему бывает плохо. Но Луи великолепно себя чувствовал на свежем воздухе.
- На пути возникла река. Чуть дальше ее можно было перейти вброд, но маркиз в раздумье остановился. Присутствие графини мало заботило его, но он все равно соображал, стоит ли...
- Элен, ни о чем не подозревая, тоже остановилась и ждала.
- Мне жарко, – проговорил юноша, поворачивая к ней голову.
 - Мне тоже, сударь. Давайте найдем тень.
 - Обязательно, мадам. Но сейчас я бы окунулся. Вы пойдете? – он с интересом взглянул.
 - Что бы ты сделал? – изумилась графиня.
 - Это недолго, – быстро проговорил Луи, – если вам угодно, можете не отворачиваться.
- С этими словами он проворно стянул камзол и сорочку и без раздумий взялся за штаны. Элен все-таки отвернулась, но молчать не могла.
- Луи, ты с ума сошел? Разве можно?
 - А кто мне может запретить? – отозвался он.
 - Но что скажет твоя матушка?
 - Ничего, если вы ей не скажете.
- Элен услышала плеск воды и медленно обернулась. Луи был счастлив. Элен же все беспокоилась:
- Послушай, но ведь это вредно для здоровья.
 - Вы уверены?
 - И, говорят, ослабляет мужскую силу, – коварно добавила она.

– А я думаю – наоборот, – самоуверенно заявил Луи, отплывая подальше.

– Но вода холодная. Ты заболеешь.

– В октябре действительно холодновато, но сейчас – парное молоко.

– Так ты еще в октябре? – ужаснулась графиня.

– На спор залез.

– И с кем ты поспорил?

– С отцом. Я доказал, что смогу. Вода восхитительная, Элен. Вы зря не хотите.

Он опять подплыл ближе, встал на дно: из воды были видны только его плечи. Глядя на страдающую от зноя графиню, он протянул руку и позвал:

– Идите сюда, вам понравится.

– Перестаньте, сударь, – церемонно отозвалась она. – И вылезайте немедленно.

– Я разрешаю вам остаться в сорочке, – она ведь достаточно длинная.

– Вот негодник!

– Элен, я отдам вам свою сорочку. Идите же... идите.

Это была чистая провокация, но Элен, поколебавшись, поддалась.

Она сняла лишнее и, оставшись в одной сорочке, доходившей ей до колен, пошла в воду. Луи встретил ее с самым дружественным видом и превратил купание в забаву.

А когда они выходили из воды, он лишь скользнул взглядом по ее фигуре: сорочка прилипла к телу и продемонстрировала все, что ему было приятно увидеть, но Луи удержался от комментариев и, надев камзол на голое тело, последовал за графиней.

* * *

В лесу, в небольшой рощице, продуваемой слабым ветерком, было хорошо, тенисто. Побродив немного по тропинке, спутники вышли на полянку. Луи огляделся и, найдя нужный ориентир, повел графиню к месту привала: к поваленному дереву, где можно было удобно расположиться.

– Отдыхайте, – скомандовал маркиз и уселся рядом с деревом, прямо на траву, прислонился спиной к стволу и надвинул на глаза шляпу. Элен устроилась рядом, но ей не хотелось спать, хотя она не была уверена, что маркиз спит. Луи бездействовал недолго. Передохнув, он достал свою флягу и напился, потом предложил перекусить.

Элен чувствовала беспричинную радость. Сейчас ей доставляло удовольствие находиться рядом с маркизом наедине, и она думала, что счастлива. Луи, судя по настороженным взглядам, не испытывал той же радости, опасаясь непредсказуемых поступков тетушки.

– А твоя Мари – милая девочка, – сказала графиня.

«Началось», – подумал маркиз и промолчал.

– Она, по-моему, благоразумна и консервативна, как Анна, – продолжала Элен.

– Что вам за дело? – не вытерпел маркиз.

– Луи, милый, мне нужно поговорить с тобой. И теперь самый подходящий случай, потому что здесь никто не помешает.

– А вы уверены, что я хочу поддерживать разговор?

– Не дерзи. То, что я намерена сказать, очень важно... для тебя, ангел мой, для тебя. Как бы ты ни относился ко мне, но я беспокоюсь о твоём будущем.

Луи усмехнулся и возвел на графиню плутовской взгляд, в переводе означающий: «Ну-ну, посмотрим, что вы там скажете...»

– Ты о будущем думаешь хоть немного? – спросила Элен.

– Я не хочу о нем думать, – выпалил маркиз.

– Разве так можно? Это несерьезно: ты уже взрослый.

– Я знаю, что меня ждет, а потому и не думаю, – добавил юноша.

– Ну, и что же тебя ждет? – поинтересовалась Элен.

– В ближайшее время я женюсь на вашей дочери, тетя, потом устроюсь на службу, ведь находиться дома после женитьбы и выслушивать все ваши женские претензии я не собираюсь. А затем, если меня не убьют на войне...

– Ах, что вы говорите, – испугалась графиня.

– Я не знаю, тетя, все это так скучно.

– А что же ты ничего не говоришь о Мари? Ей ты какое место отводишь?

– Самое главное. Она спасет меня.

– Да? Ты хочешь сделать ее официальной фавориткой, что-то вроде этого?

– Вам я не обязан ничего рассказывать.

– Значит, этой милой умной девушке ты отводишь роль содержанки, – не унималась графиня. – И думаешь, что она, как одалиска, будет утешать тебя, когда захочешь? Ах, негодник!

– Я люблю ее, – серьезно сказал Луи.

– Любишь и хочешь подарить ей жизнь шлюхи?

– Перестаньте. Что тут плохого, если иначе нельзя?

– А теперь послушай, что я тебе скажу, ведь я человек опытный и наблюдательный, и уже поэтому стоит прислушаться к моему мнению. Мари, конечно, влюблена в тебя, и ты, ангел мой, знаешь силу своих чар и умеешь ими пользоваться. Но эта девушка не набитая дура и не шлюха. Не сегодня – завтра она, в отличие от тебя, задумается о будущем. И первое, о чем подумает, это о том, что ты ей предложишь. Не думаю, что жизнь фаворитки ее привлекает. Но даже если она и согласится из любви, потеряв голову, жить на содержании, то ненадолго. Я вижу минимум два варианта. Если ты охладеешь к ней, то ее путь будет лежать в монастырь (как у Лавальер). В другом случае она оставит тебя, если найдется человек, который женится на ней. Мари не упустит случая удачно выйти замуж, и ты ничего тут не сделаешь, ведь ты, Луи, не женишься на ней, она же предпочтет быть матерью законных детей, а не бастардов. И еще одно: рано или поздно девочка осознает, что ты неисправимый донжуан, она не переживет твоих измен, как бы ни любила тебя. Вот что я думаю.

Луи сидел неподвижно и мрачно смотрел на графиню. Лицо его покраснелось от возмущения. Он не знал, как опровергнуть все только что сказанное, потому что это прозвучало убедительно. Возразить же было необходимо.

– Вы ничего не знаете, тетя, вы только и думаете, как навредить мне, – выговорил он обиженно.

Элен грустно улыбнулась и ответила:

– Запомни одну вещь, Луи: ни одна женщина в этом мире не понимает и не чувствует тебя так, как я. И ни одна не сможет прощать тебе, как я.

– Вам, сударыня, еще нечего мне прощать, – резко сказал маркиз и вскочил на ноги.

Весь обратный путь он словно воды в рот набрал, и Элен забеспокоилась: юноша явно задумался всерьез, а значит, можно ожидать чего угодно.

* * *

А утром следующего дня юноша явился к родителям для разговора. По решительному виду и непривычно строгому бледному лицу мать догадалась, что сын скажет сейчас невозможное.

Луи говорил, не глядя на родителей, но смело подняв голову. Собственно, сказал он совсем немного:

– Я разрываю помолвку с Леонорой.

Анна замерла от ужаса. Герцог удивленно приподнял бровь. Луи ждал, что сейчас его отругают, но нет, матушка просто глотает воздух, а отец на диво спокоен. Только и спросил:

– Можно ли узнать причину?

– Я женюсь, но на другой девушке.

– Луи, – наконец заговорила мать, – вы отдаете отчет своим словам? Как? Как вы можете разорвать помолвку, когда назначен день свадьбы и все решено? Когда сам король среди приглашенных? Что это вы себе позволяете? Как вам в голову такое пришло?

– А позвольте спросить, на ком же вы женитесь? – оставаясь бесчувственным к эмоциям жены, спросил герцог.

Луи смущенно кашлянул, будто что-то мешало ему говорить.

– Я женюсь на Мари, – тихо произнес он и вздрогнул от возгласа матери.

– А как же обещание, которое вы дали нам и графине? – строго, но все так же спокойно напомнил герцог.

Луи выразительно посмотрел ему в лицо и не выговорил ни слова.

– Лулу, опомнитесь, что вы такое говорите? Жениться на простолюдинке? – вздохнула Анна.

– Она не простолюдинка! – неожиданно выпалил маркиз. – Сейчас, кое-что покажу, – и воодушевленный Луи, молниеносно сорвавшись с места, вылетел из комнаты.

Буквально через минуту юноша с шумом ворвался обратно, неся в руках картину, покрытую материей. Луи сорвал материю и показал холст.

– Вот, смотрите, узнаете?

Герцогиня с любопытством смотрела на изображение молоденькой девушки, кротко улыбавшейся с холста. Герцог бросил заинтересованный взгляд.

– Вы видите, кто это? – не унимался Луи.

– Действительно, она похожа, – с сомнением произнесла герцогиня.

– А платье, вы видите, какое на ней платье? Художник сказал мне, что это дочь какой-то маркизы или графини.

– Вы думаете, что перед нами портрет Мари? – снисходительно спросил Франсуа.

– Я уверен в этом, потому что у меня есть более веские доказательства, – торжествующе заявил юноша.

– Какие же?

– Велите позвать Мари, и сейчас мы все узнаем.

– Хорошо, позовите ее.

Луи нашел слугу и отдал ему поручение, а сам вернулся к родителям.

– Вот увидите, что она совсем не такая, как другие горничные. Я это заметил с первого дня. Ее манеры, а особенно ее речь ясно показывают это. Так может говорить только девушка из общества, я не мог ошибиться.

Вскоре Мари была уже в комнате. Поклонившись, она с тревогой посмотрела на Луи, не зная, зачем ее вызвали.

– Подойди ближе, – спокойно пригласила Анна.

– И посмотри на это, – отходя в сторону от портрета, который он сейчас загораживал, попросил Луи.

Мари увидела картину, и хотя в первый миг в ее глазах отразился мимолетный испуг, затем спокойствие уже не сходило с ее лица.

– Что скажешь? – заинтересованно спросил маркиз, внимательно глядя ей в лицо.

– А что говорить? – оглянувшись на герцогиню, произнесла девушка, – вы хотите знать, нравится ли мне картина?

– Нет, я хочу услышать, узнаешь ли ты ее?

– Не понимаю, – пожав плечами, сказала девушка.

Франсуа с большим интересом следил за обоими.

– Кто же, по-твоему, изображен на картине? – настаивал Луи, уже начиная волноваться.

– Не знаю, сударь, – наивно ответила Мари.

– Я тебя умоляю, не притворяйся. Я знаю, что на этой картине – ты.

– Та девушка младше... – тихо заметила Мари.

– Естественно, два года назад ты была младше. Не упрямясь и рассказывай все по порядку.

Вот тут девушка растерялась, тем более не знала, к чему приведет этот разговор.

– Не заставляй себя долго ждать, – нетерпеливо сказал Луи, – тебе нечего бояться. Рассказывай.

Мари от волнения теребила оборку фартучка и, стараясь не смотреть никому в лицо, начала говорить в пространство:

– Хорошо, я удовлетворю вашу просьбу, но не уверена, что это будет так интересно. Мари – это одно из моих имен. Меня зовут Мари Анриетта д'Анже. Моя мать, действительно, была маркизой, отец – дворянин, но я не знаю его. Я родилась еще до того, как моя мать вышла замуж. Меня воспитывали в монастыре, матушка находила для этого средства, иногда она забирала меня оттуда, чтобы отдохнуть летом в поместье. И портрет был написан как раз в такое время. Год назад мамы не стало, и я оказалась никому не нужна. За меня больше не платили, принять в общество и не думали. Тогда, взяв оставшиеся у меня деньги, я решила попытать счастья в Париже, потому что у себя дома я не осмелилась бы наниматься. У меня не хватило духу остаться, а надежды слишком овладевали мной. Но все оказалось гораздо проще и прозаичнее. Не успела я приехать в Париж, как ко мне подошла одна добрая женщина, расспросила обо всем и предложила свою помощь. Она была так добра и обходительна, что я пошла с ней, потому что ничего вокруг не знала. Эта женщина обещала устроить меня горничной (а я-то надеялась стать гувернанткой). Дальше вы, сударь, знаете...

Луи взволнованно выслушал весь рассказ, не сводя сочувственного взгляда с лица Мари. Да, ее слова звучали неутешительно.

Герцогиня Анна тоже не осталась равнодушной. Она пожалела бедную девушку, но что поделаешь? Помочь ей нечем. Анна только спросила:

– Как звали твою матушку?

– Виктория.

– Кажется, я знаю ее. Когда-то мы встречались. Но это ничего не меняет, Луи. Вы меня понимаете?

Луи взглянул на отца. Тот смотрел равнодушно, явно потеряв интерес к бушевавшим тут страстям.

Крайне взволнованную Мари попросили удалиться, ведь разговор еще не завершен. Как только она исчезла, герцогиня всплеснула руками:

– Это невозможно, невозможно. Луи, вы не понимаете, что творите.

Она бы долго причитала, если бы муж не прервал ее:

– Погодите, сударыня. Вопрос не так сложен, как кажется. И нет никакой трагедии. Наш сын уже взрослый, я прав, Луи?

Юноша кивнул в знак согласия.

– Вот видите? А раз так, то он имеет право принимать решения. Однако, сударь, вы должны считаться с теми, кто вас окружает, и вообще, с существующим порядком. А потому имейте в виду: если вам так хочется, женитесь на вашей избраннице, но, не обессудьте, сделавшись ее супругом, вы перестанете быть моим наследником. Вы свободны: можете идти, куда заблагорассудится, и жениться, на ком угодно. Это ваше право.

– Франсуа!.. – умоляюще проговорила Анна, не зная, к кому броситься: к мужу или к сыну.

Луи, кажется, еще не верил своим ушам. Он загадочно поглядывал на отца, и в глазах его появилось оживление.

– Это правда? Я свободен? – почти шепотом спросил он.

– Как ветер в поле.

– Вы лишаете меня наследства, у меня ничего нет, и я могу идти, куда хочу, и делать, что хочу? – громче проговорил юноша.

Герцог кивнул.

– Перестаньте, прошу вас, – бесполезно возражала Анна.

У Луи от радости перехватило дыхание. Глаза ярко сияли. Нет, он не мог оставаться спокойным. Он издал какой-то победный клич, подпрыгнул чуть ли не к потолку и, рассыпаясь в благодарностях, помчался к Мари, еще не подозревавшей о столь неожиданных переменях.

Герцогиня упрекала тем временем мужа:

– Как вы могли, сударь? Он мальчишка, он не понимает, что творит, он несовершеннолетний и не может решать, но вы-то, вы...

– Напрасно вы так волнуетесь, – отвечал герцог, – я думаю, Луи вернется очень скоро. На что-то ему нужно жить.

– Вернется? Вы плохо его знаете, – проговорила Анна. – Луи слишком горд, чтобы признать себя побежденным.

В эту минуту Луи ворвался к Мари и, едва отдышавшись, бодро сообщил:

– Радость моя, уж теперь-то никто нам не мешает. Теперь мы всегда будем вместе. Мы свободны...

Девушка растеряннo взиpала на него, не зная, что и подумать. А Луи радостно прижал ее к себе, расцеловал и заявил:

– Мы обвенчаемся, никто не возражает.

– Что? Луи, о чем ты говоришь? – озадаченно спросила она, не сводя с него тревожного взгляда.

Он ответил, не глядя в глаза:

– Я только что говорил с родителями. Отец разрешил.

– Этого не может быть, – проговорила она, все больше волнуясь. – Я не верю. Твой отец?.. Он выгнал тебя?

Луи, наконец, остановил взгляд на ней и спокойно сказал:

– Я свободен, я больше не наследник... ну и к черту! Зато я могу идти, куда хочу, делать, что хочу. И первое, что я сделаю, это женюсь на тебе, не сомневайся.

– Но Луи, куда же мы пойдем? Как мы будем жить?

– Послушай, Мари, ты что, боишься? Ты ведь со мной. Неужели я не позабочусь о тебе?

– Ты не знаешь, что такое бедность.

– Я тебя умоляю, – выразительно закатывая глаза к потолку, произнес маркиз. – К твоему сведению, два года назад я удрал из дома. Для начала я решил съездить в Англию. И я добрался до порта, я даже договорился с капитаном одной шхуны: пришлось продать лошадь, чтобы заплатить. – Луи вздохнул. – Но моей мечте не суждено было сбыться. Отец отыскал меня. А как было хорошо!

Мари смотрела на него с особым интересом, ведь она и представить себе не могла, что Луи способен на подобные выходки. То есть она представляла его способным на все, но только не на жизнь бродяги. Он всегда жил в достатке. Вообразить эти руки испачканными дорожной грязью, это излучающее довольство тело подверженным любым невзгодам было невозможно.

– Тебя наказали? – спросила Мари.

– Разумеется. Отец выпорол меня, чтоб больше не бегал, правда, ему понравилось, как удачно я продал лошадь. А потом он привез меня домой, словно в тюрьму. Матушка не отходила от меня, вызвала толпу слуг, врача, о боже... пришлось все терпеть, вспоминать тошно. Так что не бойся, я знаю, что такое нас ждет. Я знаю, что в год не заработаю столько, сколько трачу теперь за месяц. Ну и что? Я дворянин, и если меня не возьмут на службу, я могу давать уроки фехтования в провинции, но, я думаю, возьмут. Ты только верь мне, и все будет хорошо.

– Луи, прости, но я не могу, – вдруг выговорила девушка с грустью. Его предложение так заманчиво, но она еще не потеряла рассудка.

– Что, что? – насторожился он. – Ты не хочешь быть моей женой? Или боишься?

– О нет, Луи. Я не могу допустить, чтобы ты по моей вине лишился всего.

– Чепуха...

– Нет, послушай. Ты – единственный наследник, ты не можешь все бросить и уйти – это безответственно. А о матери ты подумал? Нет, милый, я не в праве встать у тебя на пути. Не проси.

– Мари, – его лицо изменилось. В глазах появился испуг.

– Нет, – твердила она, отворачиваясь.

Луи обнял ее и не переставал уговаривать.

– Пожалуйста, уедем, пока отец не передумал. Вот увидишь, мы устроимся, у нас все будет. Мари, ты не доверяешь мне?

– Слишком большая жертва. Лучше, пока не поздно, покайся и верни себе расположение родителей. Прошу тебя.

– Да ты понимаешь, что говоришь? – он задышался от волнения. – Ты хочешь, чтобы я женился на Леоноре? Ты хочешь, чтобы мы были несчастны? Ты этого хочешь?

Не ответив, Мари вырвалась и бросилась в кабинет маркиза, откуда еще не ушли хозяева.

– Мари, стой, куда ты? – Луи поспешил за ней.

Девушка без оглядки, не останавливаясь, влетела в кабинет и, не замечая крайне изумленных взглядов герцогини и ее мужа, бросилась на колени и взмолилась:

– Умоляю вас, простите; простите, если я стала невольной причиной раздора в вашей семье. Простите вашего сына, он вовсе не желал причинить вам боль. Я взываю к вашей доброте, монсеньор, и к вашей материнской любви, сударыня. Не судите Луи строго. Если я виновна, – наказывайте меня, но не лишайте его прав, принадлежащих ему. Он же единственный ваш наследник, единственный... умоляю...

Из ее глаз текли слезы, вся ее фигура казалась такой беззащитной и хрупкой, что герцог не остался равнодушным, а герцогиня протянула руки и нежно заговорила:

– Встань, дитя мое, встань, подойди.

Луи, насупившись, стоял в дверях, не решаясь пройти дальше. Отец бросил на него строгий взгляд и заметил:

– Ну что, вы еще настаиваете на вашем решении?

Луи беспомощно пожал плечами, жалобно отозвался:

– Вы же видите, что она делает? Вы слышите, что она говорит?

– Ты умница, – сказала Анна, приласкав несчастную девушку.

– Вы ведь не прогоните вашего сына? – спросила Мари.

– Это зависит от него, – пояснил герцог.

Луи оживился, подошел ближе.

– Хорошо, я подчиняюсь вашей воле, если все этого хотят, – произнес он безразлично.

Мари откланялась и тихо вышла. Ей хотелось зарыться головой в подушки и ничего не видеть и не слышать.

А Луи еще раз подтвердил:

– Я подчиняюсь.

– Вот и хорошо, Лулу, – оттаяла герцогиня, обнимая его, бесчувственного сейчас к ласке.

– Это окончательное решение? – спросил герцог.

– Что? – переспросил юноша, успевший забыться.

– Я интересуюсь, окончательное ли это решение: ваше настроение меняется, как погода.

– О да. Я женюсь на Леоноре, как вы того желаете, – он подумал и добавил: – но это не из-за наследства.

Луи, опустив глаза, двинулся к выходу. Он уже ничем не мог заниматься, парализованный всем случившимся. В его мозгу не укладывалось, как Мари могла так поступить? Что движет ею? Поймет ли он когда-нибудь?

Мари не обиделась на отсутствие Луи. Она сама явилась к нему вечером и застала уже в постели. Юноша не спал, продолжая раздумывать о своей незадачливой судьбе. Появление Мари удивило его, ведь она всегда боялась тайных свиданий, но маркиз не возражал и спокойно смотрел на девушку, пока она приближалась.

– Я пришла пожелать тебе покойной ночи, – она присела на край постели.

– Хорошо, – согласился он.

– Ты еще сердишься на меня?

– Нет, я не сержусь. Но ведь и мне было трудно отказать родителям, сказать, что я не женюсь на Леоноре...

– Я знаю.

Он взял ее за руку, даже улыбнулся.

– Я не всегда тебя понимаю, Мари. Но это ничего, это пустяки. Лежу вот и думаю: какой же я осел! Почему умные мысли приходят так поздно?

– Все идет своим чередом, как положено... какие горячие руки...

Они долго смотрели друг на друга, и были счастливы. Мари потянулась к нему, поцеловала. Луи повлек ее под одеяло.

– Я никогда не забуду твои губы, – шептала Мари, будто прощалась.

– Люби меня, хорошая, люби крепче, – отзывался Луи, страстно прижимая к себе и целуя до бесконечности.

Казалось, примирение так естественно, будто и не произошло ничего драматичного. Мари стремилась доказать свою любовь и преданность, Луи ничего не оставалось, как тепло принять ее. Но именно в эти минуты, словно из ничего, возникла совершенно нелепая ситуация, повлекшая за собой если не разрыв, то серьезную размолвку.

Мари не следовало быть слишком доверчивой и откровенной. Но об этом она подумает после.

– Не понимаю тебя, Мари, не понимаю, – вздыхая, проговорил маркиз. – Все так хорошо, а ты мне отказала. Ты что, не веришь мне?

– Верю, Луи.

– Хочешь угодить моим родителям? – спокойно допытывался он.

– Нет.

– Почему ты со мной? – наконец спросил он.

Мари без смущения отвечала:

– Бедный, ты привык, что всем от тебя что-то нужно. Да так оно и есть: кому-то нужна прибавка к жалованью, кому-то подарки, кто-то надеется на повышение. Верно?

Луи нахмурился и сказал:

– Я знаю, чего они хотят от меня; они знают, что нужно мне. Мы хорошо понимаем друг друга. А тебя я не понимаю.

– Да что же тут непонятного? – удивлялась она с улыбкой, – я люблю тебя, Луи, вот и все.

Его ответ прозвучал неожиданно:

– Любишь? Но пойти за меня отказалась.

– Ты должен понимать, что это невозможно, – беспомощно отозвалась Мари.

– Ничего я не должен, – сердито проговорил маркиз. – Я не наивный, как тебе кажется, и знаю, что из себя представляют наши горничные, во всяком случае большинство, – дешевые шлюхи. О тебе я думал иначе, но оказывается, совсем ничего не понимаю. Я думал, ты особенная, Мари, поверил тебе...

Девушка встревожилась, стала сбивчиво объяснять:

– Луи, ты просил невозможного.

– Просто ты не хочешь! – выпалил он. – А чего ты хочешь, Мари? Чего?

– Я ничего у тебя не прошу, – смутилась девушка.

Устремив на нее неприступный взгляд, Луи невыносимо спокойным тоном спросил:

– Тогда позволь узнать, что ты сейчас делаешь в моей постели? Может, позovem кого-нибудь?

Мари невольно замерла на своем месте, не в силах оторвать взгляд от лица юноши. Она вдруг вспомнила тот день, когда Луи впервые поцеловал ее в девичьей. Вспомнила, каким агрессивным он был тогда, как вел себя. Ей сделалось страшно. А что, если он и в самом деле кого-нибудь позовет? Что ему стоит?

Заметив ее испуг и поникший взгляд, маркиз заявил:

– И не нужно обид... Еще неизвестно, кому впору обижаться.

Холодные интонации, холодный взгляд – откуда это взялось? Почему он такой? Чем она вызвала такую реакцию?

Мари не могла после этого остаться.

* * *

Луи загрустил. Его печаль была тем сильнее, чем определеннее он осознавал правоту слов графини. Вот, он же сделал предложение Мари, он рисковал вызвать гнев родителей, он был готов отказаться от наследства ради нее, а она... если она сейчас поступила так, то, пожалуй, Элен права. Еще и последний разговор...

Поникший вид юноши заметили все, и в первую очередь мать. За столом она с тревогой следила за ним и с неудовольствием отметила, что сын почти ничего не ест, рассеян и весь в себе.

Луи тем больше беспокоился, что в голову лезли неприятные мысли. Мари, такая честная, принципиальная. Она его любит, в этом нет сомнений. Но что же она знает о нем такого, чего он не ведаёт? Почему она отказала? Все складывалось удачно. Почему же «нет»?

С такими мыслями, действительно, кусок в горло не лез. И Луи отправился гулять в парк. Это единственное, что немного облегчало его страдания.

Утомившись бродить и не желая возвращаться в дом, Луи устроился в одной из беседок, когда солнце уже скрылось за деревьями. Он сидел, прислонившись головой к деревянной опоре, а мысли уже не бежали, а едва плелись. Ласковое прикосновение было так неожиданно, что Луи вздрогнул и обернулся.

– Не бойся, это я, – проговорила графиня, усаживаясь рядом. – Насилу уговорила Анну не искать тебя.

Луи принял прежнюю позу и сказал сам себе:

– Я чувствую себя скотиной.

– О-о-о, кажется, у нас проснулась совесть? Что же ты скажешь лет через десять?

– Пришли позабавиться? – горько спросил он.

– Нет, милый, – тихо сказала Элен, проведя ладонью по его волосам, – тебе нельзя так долго оставаться в одиночестве.

– Как вы добры, – съязвил он.

– Луи, Анна мне все рассказала. Уверена, ты был великолепен. Я, признаться, не ожидала от тебя таких стремительных поступков. Пожертвовать наследством, будущим, чтобы составить счастье горничной... это потрясает. Я восхищаюсь тобой. И... все же... ты решился нарушить слово, данное матери. Я думала, мать для тебя дороже всего на свете. А моя девочка? Опозорить ее? Луи, ты еще не знаешь себя. И я вовсе тебя не упрекаю. Когда же еще ошибаться, как не в юности?

Он повернулся к ней лицом, смотрел недоверчиво.

– Что это вы, тетя, выступаете, словно на форуме?

– Я так взволнована, Луи...

– С чего бы?

– Я чувствую себя виноватой. Не смейся, но это после нашего разговора в лесу ты решил все перевернуть. Так что я сама чуть не лишила свою дочь жениха.

– Элен, я не желаю верить ни единому вашему слову, – произнес маркиз, – но почему-то вы слишком часто оказываетесь правы. Лучше ничего не говорите, а то я с ума сойду. Если бы вы говорили о хорошем...

Графиня придвинулась ближе и тихо взяла его за руку.

– Луи, я не знаю, что бы ты хотел услышать. Все на самом деле не так уж плохо. Детство кончилось – в этом все дело. Понимаешь, ангел мой? Ребенок многое себе позволяет, но взрослый уже не может безнаказанно чудить. Жизнь не безоблачна. И придется это принять как аксиому. За каждый свой шаг ты будешь нести ответственность...

– Это не ваши слова.

– Ну вот, ты опять осадил меня. Радость моя, ты очень вольно говоришь со мной. Но я не сержусь, мне даже нравится, – она все гладила его по волосам, словно утешая.

Луи совсем развернулся к ней лицом и долго ее разглядывал. В его глазах промелькнуло мучение, затем они засияли особым блеском. Перед ним сидела красивая женщина, ее-то он теперь и разглядывал. Смутное вертелось у него в голове. Хотелось чем-нибудь досадить самоуверенной кокетке. Противоречило этому давно подавленное чувство. Очень велико было очарование Элен, под которое подпал юноша несколько лет назад. Титанических усилий над собой стоило ему забыть безжалостную возлюбленную. Забыть – не то слово. Разве такое забудешь? Может, все его похождения и были средством забвения? Как протекала бы его жизнь, не вмешайся тогда Элен? И, кажется, она первая и пока единственная из старших, кто всерьез видит в нем взрослого, хотя так часто и напоминает ему о его незрелости.

– Я пойду, – тихо произнес маркиз и встал.

– Иди, милый. А я погуляю немного.

Она милостиво улыбнулась, и Луи откланялся.

А ночью графиню ожидал сюрприз. Элен как раз приготовилась ко сну и, отпустив служанку, задержалась перед зеркалом. Она осталась довольна своим отражением: молода и прекрасна.

Стук в дверь.

– Войдите, – отозвалась графиня, думая, что Анна пришла посекретничать.

Каково же было ее удивление, когда в комнату вошел маркиз де Куломье.

– Ангел мой, ты пришел пожелать мне покойной ночи? Как это мило, – идя ему навстречу, ласково говорила Элен, а сама пыталась угадать причину позднего визита.

На вид Луи был спокоен и уверен в себе.

– Да, тетя, я пожелаю вам покойной ночи, только чуть позже, – ответил он и приблизился к алькову.

– Ну... я слушаю, – недоумевала графиня.

Луи тем временем скинул камзол.

– Что это ты делаешь? – удивилась Элен.

– Как что? Раздеваюсь, – преспокойно отозвался маркиз, пытаясь развязать завязки манжет.

– Но... это не твоя спальня, – заметила Элен, еще не зная, какой тон взять.

– Я знаю. Хотя... если подумать, то замок мой, а значит все, что в нем находится, тоже мое.

– Ах, да, я совсем забыла об этом, – шутливо проговорила Элен.

– Да помогите же мне, мадам, – взмолился маркиз, запутавшись в завязочках.

Элен подошла к нему и исполнила просьбу. Луи стянул сорочку, так что графиня невольно окинула взором его обнаженный торс.

– Ты любишь рисковать? – спросила Элен.

– Обожаю.

– Я так и поняла. Прийти сюда в этот час для тебя рискованный поступок, к тому же неосмотрительный.

– Вы до сих пор не поняли, что я делаю только то, что хочу?

– Громкое заявление. Могу себе представить лицо Анны, когда бы она узнала, что ты вытворяешь.

– Я пока не начал ничего вытворять, – предупредил маркиз. – Я хочу спросить у вас, Элен, за что вы так поступили со мной? Почему бросили? Чем я вам не угодил?

– Ах, Луи, милый мой, зачем тревожить прошлое? Все люди ошибаются. И я совершила ошибку.

– То, что было, вы ошибкой называете? – возмутился юноша.

– Нет, ошибкой была моя неосмотрительность. Я допустила твои страдания, о чем сожалею.

– А неосмотрительностью вы называете жестокость?

– Луи, ты слишком много говоришь.

– И в самом деле, я пришел не разговаривать.

– Вот и хорошо.

Элен вдруг испугалась. До сих пор все походило на сложную, опасную игру. И Элен не сомневалась в своих силах. Ей доставляло удовольствие провоцировать юношу, но только теперь, в эту минуту, когда он взял инициативу в свои руки, она ощутила страх и неуверенность. Действительно ли она готова пойти до конца? Не заигралась ли?

По его глазам, а Луи стоял напротив, очень близко, Элен поняла, что шутки кончились. И этот купидон прекрасно знает, чего хочет в эту минуту. Видимо, о разумности своего поступка он подумает позже, да ведь он ясно сказал, что любит риск.

Элен не знала, какая работа происходила в его мозгу все эти дни, но решение было принято. Еще минута, и ничего уже не исправишь. И вот эту-то минуту графиня бездарно проворонила.

Они смотрели друг другу в глаза, и Луи сам подался вперед. Элен отступила на шаг, но маркиз снова надвинулся на нее. Чувствуя, что потеряла контроль над разгоряченным кавалером, графиня уперлась руками в его грудь, но Луи безжалостно подтолкнул ее к кровати, и Элен, не удержавшись, упала на одеяло. Она и не думала, что юноша способен так с ней обращаться, к тому же он оказался неожиданно для нее таким сильным, что запросто мог сломить любое сопротивление. Так нужно ли сопротивляться?

Она знала, что будет хуже, если не сдаться на милость победителю. И Элен сдалась, о чем не пожалела. Почувствовав, что нет необходимости сражаться, Луи одарил графиню такими мастерскими поцелуями, что красotka не чинила больше никаких препятствий.

Элен наслаждалась каждым объятием, каждым поцелуем. Она не разочаровалась и даже была удивлена своеобразным смешением деликатности, нежности и дерзкого натиска, необузданной страсти. А шокировала ее опытность юноши. Это вызвало и небольшую тревогу.

– Бедная малышка Мари, что будет с ней, когда она прозреет? – заметила Элен, когда маркиз собрался уходить.

– Это вас не касается, Элен, запомните. И не вздумайте вмешиваться в мою жизнь.

– Послушай, ангел мой, а ты не боишься, что она родит тебе наследничка?

Он самоуверенно взглянул на графиню и ответил:

– А может, я хочу, чтобы она родила мне сына.

- Ты сошел с ума, милый.
- Я бы предпочел иметь детей от нее, а не от вашей дочери.
- А от меня? Когда-то ты мечтал, – задевала Элен.
- От вас? Если бы вы скинули годков десять, может быть, – съязвил маркиз.
- Грубиян. Ну что, опять помочь с этими завязками?
- Если не трудно.

Элен вновь оказалась возле него. Пока она завязывала манжеты, Луи лез с поцелуями, наконец обнял и принялся страстно целовать.

– Луи, довольно, – она смеялась, – довольно, тебе пора.

– Еще немного, – не унимался маркиз, и вновь его ладони блуждали по ее груди и бедрам.

Элен никак не могла его выставить и поражалась этой стихийной неуправляемости. Теперь она понимала, почему так беспокоится Анна.

Все же маркиз собрался уходить и уже прощался, но напоследок умудрился урвать еще один долгий поцелуй.

Элен была совершенно счастлива и еще не представляла, как действовать в дальнейшем.

После этой ночи графиня не могла видеть маркиза, чтобы не ощутить сладостной дрожи во всем теле. Луи отвечал ей каким-то особо проникновенным взглядом, в котором совсем не чувствовалось желания поиграть. Это был серьезный, глубокий взгляд. К тому же юноша перестал «шалить», как-то поубавилась его безудержная веселость и прыть.

Леонора ничего не замечала, потому что думала только о себе. А маркиз и не пытался ее разочаровать. Родители по-своему толковали перемены в поведении сына. Налет задумчивости на лице возлюбленного Мари приписывала своему отказу выйти за него замуж ценой потери состояния. А Жанна не на шутку встревожилась. Ей представлялось, что Луи, влюбленный в Мари, очень переживает из-за необходимости жениться на Леоноре и нервничает из-за присутствия бывшей своей возлюбленной.

Так все запуталось и назревало что-то нехорошее. Вот-вот грянет гром. А пока еще никто ничего не знает и не подозревает... Никто, кроме Жанны.

Она, конечно, не стала сообщать хозяевам, но с воспитанником своим нашла время поговорить. Знала, что непросто будет, да уж кто-нибудь должен ему сказать.

- Ах, сударь, что же это выходит? Заморочили вы голову честной девушке, а теперь...
- Что теперь? – насторожился маркиз, почувствовав неладное.
- Вот именно – что?

– Жанна, разве ты плохо меня знаешь? Мари дорога мне, я люблю ее, а значит, сам о ней позабочусь, не нужно заводить разговор.

- Любите Мари, а безобразничаете, – с намеком заметила Жанна.
- Не понимаю, – холодно бросил маркиз.
- Все вы понимаете, сударь, уже не дитя.

Луи неожиданно выпалил:

- Да что ты знаешь? Я предложение ей сделал всерьез, а она... она отказала мне.
- Мари – умная девочка, – только и сказала Жанна.
- Умная? – рассердился Луи и принялся ходить взад-вперед. – Я бы женился на ней...

– Вы, сударь мой, нескоро еще образумитесь: не нагулялись еще. И не пара вы, она не вашего круга. Да что тут говорить, когда вы... Мало вам прошлого раза с тетушкой вашей?

– Лучше молчи, Жанна, – в его голосе зазвучала угроза, – я сам разберусь.

– Я-то промолчу, сударь, да кто же вам правду скажет? Вы не обижайтесь на меня. Вот усвоите урок – вам же лучше, а нет – намахаетесь.

Луи промолчал и озадачился. Как это Жанна все о нем узнает?

* * *

Среди прочих чувств Элен испытывала страх, смешанный с восторгом. Ей было интересно и приятно открывать для себя Луи, переставшего быть ребенком. Графиня удивлялась и трепетала от проявлений его физической силы. Затем она отметила, что он ведет себя в сущности по-рыцарски, как бы ни дерзил и ни ломался. Наконец она открыла в нем талантливого любовника, правда, весьма необузданного. Вероятно, он сам еще не умел управлять кипевшими в нем энергиями и даже зависел от них. Элен убеждена, что этого юношу следует еще обучать, прежде чем он достигнет несомненного мастерства и сделается воплощением мечты, и она уверена, что в этом и заключается ее миссия. Луи ничего не знал о планах графини, но позволил себе увлечься. В конце концов, зачем противиться очевидному: она привлекает его как женщина, и с ней он находит так много необходимого для себя, а обязательств, в сущности, никаких.

Ночами происходили опасные встречи, а днем незаметно любовники обменивались только им понятными жестами или взглядами. И когда сияющие глаза маркиза останавливались на лице графини, Элен казалось, будто он прикасается к ней, и становилось тесно в корсете.

Элен не переставала удивляться.

О том, что Луи обладает изрядным аппетитом, она и прежде знала. Что ж, пусть Анна беспокоится об этом, ведь кто, как не она, всегда заботилась о том, чтобы сына кормили как следует.

Однако, что действительно поразило графиню, так это сексуальный аппетит юноши. Сначала она принимала все как забаву и списывала на его юность. Конечно, в нем открылся источник этой неукротимой энергии, что вполне соответствует возрасту.

Потом Элен решила, что всему виной вседозволенность и распушенность. Луи избалован материнской любовью и вниманием красавиц. Ничего не поделаешь, обладатель ангельской внешности волей-неволей привлекает к себе слишком много внимания. И графиня даже забеспокоилась: не переутомился бы юноша. На ее осторожный вопрос он ответил насмешкой и продолжал требовать удовольствий. Возникло ощущение, что его распирает от желания, и он просто заложник своего темперамента. Откуда же в нем все это? У Элен были разные любовники. И молодые, конечно. Однако ни один из них не мог похвастать неутомимостью и готовностью угодить даме в такой степени, как это делал юный маркиз. Элен, безусловно, довольна и всегда готова к удовольствиям, но как же Луи? Не переоценивает ли он себя? Удивительно, но после ночных бдений с графиней маркиз не выглядит сонным или рассеянным, что было бы естественно. С обычной своей энергией носится верхом, фехтует, дурачится. Единственное, что способно заставить его уснуть днем, это плотный обед, но вечером неумная активность возвращается, и родителям нужна незаурядная фантазия, чтобы направить энергию сына в полезное русло.

* * *

Однажды, на верховой прогулке, оказавшись рядом с маркизом, Элен ощутила, как по всему телу прошла дрожь. Это становилось пыткой. Он вопросительно взглянул своими сапфировыми глазами, и графиня чуть не расплакалась от досады. Она подбодрила свою лошадь и, умчавшись вперед, исчезла из виду.

Герцог-отец заволновался: что это с кузиной? Все ли хорошо? Поскольку она не возвращалась, чтобы присоединиться к группе, Франсуа решил ехать вперед, чтобы найти ее.

Луи заверил, что справится с задачей быстрее, потому что знает каждое дерево. Отец позволил.

Маркиз умчался в том же направлении, что и графиня, остальные неторопливо продолжали свой путь.

Луи скоро нашел «беглянку»: съехав с дороги, графиня спешила и стояла у огромного дерева, обнимая его и глядя снизу на покачивающуюся крону. Элен таяла от удовольствия, даже прикрыла глаза. Она опомнилась, лишь почувствовав ласковое прикосновение, повернула голову. Луи стоял за ее спиной и тихо накрыл своими ладонями ее руки. Он смотрел решительно и нежно, едва прикоснулся губами к ее виску.

Элен оторвалась от ствола дерева, и Луи сразу отпустил ее. Она ничего не говорила, просто шла будто без цели.

– Элен, – позвал маркиз.

Она склонила голову в его сторону, остановилась и прямо посмотрела на него.

– Зачем ты преследуешь меня? Я хотела побыть одна.

– Отец волнуется... Элен, как вы прекрасны.

– Ты гнался за мной, чтобы сообщить об этом? – она нервно рассмеялась, останавливаясь возле другого дерева.

– Слова стынут на губах... – проговорил юноша, поедая ее глазами.

Испытывая легкий приступ испуга, Элен оперлась спиной о ствол дерева и взидала на Луи. Он подошел к ней вплотную, прижал руки ладонь к ладони и долго смотрел в глаза.

– Элен, – проговорил он еле слышно, словно это шептали листья на ветру.

– Нас могут застать, – отозвалась графиня, взволнованно дыша.

Луи тихо гладил ее ладони. Элен не отрываясь смотрела ему в глаза. Он поцеловал ее в губы. Графиня ослабела и медленно опустилась на траву возле дерева. Оторвавшись от его губ, она почувствовала, что стало легче и свободнее дышать: ну конечно, он ослабил шнуровку корсажа.

– Ах, Луи, ты погубишь меня...

Но юноша будто не слышал ее и с наслаждением принялся целовать упругие груди. У Элен закружилась голова. Казалось, еще немного, и она лишится чувств, а этот то ли ангел, то ли демон лишь разжигает в ней пламя. Уже стало все равно, застанут их или нет, хотелось лишь утолить неистовое желание, избавиться от сильнейшего напряжения...

– Поедьте, мадам, они уже недалеко, – донесся до Элен его голос.

Луи был готов ехать – только вскочить в седло. Элен огляделась. Она одета: сама не заметила, как успела привести себя в порядок. Ну да, он же помогал.

Она еще раз взглянула на маркиза и поразились: у него такой вид, будто его здесь и не было. И вовсе не он поверг ее в пучину страсти и не он несколько минут назад обладал ею.

– Что вы так смотрите, графиня? – серьезно спросил он. – Пора ехать.

Он помог ей сесть в седло и сам оказался на коне.

– Луи, – пробормотала она.

Он посмотрел.

– Следует быть осторожными.

– Я только исполняю ваши желания, мадам, – ответил юноша.

– Я вовсе не желаю, чтобы ты надорвался...

Он рассмеялся и заметил:

– Вы хотите того же, чего и я. Желания наши совпадают, и ночью мы продолжим беседу.

– Безумец.

– За меня не беспокойтесь, тетя, – съязвил он, выезжая на дорогу.

* * *

На охоту выехали с дамами. Царило непринужденное веселье, то и дело слышались комплименты и шутки.

На привале успели не только отдохнуть и перекусить, но и насладиться импровизированным концертом. Луи предусмотрительно захватил с собой гитару: к недоумению матери, считавшей этот инструмент слишком резким в сравнении с лютней, и к удивлению графини, не успевавшей делать новые открытия в своем юном обожателе.

Ничуть не смущаясь присутствием родителей и гостей, маркиз притулился с гитарой в стороне от компании и довольно долго наигрывал разнообразные мелодии, переходя от них к выразительным аккордовым пассажам и вновь возвращаясь к мелодиям.

Его не беспокоили, но многие на самом деле с удовольствием слушали. Так продолжалось до тех пор, пока Элен не попросила юношу спеть. Она все никак не могла привыкнуть к тому, что некогда чистейшее детское сопрано преобразовалось в замечательный тенор, который требовалось еще оттачивать.

Луи охотно согласился петь, хотя и метнул на графиню один из тех взглядов, которые обещали сюрприз. Без остановки маркиз исполнил сразу несколько песен, неизменно вызывая восторг у слушателей. Элен, между тем, не уставала рассматривать его. На охоту Луи оделся неброско, но в добротные кожаные вещи: и кожаная веста,³ и кожаные штаны, и, само собой, кожаные ботфорты; перчатки и кожаный кафтан сейчас были сняты, только белая сорочка была из тонкой голландской ткани.

Эту страсть к хорошим, красивым, но очень дорогим рубашкам с трудом терпел отец и старался ограничивать сына. Но все без толку: Луи, как какая-нибудь капризная принцесса, неохотно носил сорочки из более грубого полотна, да еще менял их по несколько раз в день. Он даже соглашался урезать траты на верхнюю одежду, на носовые платки и на карманные расходы, лишь бы носить чудесные сорочки, прихотливо отделанные кружевом.

Солнышко, скользившее своими лучами по фигуре юноши, заставило отливать золотом его белокурую шевелюру, и Элен любовалась.

Сюрпризом для нее оказалась песня в диапазоне меццо-сопрано. И слова... слова с таким неприкрытым намеком на прошлое, что графиня невольно смутилась. Но никто, к счастью, этого не заметил и не понял намеков.

Франсуа не мог не признать выдающихся способностей сына, но его очень смутила эта песня, исполненная в диапазоне меццо-сопрано. Голос – чудо, но...

– Стоило ли петь женским голосом? – спросил герцог после выступления.

Луи устремил на него недоуменный, почти негодующий взгляд и убежденно ответил:

– Эту песню нельзя петь иначе...

– Почему же?

– Разве вы не понимаете? – горячился юноша. – Она исполняется *так*, и только так.

Герцог не стал спорить. Он не любил чрезмерного увлечения искусствами у своего отпрыска, но деваться некуда. При всей своей бесцеремонности, при «умении» выглядеть пошлым и дерзким до наглости, Луи обладал поразительной восприимчивостью красоты. Бывая в театре или на концертах, он служил своеобразным индикатором. Если на сцене демонстрировали что-нибудь стоящее, Луи словно растворялся. Все его существо устремлялось в другой мир. Он сидел неподвижно и, казалось, впитывал всеми фибрами. Но если произведение не отличалось особыми достоинствами, Луи становился похож на чертенка

³ Веста – короткая куртка с рукавами до локтей.

и за вечер утомлял своих родителей чрезмерной активностью. Его то и дело нужно было урезонивать, а разговор о приличиях был для него своего рода красной тряпкой.

– А все же, зачем? – спросила Элен у юноши, отходя вслед за ним от компании.

– Что? – не понял маркиз.

– Петь в женском диапазоне, – уточнила графиня.

– Я ведь доходчиво объяснил – эту песню нужно петь так, – нервничал он.

– Не все мужчины могут так петь, – пожала плечами Элен.

– Я не все, – просто сказал Луи и с вызовом посмотрел ей в лицо. Элен отвела взгляд и заметила со вздохом:

– Сколько же еще сердец ты разобьешь...

И услышала:

– Мне хватило бы одного – вашего, мадам... но, кажется, я что-то упускаю из виду.

Луи сам отошел, и она не рискнула быть навязчивой. Но смятение не оставляло ее, и графиня поинтересовалась у вовремя подвернувшегося виконта:

– Вы тоже считаете, что эту песню нужно исполнять женским голосом?

Люсьен не ожидал вопроса, но не мог не ответить.

– Я не так хорошо разбираюсь в изящных искусствах, как маркиз, – скромно заметил юноша. – По-моему, у него безупречный вкус и не поддающаяся разумному объяснению чувствительность.

– Но вы как относитесь к тому, что услышали? – настаивала графиня.

– Я не уверен, что вообще мужчинам нужно так петь, хотя многие находят в этом удовольствие. Тут удивительно другое, сударыня: Луи обладает красивым тенором и при этом способен мастерски петь и в другом диапазоне. И если он сказал, что так надо, значит он так чувствует. Во всяком случае это было красиво и трогательно.

* * *

Когда маркиз предложил графине совершить прогулку в город, она не отказалась. Но в городе они были недолго и поехали в лес.

Элен было бы трудно найти более предупредительного поклонника, чем маркиз. Они добрались до той самой поляны и пустили лошадей пастись, а сами устроили привал. Луи, недолго думая, устроился головой на коленях графини, так что она могла смотреть в его сияющие глаза, целовать в губы и ласкать плечи и грудь, что Элен с удовольствием и делала. Маркиз блаженствовал и требовал ласки. В эти минуты он не помнил о Мари, потому что графиня доставляла ему куда больше наслаждения, и он почему-то шел на поводу у своих необузданных желаний. И не права ли Элен: зачем мучить честную девушку, которая никогда не поймет его непостоянного нрава, если рядом есть женщина, знающая и способная не обращать на это внимания. На самом деле маркиз совершенно запутался. И уже плохо различал грань между любовью и влюбленностью, между добродетелью и пороком, между наслаждением и распущенностью. В нем бушевали неведомые стихии, рабом которых он сделался. А Элен, чувствуя угрозу, все еще недопонимала, как опасна ее безответственность. Сегодня она наслаждалась юностью, энергией, живостью Луи, его дерзостью, его божественным телом, его ангельским лицом, чувственными губами и прекраснейшими глазами. И не думала, что уже очень скоро он может превратиться в циничного сладострастника, стареющего, жиреющего, немощного и, кто знает, страдающего гадкими болезнями. Как же ей не знать, что все идет к тому? Но она молчит и украдкой наслаждается, уводя юношу дальше от прямой дорожки.

Правда, маркиз устроил прогулку не только ради удовольствия. То, что он сказал графине на обратном пути, заставило ее всерьез обдумать создавшееся положение.

Без шуток, улыбок и прочих нежностей Луи весьма церемонно заявил:

– Полагаю, мадам, что теперь, в создавшихся обстоятельствах (ну, вы меня понимаете) я не могу жениться на вашей дочери.

– Можно узнать, почему? – дружелюбно спросила графиня.

– Насколько мне известно, мужчина не может жениться на дочери своей любовницы, – серьезно ответил маркиз.

– Но Луи... – Элен даже растерялась, однако сразу взяла себя в руки. – Луи, это не так существенно, потому что ты не был моим любовником прежде, да и возраст твой... Так что же? Ты нарочно все это затеял? – в ее голосе зазвучало негодование.

– Зачем же так? Мне далеко до вашего коварства.

– Нет, ты должен мне ответить. Что происходит? Что за игра такая? Или ты решил мне отомстить?

– Чтобы отомстить, нужно сильно ненавидеть, а я не могу вас ненавидеть, Элен, потому что желаю вас, или это вызывает сомнения?

– Тогда не говори глупости, маленький развратник. Ваша свадьба с Леонорой дело решенное.

– Но ведь она мне родственница...

– Луи, этот вопрос уже никого не волнует. Есть все договоренности и нужные разрешения. Какая муха тебя укусила?

– Не понимаю, почему я должен жениться на вашей дочери?

– Можно подумать, у тебя есть иные кандидатуры, ну, кроме твоей горничной.

– Я могу жениться на вас, – просто ответил маркиз.

Элен удивленно взглянула на него, пытаясь понять, не шутит ли.

– Хочешь всех позабавить? – на всякий случай спросила она.

– Не вижу ничего забавного.

– А почему я? – стало любопытно графине.

– Может, я люблю вас? – предположил маркиз.

– У меня есть основания тебе не верить.

– Очень жаль.

– Ты что, готов рассказать всем правду?

– Только скажите, Элен, и вы увидите доказательства.

Графине опять сделалось страшно. Стихийное развитие событий не устраивало ее, да и не собиралась она заходить так далеко, поэтому строго сказала:

– Ты женишься на Леоноре – это не обсуждается.

* * *

Разумеется, Мари ничего не знала о похождениях Луи, а то внимание, которое он расточал Леоноре, принимала как вынужденную необходимость. И это заставляло ее задуматься о будущем. Луи, конечно, женится, у него будет семья, появятся новые заботы. И Мари не могла представить себя рядом с ним. Она не захочет разрушать семью, она не понимает, как можно сделаться тайной подругой. Нет, Мари не из таких. В ее сознании нет места обману, лжи и бесстыдству. Но что же делать? Она любит его и не имеет сил так просто отказаться от любви. А тут еще подозрительные взгляды Элен и надменность Леоноры. Эти женщины, кажется, кое-что знают.

Однажды Мари приводила в порядок кабинет маркиза. Работа спорилась, душа пела. Вдруг появилась Леонора. Она гордо прошла в комнату и, увидев горничную, окинула ее недовольным взглядом.

– Что ты здесь делаешь?

- Убираю... по приказу его светлости, – спокойно ответила Мари.
- Не можешь ли ты убрать в другое время? – язвительно спросила Леонора.
- Нужно спросить разрешение маркиза...
- Считай, что ты его получила.

Мари, может быть, и ушла бы, но презрительный тон оскорбил ее. Девушка, устремив взгляд прямо в лицо Леоноре, все тем же спокойным тоном ответила:

– Когда вы станете маркизой, клянусь, я и слова не скажу вам поперек, но сейчас у меня один господин, и только он имеет право приказывать мне.

– Когда я стану маркизой де Куломье, – гневно проговорила Леонора, – то твоего духу не будет в моем доме, нахалка! Или, думаешь, я не знаю, с чего это ты нос задираешь?

Леонора была готова наговорить кучу любезностей, но не успела, потому что в кабинет вошел маркиз. По лицам и позам девушек он понял, что здесь произошел интересный разговор.

- Надеюсь, вам без меня не было скучно, – сказал он, улыбаясь.
- Да, нам было очень весело, сударь, – проговорила Леонора, поглядывая на Мари.
- Луи подошел к горничной и мягко сказал:
- Мари, ты можешь быть свободна. Девушка, поклонившись, безропотно удалилась.
- Вы всегда так любезны с горничными? – тут же спросила Леонора.
- Обычно, – все улыбался юноша.
- Но ее вы любите больше остальных, не так ли?

Луи ничуть не смутился и все так же ответил:

- Чем же вам не нравится эта очаровательная девушка?
- Уже тем, что она очаровательна.
- Ну, не сердитесь, сударыня, вам это не идет. Разве я не говорил вам, что вы самая обворожительная девушка, которую я видел когда-либо?

– Неужели? – притворно произнесла Леонора и добавила: – О, Луи, признайтесь, вы готовы сказать это каждой.

– Но не сейчас, – и он тут же поцеловал ее. Леонора моментально все забыла и была готова исполнить все его желания, но Луи вдруг сказал:

– К сожалению, я не могу остаться более с вами. Я должен идти к матушке. Но потом мы обязательно встретимся: я найду вас.

– Матушка простит вас, если вы придете чуть позже, – капризно заявила Леонора, не желая терять возможности развлечься.

– Нет, милая, я всегда держу слово, данное матушке, и даже вы, моя прелестница, не заставите меня его нарушить, – Луи подарил воздушный поцелуй и исчез за дверью, вполне доверяя свой кабинет будущей жене.

Луи с детства питал к матери самые нежные чувства. Внешне он был очень похож на нее и гордился этим. Став юношей, Луи понимал, что многие заботы матери теперь излишни, пытался бороться с ними, но все равно оставался под ее контролем.

Когда Луи вошел в комнату, герцогиня сидела на диване и занималась своим любимым делом – вышивала. Юноша учтиво приветствовал мать. Анна ласково улыбнулась, ее светлые глаза радостно засияли.

– Сядьте рядом со мной, Лулу, – сказала она приятным бархатным голосом.

Луи устроился около нее. Герцогиня окинула его таким взглядом, будто целую вечность не видела, потом спокойно начала:

– Я позвала вас для того, чтобы обговорить кое-какие вещи, на мой взгляд, очень важные для вашего будущего. Я слышала о вас очень много за эти дни и хочу выяснить, стоит ли верить слухам.

– Каким слухам? – с любопытством спросил юноша, взглянул в глаза матери, но почувствовал, как кровь прилила к лицу.

– Вот видите, – спокойно сказала герцогиня, – мне все ясно. Но вам, дитя мое, следует серьезно задуматься о будущем. Очень скоро вы женитесь и, согласитесь, нельзя быть легкомысленным накануне свадьбы. Сами подумайте, не слишком ли много чести вы оказываете горничной? Горничная для вас не более, чем пылинка. Вы смотрите на звезды, а не на пылинки. Только они достойны вашего внимания. Впрочем, сейчас вы должны уделять внимание исключительно вашей невесте.

– Но разве я уделяю ей мало внимания? – удивился маркиз.

– Забудьте своих горничных, крестьянок, служанок, оставьте эти шалости...

– Чтобы похоронить себя в келье брака? – не удержался Луи.

Анна растерялась на минуту, но затем с упреком сказала:

– Вы не должны так думать, Лулу. Я не знаю, каким будет ваш брак, надеюсь, счастливым. Но сейчас вы обязаны соблюдать приличия. Вам ясно?

– Ясно, матушка, – вздохнул маркиз. – Только объясните, почему я должен жениться именно теперь?

– В вашем возрасте все не желают вступать в брак.

– Вот я и говорю об этом.

– Пока мы с отцом живы, наш долг – устроить вашу судьбу, а лучшей партии для вас нет. Постарайтесь это понять.

– Хорошо, матушка. Ради вас я постараюсь, – послушно проговорил Луи.

– Я рада и прошу вас, будьте осторожны, ангел мой. Не бегайте сломя голову по галереям: там скользкие полы. Не вздумайте кататься по перилам – вы уже не маленький...

– Я бы с удовольствием, матушка, ноги сами несут меня.

– Иди, иди, плутишка, – улыбнулась герцогиня, – вижу, не сидится тебе со мной.

Луи поцеловал руки матери и, попрощавшись, ушел. Он вылетел из комнаты и, энергично шагая, направился по галерее. Нигде не найдя Леонору, он осведомился о ней у дворецкого. Оказывается, Леонора поехала кататься верхом, да еще не одна, а с виконтом. Луи немного удивился, впрочем, это известие его мало встревожило, потому что он знал Люсьена как свои пять пальцев. Да, но ведь Леонора – другое дело. И все же Луи не расстроился и медленно побрел к себе, не желая скакать вдогонку, хотя в первый момент у него появилось именно такое желание.

Видно, богу было угодно, чтобы его светлость еще раз встретился с Мари. Юноша, не спеша и вздыхая, шел по галерее, по которой он недавно бежал быстрее ветра в поле. Мимо него прошла какая-то фигура, точно тень. Возможно, Луи и не заметил бы ее, если бы тень не вздохнула. Юноша вздрогнул и обернулся. Он тут же узнал горничную.

– Эй, – тихо позвал он, но ответа не получил.

Маркиз бросился к девушке и остановил ее.

– Ты что молчишь? – спросил он.

Мари стояла с опущенной головой, тогда Луи присел, чтобы заглянуть в ее лицо.

– А почему у нас слезы? – задорно спросил он, делаясь вновь веселым. – Неужели ты все еще дуешься на меня? Будет... ничего ужасного не случилось.

Мари медленно подняла на него глаза, полные самых горьких слез, и не смогла ответить. Ее губы задрожали, а слезы покатались по щекам.

Луи, ровным счетом ничего не понимая, взял ее за руку и повел в свой кабинет. Девушка не сопротивлялась, но за всю дорогу не проронила ни слова, хотя маркиз и пытался выяснить причину ее страданий.

Оказавшись у себя, Луи усадил Мари в кресло и в очередной раз спросил:

– Да что случилось-то? Какого черта ты разводишь сырость?

Мари, мужественно удерживая слезы, вытерла глаза платочком и едва слышно проговорила:

– Обещайте, что будете искренни со мной...

– Не понимаю, о чем это ты.

– Вы будете откровенны? – настаивала Мари.

– Хотя и не знаю, в чем дело, но обещаю, уж больно не нравится мне такое предисловие.

Не сводя с него пристального взгляда, Мари продолжала:

– Это правда, сударь, что вы разыгрывали влюбленного, чтобы в пьесе все выглядело натурально?

– Мари... – опешил маркиз, – что ты говоришь? Что за бред?

– Ответьте мне, сударь. Вы нарочно все подстроили? Вы играли со мной?

– Откуда такие мысли, душа моя? Пьеса давно сыграна, а мы все равно вместе. О чем речь?

– Луи, я хочу, чтобы вы сказали правду. Я поверила вашим словам. Неужто они ничего не значили, а были только средством добиться меня? Скажите мне, я умоляю.

– Ну, во-первых, откуда появились эти мысли? Еще полчаса назад я не замечал в твоих глазах ни капли отчаяния, и что я вижу теперь?

– Хорошо, если вы хотите, я скажу, но вам не будет это приятно.

– Говори же, я должен знать...

– Леонора мне сказала. А ей это известно только от вас.

– Это она так сказала? – удивился Луи.

– Да.

– И ты, конечно, поверила всем ее словам. О, женщины!

– Я хочу знать правду. Говорили вы так или нет?

Луи стал нервничать. Он заходил по комнате, подошел к столу, схватил перо, повертел его в руках и бросил. Затем решительно заговорил:

– Абсолютно не имеет значения, что и кому я говорил, важно лишь то, что мы чувствуем. А это, надеюсь, не вызывает сомнений?

– Значит, она сказала правду? – с ужасом прошептала Мари.

– Ну, и что с того? – серьезно спросил маркиз, прямо глядя на несчастную девушку.

– И ваши слова о любви, которые вы произнесли в тот вечер, лишь игра?

Луи сел напротив, тяжело вздохнул:

– Не знаю, милая. В тот вечер я говорил то, что чувствую. Прошло время, и я не знаю, когда был еще так счастлив, как с тобой.

– Со мной?! – негодовала Мари, наградив его гневным взглядом. Луи решительно не понимал, что творится.

– Почему такой тон? – все же спросил он.

– Неужто Леонора не составляет нового вашего увлечения?

– Что такое? Ты что же, ревнуешь меня к будущей жене?

– Вы еще не женаты, сударь...

– Ну и что? Между прочим, тебя это не касается.

– Простите, – подавленно проговорила она.

Луи вдруг сорвался с места, оказался у ее ног и быстро заговорил:

– Послушай, это все глупости. Леонора и взгляда твоего не стоит. Но ты – совсем другое. Ты любишь меня, я знаю это, Леоноре же я не нужен, да и она мне тоже не нужна. На что ты сердишься?

– На ваше легкомыслие, – понуро говорила Мари.

– Ну и зря. Если ты захочешь развлечься, я не буду мешать, но если только развлечься, не больше...

– Вы с ума сошли! – она резко встала и направилась к двери.

– Возможно, – согласился Луи, – а лучше тебе не развлекаться, потому что первого, кто подойдет к тебе, я проткну шпагой.

Мари обернулась и вызывающе воскликнула:

– Не слишком ли много вы берете на себя, ваша светлость!

– Да, проткну шпагой, потому что ты моя, – отчеканил он, сверкая глазами.

Мари выскользнула из комнаты, обронив лишь одно слово:

– Была...

Маркиз, не зная, куда деть свою ярость, хватил изо всей силы кулаком по столу и совсем не почувствовал при этом боли.

Он не выходил из кабинета до тех пор, пока не вернулись с прогулки Леонора и Люсьен. Виконт сразу увидел, что друг не в духе, и принял это на свой счет. Когда Леонора ушла переодеваться, Люсьен сказал:

– Не сердитесь, Луи. Она так просила, что я не решился отказать.

– Ну и правильно сделали, – буркнул маркиз.

– Что-нибудь не так? – не понял виконт.

– Все так, дружище. Потом как-нибудь скажу. Сейчас не до того, – и Луи, как одержимый, поплелся в парк.

Леонора, не застав маркиза, осведомилась о нем у виконта. Люсьен показал ей, куда тот ушел, и предупредил, что Луи в дурном настроении. Но Леонора была уверена, что сможет улучшить любое настроение, и смело отправилась в парк. Она вскоре разыскала Луи, сидевшего в траве, и лицо его было неузнаваемо мрачным.

– Вы сердитесь на то, что я избрала своим спутником виконта? – подойдя, нежно проговорила девушка.

Луи только взглянул.

– Могу вас уверить, что ваш друг соблюдал все приличия. Вы можете им гордиться, – она села рядом с ним и тихонько взяла за руку.

Луи вдруг заговорил:

– Вы могли бы поучиться у Люсьена благовоспитанности.

– Вы так обижены? – растерялась Леонора.

– Да, но вовсе не на вашу дурацкую затею гулять с моим другом.

– О, боже, что за тон? – вознегодовала Леонора.

– Хватит притворяться. Зачем вы наговорили моей горничной на меня?

Леонора едва заметно усмехнулась:

– Она уже нажаловалась, стало быть? Почему же я наговорила? Я сказала ей только то, что вы мне сказали. Вы сами уверяли меня, что развлекаетесь с ней.

– Это не повод всем рассказывать об этом! – сердился маркиз. – Вы ревнуете к ней? Это странно.

– И вовсе не ревную. Но эта нахалка слишком воображает. Она думает, что если удостоилась чести быть любовницей знатного дворянина, то может командовать в доме. И не стыдно вам, сударь, так открыто развлекаться с чернью, да еще перед свадьбой? Я все-таки ваша невеста, а вы... – она сделала обиженное лицо. – Да если бы не воля матери, я бы не вышла замуж за такого развратника!

– Что ж, еще не поздно расторгнуть помолвку.

– Наглец!

Луи не ответил. А Леонора, которая хотела встать и уйти, вдруг вспомнила, что выходит замуж не за развратника, а за его поместья и доходы. Это обстоятельство заставило ее остаться и, придав своему лицу самое трогательное выражение, приласкаться к обозленному маркизу.

– Ну, хватит дуться, давайте останемся друзьями. Погорячились, и будет. – Она даже поцеловала его в щеку.

Луи мрачно посмотрел на нее.

Леонора же решила не останавливаться на достигнутом и добилась, чтобы маркиз откликнулся на ее ласку. И когда забывшийся юноша недвусмысленно обнимал и целовал свою невесту, вдруг явилась графиня.

Последовала сцена, но не ревности, а возмущения: как, как он посмел до свадьбы соблазнить невинную девочку? В то время девочка неожиданно заявила, что маркиз пытался силой овладеть ею, что вызвало еще больший гнев Элен. И не успел юноша осознать, что на самом деле творится и как себя вести, графиня устремилась в замок. Свою беспутную дочь она повела за собой. А Луи пытался их остановить. Он, разумеется, не смолчал и сказал графине, что Леонора нагло врет, но лишь удостоился презрительного взгляда.

16. Раскаяние

Луи стоял посреди комнаты с опущенной головой. Он понял, что отец сейчас скажет что-то ужасное. Анна сидела в кресле и, с волнением глядя то на мужа, то на сына, ожидала объяснений, зачем ее позвали. Мари, ничего не понимая, стояла чуть поодаль. Она мучилась догадками, ведь сам герцог пригласил ее сюда. А на диване с видом несчастных жертв сидели Элен и ее дочь.

– Я позвал вас затем, чтобы открыть ваши глаза на некоторые вещи. Я бы мог сделать это прежде, но мне не хотелось расстраивать вас, сударыня, – обратился герцог к супруге. – Я полагал, что Луи изменит свое поведение, но, увы, этого не произошло. Поскольку он уже взрослый человек, я скажу, что есть.

Герцогиня заволновалась, но ничего не сказала. Герцог продолжал:

– Итак, сударыня, наш сын давно уже не мальчик, как вы без конца твердите. Он давно не дитя, о котором нужно заботиться, как о неразумном птенце. Луи прекрасно осознает, что делает, и давно живет взрослой жизнью. Он на диво быстро усвоил ее соблазны и с радостью наслаждается всем, что может ему позволить его молодость. Я никогда не вмешивался в его личные дела, но он ведет распутную жизнь совершенно открыто. Это же нескромно, сын мой, тем более теперь, когда речь идет о свадьбе. Что вы сделаете в жизни, если сожжете свою молодость, свое здоровье за несколько лет? Какое потомство вы дадите? Вот, сударыня, полюбуйте, чем оборачивается неумеренная забота. Перед вами достойный плод вашего воспитания.

Герцогиня со слезами на глазах смотрела на сына, который не знал, куда провалиться. Ему было до невозможности стыдно перед матерью. Разве он мог признаться ей в своих грехах? Разве она вынесла бы эти признания? Она так нежно любила своего Лулу и никогда бы не думала о нем так, как ее супруг. Конечно, она понимала, что Луи не невинный ребенок, но согласиться с тем, что он один из этой гнусной армии любителей наслаждений...

– Кроме того, Луи посещает весьма сомнительные заведения, – добавил герцог очень мрачно, – и, наконец, я должен сказать о том, что переполнило чашу моего терпения. Должно быть, стремление к развлечениям до такой степени помрачило разум нашего сына, что он отважился на поистине чудовищные поступки. Он пытался принудить свою будущую жену к сожительству и обходился с ней очень грубо. Обесчестить свою невесту до свадьбы, вероятно, в его глазах является геройским поступком. Но это не все. Он оказался способен и на гнуснейшую вещь. Вы не поверите, сударыня, Луи домогался любви своей тети. Это уже переходит все границы.

Луи мрачно покосился на Элен, но та сделала вид, что не заметила этого взгляда.

После краткого жуткого молчания герцогиня едва слышно проговорила:

– Нет... это неправда. Лулу, скажи, это неправда...

Луи, чрезвычайно смущенный последним обвинением, приблизился к матери и, опустившись на колени, не своим голосом сказал:

– Это правда, матушка. Все до последнего слова... Простите меня, ради бога. Я приношу вам одни страдания...

У него самого в глазах стояли слезы, а лицо давно покраснело от стыда.

Герцогиня ничего не ответила. Она встала и, прижимая платок к глазам, беззвучно удалилась.

Мари стояла как в оцепенении, ничего не видя перед собой. Элен и Леонора ничуть не изменились. Луи остался на полу. Он сокрушенно взялся за голову и тихо пробормотал:

– Я недостойн ее... – Потом, будто опомнившись, повернулся к отцу:

– Зачем, зачем вы так? Что будет с ней?

– Вы сами виноваты, сударь, – строго сказал герцог и обратился к Мари:

– Ты не первая и, верно, не последняя жертва этого донжуана. Однако твое поведение оставляет желать лучшего. Если собственный ум не подсказал тебе границ приличий, то мы подскажем. Я считаю, что после всего, что произошло здесь, ты не можешь оставаться у нас на службе и должна покинуть наш дом, как только мы вернемся в Париж. Можешь идти.

Мари, едва живая, поклонилась и вышла.

Луи встал на ноги и невменияемо заходил по комнате, наконец, остановился и произнес:

– Отец, это жестоко.

Герцог не отвечал. Луи метнул дикий взгляд на «несчастные жертвы» и потребовал:

– Да скажите же хоть слово! Леонора, я ведь ничего вам не сделал. Герцог удивленно взглянул на него, потому что минуту назад Луи подтвердил все обвинения в свой адрес.

– Все уже сказано, сударь, – смиренно проговорила Элен, – или мне вы тоже ничего не сделали? – и, взяв под руку дочку, пошла прочь.

Юноша в отчаянии посмотрел им вслед.

– Делайте выводы, сударь, – сурово сказал отец, – вы недопустимо ведете себя, особенно по отношению к графине. И будь вы человеком посторонним, мы бы не так и не здесь с вами говорили.

Герцог тоже покинул комнату.

Луи, как потерянный, долго стоял на одном месте, не чувствуя, как по щекам сами собой катятся слезы. Он еще не знал, что предпринять, к кому пойти и что сказать. В сердце кипела ненависть к Элен и Леоноре, праздновавшим свою победу, а воспоминание о растерянно-беспомощном лице матери лишало его способности думать. Лицо горело, ноги и руки были ватными, словно чужими. Перед глазами стоял туман.

Немного придя в себя, Луи вышел из комнаты и побрел по галерее. Вдруг он увидел Мари. Она шла навстречу, бледная, холодная, но без малейших следов слез. Заметив маркиза, она опустила глаза и хотела пройти мимо, но он преградил ей дорогу.

– Чего вы от меня хотите? – отстраненно спросила она.

– Ты веришь тому, что сказал отец? – беспомощно произнес Луи.

– Разве вы сами не подтвердили это?

– Я соврал.

– Знаете, что я вам скажу? Вы такой хороший артист, что трудно понять, когда вы сочиняете, а когда говорите правду.

– Ты должна чувствовать...

– Я не желаю ничего чувствовать. Вы слышали, что сказал ваш отец относительно меня? Радуйтесь, я не буду вам больше мешать развлекаться. Вы никогда не услышите моих упреков. И знаете, я кое-что поняла: раньше я была слепой, но теперь, сегодня, вдруг увидела все в истинном свете. Вы всю жизнь играете. У вас много ролей, и вы блестяще исполняете их. А я-то верила вам, хоть меня и предупреждали. Я верила только вам, а теперь вижу, что ни одно ваше слово нельзя принимать всерьез...

– Ну и дура, – оборвал ее Луи и поплелся дальше.

Мари, сперва обидевшись, невольно задумалась. Это была не простая грубость, в этом раздражении звучали разочарование и отчаяние последней надежды.

* * *

Луи тем временем велел слуге отнести в свою любимую беседку бутылку вина. Когда же он добрался до тихого уголка, где рассчитывал в одиночестве «отвлечься» от неприятностей, так внезапно свалившихся на его голову, то встретил там тетю. Элен спокойно сидела на мягкой скамье и пробовала вино из рюмки.

– Что вы здесь делаете? – недоуменно спросил маркиз и вызывающе уставился на женщину.

– Жду тебя, милый. Ты, похоже, решил напиться с горя?

– Это вас не касается. Уйдите и не мешайте мне.

– О, кажется, Леонора была права: ты порядочный грубиян, а я еще верить не хотела. Луи взорвался:

– Что вы притворяетесь? Я пальцем ее не тронул!

– Выходит, она лжет? Для чего?

– Я не знаю, – беспомощно проговорил юноша, – откуда мне знать? Она такая же, как и вы.

– А я знаю, Луи, знаю: ты пытался нарушить обещание жениться на ней, а этого не следовало делать. Девочка, должно быть, испугалась...

– Что? Это же вы... это вы все подстроили, – осенило маркиза.

– У тебя есть доказательства?

Луи, не обращая внимания, уселся и, взяв открытую бутылку, принялся пить прямо с горлышка.

– Если отец узнает, что ты напился, будет еще хуже, Луи. Уж на этот раз послушай меня.

– Вы уйдете сегодня или нет?! – возмутился маркиз.

– Придется, милый, а жаль... мы могли бы еще договориться и стать друзьями.

– Я не дружу с фуриями.

– Напрасно, – проговорила Элен и вышла из беседки.

Луи выпил почти всю бутылку, но тут у него закружилась голова и глаза стали непреодолимо слипаться. Стало так жарко и душно, что он, наконец, поставил бутылку на пол и, ослабев, улегся на лавку. Он бы с радостью снял рубашку, но сил его хватило лишь для того, чтобы развязать ворот. А потом он совсем забылся.

* * *

Первое, что увидел Луи, были лучи заходящего солнца, пробивающиеся сквозь листву и бьющие ему прямо в глаза. Он с трудом приподнялся и почувствовал себя совершенно обессиленным, а голова так страшно болела, что в глазах сперва потемнело. Юноша все же сел. Вечерний ветерок обдал своей прохладой, и стало на мгновение хорошо, но потом тяжесть во всем теле заставила уронить голову на руки. Луи увидел на полу пустую бутылку и едва вспомнил, как и когда пришел сюда. Наверное, прошло несколько часов. Просидев еще довольно долго в беседке, он, наконец, собрался с силами и поднялся.

Дорога в замок показалась ему ужасно долгой. Маркиз не понимал, что с ним происходит. «Не мог же я так напиться? – думал он. – Что за черт?» Его шатало из стороны в сторону, ноги подкашивались, а голова казалась наковальней, в которую ежесекундно ударяют тяжелым молотом.

Луи кое-как добрался до парадного крыльца и в раздумье остановился перед лестницей, будучи не уверен в том, что сумеет подняться по ней. В эту минуту его увидел виконт д'Эперне. Его поразило состояние друга. Они немало распили бутылок на кутежах, но таким маркиза он не видел. Луи стоял у лестницы, беспомощный и жалкий. Голова у него не держалась, сорочка была в полном беспорядке, да и сам он качался, как тополь от ветра. Люсьен подбежал к другу и придержал его за плечи.

– Моя голова, – пробормотал Луи и попросил: – помоги мне, ради бога.

– Конечно, пойдём, держись за меня, – Люсьен и не думал вдаваться в рассуждения по поводу поведения маркиза, как поступил бы раньше: Луи было так плохо, что это бросалось в глаза.

Люсьен отвел его в покои, уложил в постель и осведомился, не нужно ли чего-нибудь. Но Луи, как только его голова коснулась подушки, снова забылся. Люсьен, решительно не зная, что делать дальше, пошел к герцогине, но встретил по дороге Мари. Девушка видела издали, как виконт буквально тащил на себе безумно пьяного друга. Это обстоятельство только прибавило негодования по отношению к маркизу, не больше. Но вот Люсьен, очень сосредоточенный, остановил ее и сказал:

– Хорошо, что я встретил тебя, Мари. Луи очень плохо, его не стоит оставлять одного, а я должен что-то предпринять. Может быть, ему даже понадобится помощь врача.

– Не знаю врача, который лечил бы распущенность, – холодно ответила девушка, что весьма удивило Люсьена, который теперь начинал догадываться о причинах плохого настроения маркиза.

– Странное заявление, и все-таки тебе придется пойти к нему и, если что, немедленно сообщить герцогине, – и Люсьен зашагал дальше.

Он уже передумал идти к хозяйке замка, так как не был уверен, что есть необходимость так торопиться. Зато у него возникла другая мысль, и Люсьен помчался в парк, отыскал заветную беседку и нашел в ней бутылку от красного вина и рюмку. Люсьен забрал их с собой, вернулся в замок и тут же отправился к другу.

Мари сидела в комнате, не проявляя никакого беспокойства.

– Как он? – тихо спросил Люсьен, подходя к алькову.

– Спит. Напрасно вы так тревожитесь, сударь. По-моему, ваш друг не стоит такой заботы.

– Не знаю, что там произошло между вами, – сдержанно сказал виконт, – но на твоём месте я не стал бы делать скоропалительных выводов. Лично я не уверен, что это обычное опьянение.

– Что же это, по-вашему?

– Больше похоже на отравление.

– Почему вы так думаете? – заволновалась девушка.

– Хотя бы потому, что я видел Луи пьяным.

– Это ни о чем не говорит, ваша милость, – успокоилась Мари. – Просто сегодня он выпил больше, чем обычно.

– Бутылку красного вина...

– Думаете, недостаточно? Вино без пищи свалит кого угодно.

– Возможно, – согласился Люсьен, – только не нравится мне его бледность. Обычно он краснеет.

– Увидите, завтра пройдет как не бывало, – заверила Мари. – Не будем же мы сидеть тут до утра?

– Если хочешь, можешь идти, а я еще посижу, – невозмутимо отозвался виконт.

Мари на всякий случай подошла к постели, заглянула, взяла маркиза за руку.

– Сударь, – тревожно позвала она Люсьена, – у него холодные руки. Это странно, я не помню, чтобы у Луи были холодные руки.

Люсьен подскочил к ней и потрогал руку маркиза, после чего решил разбудить его. Виконт долго тормозил друга, и наконец Луи очнулся, приоткрыл глаза и едва слышно спросил:

– Уже утро?

Люсьен облегченно вздохнул и ответил:

– Нет, Луи. Скажи только, как ты себя чувствуешь, а то я уже испугался.

– Ужасная слабость... и голова раскалывается, – пожаловался юноша.

– Может, позвать врача?

– Нет, не надо, никого не зови... и не говори матушке.

- Хорошо, не скажу. Но ты напрасно столько выпил.
- Бутылку анжуйского... Потолок кружится... – Луи закрыл глаза и погрузился в тревожный, болезненный сон.
- Ты слышала? – обратился Люсьен к Мари, – он сказал, что выпил одну бутылку. Да с одной он только хохочет и распевает куплеты...
- Он просто не помнит, – предположила Мари, но, подумав, добавила: – А, может быть, вы правы – он отравился? Надо сообщить родителям.
- Нет, пока не стоит. Подождем до завтра.
- А если с ним что-нибудь случится?
- Не случится, я буду здесь, – решил Люсьен.
- Может, лучше мне остаться? – предложила девушка.
- Нет, иди спать, а завтра твоя помощь может понадобиться. Хорошо, что никто не видел, как мы прошли сюда...

* * *

Утром сообщили, что Луи не может явиться к завтраку из-за плохого самочувствия. Услышав об этом, бедная герцогиня чуть не лишилась чувств. Вчера вечером ей сказали, что Луи уже спит, и она даже не заподозрила нелада. Герцог нахмурился и, покачивая головой, спросил о причине, на что услышал весьма невразумительный ответ.

Герцогиня Анна, оставив трапезу, поспешила в покои сына. Отец предпочел остаться и прежде завершить завтрак.

Войдя в тихую комнату, Анна увидела своего любимого сына, лежавшего в постели; рядом с ним сидел озадаченный врач; у изголовья стоял Люсьен, который и привел врача. Юноша смотрел то на Луи, мучимого жаром, то на врача, смешивающего какие-то лекарства. Увидев герцогиню, Люсьен поклонился и отошел; врач поспешно поднялся с места и тоже поклонился.

– Нет, нет, – попыталась его остановить Анна, – лучше поскорее исцелите его, – с этими словами она торопливо подошла и, сев на предложенный стул, схватила горячую ладонь сына.

Герцогиня долго смотрела ему в лицо, ожидая действия лекарства. Действительно, через некоторое время Луи пришел в себя, ее голос долетел до его слуха:

- Вам уже лучше? – спрашивала она.
- Он инстинктивно открыл рот, чтобы ответить, но голос не прозвучал.
- Ангел мой, что случилось с вами? Вы так бледны...
- Матушка, простите меня, – только и выговорил юноша.
- Успокойтесь, не думайте об этом. Я вижу, вам трудно говорить. Может быть, ваш друг мне расскажет, что случилось?
- Луи утвердительно кивнул.
- Да будет Бог милостив к вам, дитя мое. Выздоровливайте скорее, я буду молить за вас всех святых.

Она бы с удовольствием сидела около сына, но врач предупредил, что юноше необходим полный покой, и герцогиня, нежно поцеловав Луи в лоб, удалилась, прежде расспросив доктора. Тот сказал, что жизнь пациента вне опасности и что скоро он поднимется. Уже сделали кровопускание и дали слабительное.

После ухода матери Луи скоро заснул. Ему снилась невероятная жуть; он бредил. Но к вечеру наступило облегчение, жар спал. Луи проснулся, скорее всего, очнулся от забытья, и открыл глаза. В первый момент ему показалось, будто потолок кружится или, наоборот, кружится кровать, на которой он лежит. Потом это ощущение прошло. Луи посмотрел на

противоположную стену. Его мысли еще спали. Постепенно все прояснилось, и юноша увидел перед собой сосредоточенное лицо отца.

– Как вы, сударь? – тихо спросил он.

– Кажется, мне лучше, – отозвался юноша.

– Так сколько бутылок было? – заинтересованно продолжал герцог.

– Одна, – уверенно сказал Луи.

– Вы абсолютно уверены в этом?

– Да, – не очень твердо ответил он.

– Скажите спасибо Люсьену. Он убедил меня в том, что в этой бутылке было еще что-то, кроме вина.

– Из этой бутылки пила тетя Элен, – вспомнил Луи.

– Так вы были вместе? – удивился маркиз.

– Нет, отец. Я велел Жану отнести бутылку и бокал в беседку, а когда пришел туда, там сидела тетя и пила из рюмки. Я пил из той же бутылки.

– Элен жива и здорова, – заметил герцог, – но ведь она выпила самую малость, а вы – все остальное. А что же было дальше? Элен покинула вас?

– Я сам попросил ее уйти.

– И она ушла?

– Да; потом я выпил и уснул, а проснулся на закате.

– Занимательная история. Возможно, что-то случилось с вином, иначе кто же мог вас травить?

– Тетя рассердилась на меня, вы же знаете...

– Не стыдно вам так думать о своей тете? – упрекнул герцог. – Она в вас души не чает, а вы так оскорбляете ее.

Луи грустно ответил:

– Вы думаете, она любит меня?

– В мире только две сумасшедшие любят вас до крайности: это ваша мать и ваша несравненная тетушка. Не будьте же неблагодарны. А теперь я покидаю вас. Надеюсь, кризис миновал, и вы скоро будете здоровы.

– Благодарю за то, что пришли, отец, – признательно сказал юноша.

– Выздоровливайте, – повторил герцог и ушел.

А через некоторое время в комнату пробралась Элен. Увидев ее, Луи нахмурился.

– Я целый день не могу попасть к тебе, мой птенчик, меня не пускают, говорят, что тебя совсем нельзя тревожить, – приторно-ласковым голосом говорила она.

– Зачем же вы решили потревожить меня? Нарочно? – слабо спросил юноша.

– Я пришла узнать, как ты себя чувствуешь.

– При мне можете не притворяться. Я уверен: это вы подсыпали мне какую-то гадость в вино. Вы чуть не угробили меня.

– Разве я могу покушаться на твою драгоценную жизнь? Я не переживу, если с тобой что-нибудь случится, – она уже сидела на краю постели.

– Вы наговорили на меня отцу, опозорили перед всеми, напоили какой-то дрянью... что еще вам нужно? – нервничал Луи.

– Мы обижены? Во-первых, повторяю: никто не травил тебя, не смей наговаривать. Во-вторых, кто тебе мешал сказать правду? Анна спрашивала тебя, и что ты ответил?

Луи усмехнулся и жестко произнес:

– Я соврал только ради матушки. Меня она простит со временем, а вас и Леонору – никогда. И не хочу я, чтобы она мучилась еще из-за вас. А вы, вы, мадам, тоже сказали не всю правду. Испугались?

– Бедный мой мальчик, – проговорила Элен. – Беда в том, что ты упрям, как осел, и пока еще глуп. Это со временем пройдет, поверь мне. А вот дальнейшие наши отношения будут зависеть исключительно от твоего поведения. Увы, я ничего не могу к этому прибавить.

– Чем же я вам не угодил? – возбужденно спросил маркиз.

– Хорошо, я тебе скажу. Во-первых, ты обидел мою дочь...

Луи только понимающе качнул головой и не стал спорить: все равно Элен останется при своем мнении. Он лишь заметил:

– Я на ней женюсь – это вас не будет сердить?

– Нет, милый, потому что вы не станете жить вместе, я предчувствую это. А во-вторых, тебе придется отказаться от Мари; кажется, твой отец уже решил, что ей делать.

Луи долго молчал и смотрел перед собой. Элен ждала ответа. Она уже не улыбалась. Мари была серьезным препятствием для графини, а Луи слишком непредсказуем.

– Это не ваше дело, тетя, – медленно произнес юноша и быстро взглянул.

– Между нами не будет никакой Мари – запомни это, дружок, – настаивала графиня.

– Я ведь сказал, это не ваше дело.

– Теперь это мое дело, или ты хочешь получать удовольствие и ничего за это не платить?

– Вы разве куртизанка, чтобы говорить о плате за услуги? Признаться, я думал, нас связывает нечто иное...

– Не придирайся к словам. Ты понимаешь, о чем я говорю. Придется выбирать: или я, или она...

– Я не ваша собственность, Элен. Может, все наоборот? Я все-таки мужчина.

– Ты? Ты вздорный, дерзкий, избалованный мальчишка!

– А вы... вы...

– Я вправе ставить условия. И если ты их не исполнишь...

– То что?

– Сам увидишь.

– По-моему, хуже не будет.

– Это не игра, милый. Все очень серьезно. По глазам вижу, что ты не понимаешь, но постарайся.

– Вы не смеее вмешиваться. Это моя жизнь!

– Вот как? – обиделась Элен. – В таком случае, нам больше не о чем говорить. На словах, мой милый, ты очень смел, а вот решиться на что-нибудь серьезное не можешь. Позволь мне дать тебе совет: на двух стульях не усидишь.

– Вы не понимаете, – возразил маркиз.

– Я не понимаю? – Элен усмехнулась, провела ладонью по его волосам и щеке и проговорила:

– Думаешь, мне легко? Ты занят лишь собой. Твои страдания кажутся тебе невероятными, но ты не видишь, как страдает ни в чем неповинная Мари, ты не знаешь, что чувствую я. Мне следовало быть внимательнее. Ты, в сущности, еще ребенок, Луи, да, избалованный ребенок, а потому не понимаешь многих вещей, например, что такое ответственность за свои поступки. Что ж, очень скоро ты станешь моим зятем, и мы будем часто видеться, а большего ты недостоин.

– Объясните мне хоть вы, Элен, почему моей женой должна стать ваша дочь? Я знаю, что матушка очень хотела этого. Но вы... вы разве не видите, чем все обернется? Вы желаете этого брака?

– Во-первых, Луи, никто еще не отказывался от таких денег и состояний. Ты, я думаю, знаешь, что мой супруг оставил мне долги, а имение в плачевном состоянии. А во-вторых, есть еще кое-что... – она в раздумье смотрела на него, решая, говорить ли.

- О чем речь? Я хочу знать, – уловив ее эмоции, потребовал маркиз.
- К чему? Уже ничего не изменить.
- Элен, вы намекнули на что-то, и теперь должны мне сказать... я ведь не отстану.
- Хорошо. Ты узнаешь, хотя это не только моя тайна и я обещала ее не открывать. Но я хочу тебе сказать, даже если это заставит тебя страдать.
- Страдать? – насторожился Луи.
- Да, мой хороший. Права я или нет, время рассудит. Но я так устала нести в сердце этот груз. Я так устала от условностей, которыми обволокли меня в этом доме... У тебя есть право знать, теперь есть.
- Так говорите же, – торопил юноша, – пожалуйста, говорите. Элен опустила глаза и тихо, уверенно заговорила:
- Я была замужем, вам это хорошо известно, и овдовела очень рано. Тем не менее, Леонора внебрачный ребенок. А ее отец – герцог де Сен-Шели, Франсуа Луи де Жуаньи.
- Доказательства, – жестко потребовал Луи, пытаюсь сохранить спокойствие.
- Что?
- Где доказательства?
- Вы не верите мне?
- Конечно, нет. Иначе о какой свадьбе речь? Вы что, не понимаете? Я не могу спать со своей сестрой...
- Элен сочувственно взглянула на него и продолжала:
- Погоди, дружок, ты не дослушал.
- Хорошо, я готов. Говорите, – он уже нервничал.

* * *

Элен взяла его за руку.

– Мы были знакомы с твоей матерью еще до ее замужества. В то время у нас в доме бывал один молодой человек, офицер пехоты, красивый, интересный, хорошо воспитанный, но, к сожалению, недостаточно богатый. Анна была влюблена без памяти. Он тоже любил ее и, как порядочный человек, решил просить ее руки. Ему отказали не только в просьбе, но и от дома, понимаешь? Им запретили видаться и объявили, что Анне уже нашли жениха. Бог мой, сколько было слез, обмороков, жалоб. Я помню, как Анна сказала, что ни за что не достанется нелюбимому. Как красиво это звучало, как возвышенны были ее стремления... А потом... он отправился воевать и погиб. Анна вышла за Франсуа. Но, как оказалось, замуж она вышла уже беременной и знала это. Не представляю, как ей удалось уладить конфликт с Франсуа, но он проявил неслыханное великодушие и не предал ее позору. Все скрыли, и, когда ты родился, герцог признал тебя своим наследником. Однако он еще долго не мог простить Анне ошибок юности. Он поначалу изменял ей. И я случайно оказалась в числе его желаний. Он добивался меня несколько месяцев. Какой смысл входить в подробности? Я родила девочку, хотя знаю, что герцог надеялся получить мальчика. О, Луи, ты очень долго был в опасности. Франсуа непременно хотел своего наследника, это понятно. Твоя мать не раз становилась матерью, и ты знаешь, что одни были мертворожденными, другие умирали в младенчестве. Итак, ты остался единственным наследником. Франсуа пришлось смириться, и надо отдать ему должное: он многое сделал для тебя. А я? Анна обо всем узнала, и мы чуть не рассорились навсегда. Был долгий разговор втроем. И мы решили, что наши дети пожениятся, чтобы наследство оказалось в надежных руках и чтобы настоящая дочь герцога де Сен-Шели не лишилась его совсем. Теперь ты понимаешь, почему?

Луи угрюмо молчал, придавленный откровенным и жестоким рассказом графини. Как, его мать не безупречна? И он лишь незаконнорожденный? Ему стало трудно дышать.

– Вы не сказали, как звали того человека, – Луи не в силах сказать «моего отца». – Как его звали?

– Его звали Николя де Лонгви, он француз, – сообщила Элен. – Это имя говорит тебе о чем-нибудь?

– Нет, – ответил он и заинтересованно спросил: – а Леонора знает об этом?

– Ей не нужно об этом знать... пока. А там посмотрим. Посмотрим, как ты будешь вести себя. Оправдаешь ли надежды... Видишь ли, Леонора и без твоей помощи может подарить роду герцога наследника...

Луи смотрел на нее широко открытыми глазами и не мог вымолвить ни слова. Элен, вполне довольная произведенным впечатлением, улыбнувшись, проговорила:

– Поправляйся, мой маленький, и не вздумай жаловаться... В конце концов, женщины страдают от вас куда чаще и больше. Обидел же ты свою невесту, а уж местным крестьяночкам, я думаю, немало хлопот от тебя досталось. Ну, до встречи. И будет лучше, если ты забудешь свои обиды. Тогда сам увидишь, как хорошо я буду относиться к тебе.

Элен не спеша направилась к выходу.

Маркиз остановил ее требованием:

– Элен, скажите, что все это неправда! Вы опять играете со мной?

– На этот раз нет, – ответила она спокойно и вышла.

Луи был оглушен. Ему казалось, что он сейчас сойдет с ума. Наконец, не выдержав мучений, он уткнулся лицом в подушку и бесслышно заплакал так горько, как плачут дети, которых сильно обидели. Он не мог представить себе, как выйдет из этой комнаты.

А за дверью в стене, в соседней комнате, в которой теперь никто не жил, притаилась Мари. Она увидела, как Элен входила к Луи, и решила подслушать их разговор, потому что некоторые догадки стали приходить ей в голову. И вот теперь изумленная и перепуганная девушка с ужасом думала, как теперь быть. Внезапно рядом послышался тихий голос виконта:

– Не думал, что Мари подслушивает разговоры.

Она не заметила, как он вошел, и теперь уставилась на него несчастными глазами.

– Что с тобой? – поинтересовался Люсьен, – я видел, как графиня вышла оттуда. Ты слышала их разговор?

Мари только кивнула.

– И что? Что там произошло? – встревожился Люсьен.

– Я не могу этого сказать... – пролепетала девушка, чем еще больше заинтриговала молодого человека.

В этот момент из комнаты юного маркиза раздался шум разбившейся вазы, потом еще, потом на полу оказалось что-то металлическое. Люсьен бросился к другу, только Мари удержала его:

– Нет, не ходите туда.

– Почему?

– Пусть его гнев утихнет.

Люсьен, ничего не понимая, уступил Мари, полагая, что она знает причину гнева. Виконт вышел в галерею и задерживал тех, кто сбежался на шум и хотел войти к маркизу. Но вот грохот и шум прекратились, и, немного подождав, Люсьен вошел в комнату. Любопытные стояли у двери; хорошо, что герцог с супругой были в парке и ничего ни слышали. Люсьен скоро появился в дверях и, уверяя всех, что нет причин для беспокойства и не надо никого звать, отправил слуг восвояси. Мари осталась, ожидая его слов. Виконт, очень озадаченный, подошел к ней и тихо сообщил:

– Он молчит, как рыба. Не знаю, что сказала ему тетя, но, видно, что-то ужасное. Послушай, расскажи мне, что там случилось, а?

Мари покрылась румянцем и ответила:

– Я бы с радостью, но не могу. Я не могу такое говорить. Если Луи захочет, он сам все расскажет, он же всегда с вами делится.

– Но ему, возможно, нужна моя помощь, – настаивал Люсьен.

– Могу вам сказать одно: его тетя – непорядочная женщина, но мы уже ничего не можем сделать, поверьте мне.

Люсьен вздохнул и попросил:

– Тогда сходи к нему. Может быть, тебя он захочет видеть?

– Вряд ли. Мы поссорились, и я обидела его недоверием.

– Все равно, – сказал Люсьен, – под любым предлогом сходи.

– Хорошо, ваша милость. Я сделаю все, что смогу.

И вскоре девушка появилась в комнате маркиза, неся поднос с ужином. Тут все было перевернуто вверх дном. На полу валялись осколки битых ваз, подсвечники, чернильница, из которой вылились чернила. И вдобавок ко всему пол, кровать и стол были припорошены перьями из разодранной в клочья подушки.

Луи понуро сидел посреди этого безобразия на полу и тупо глядел перед собой. Он был похож на раненого зверя. В волосах и на одежде также покоились перья, впрочем, вся одежда состояла только из ночной сорочки.

Когда притихшая Мари остановилась, едва войдя в комнату и поразившись царившему тут беспорядку, Луи поднял глаза и увидел сосредоточенное лицо девушки, смотревшей на него с трогательным сочувствием. Мари, заметив его угрюмый взгляд, не на шутку перепугалась и была готова тут же бежать обратно и уже попятилась.

– Не уходи... – выговорил маркиз.

– Я принесла ужин и лекарство, – пролепетала она, как бы оправдываясь, что без разрешения зашла в покои.

– Поставь на стол, – усталым голосом сказал маркиз.

Мари послушно поставила поднос. Луи тем временем хотел встать, но едва не упал.

– Я помогу вам, ваша светлость, – протягивая ему руку, предложила девушка. Он молча воспользовался ее услугой и сел на кровать.

– Я принесу новую подушку, – сказала Мари.

– Потом.

– Как вам будет угодно.

– У меня отменный вид, не правда ли? – язвительно заметил юноша.

– Вас можно понять, – сочувственно отозвалась Мари.

– Что ты знаешь? – горько усмехнулся Луи. – И ты все еще сердишься на меня, правда? Сердись, я достоин твоего гнева, твоего презрения. Я негодяй, клянусь честью. Ты не первая, и не последняя – отец правду сказал. Я живу так, как мне нравится, и ни в чем себе не отказываю. Сначала мне было очень весело, но скоро я пресытился... мне чего-то не хватало. И вот появилась Мари – тихая, нежная, неискушенная. Я не мог ее упустить. Я понял, что мне не хватает только ее. Поняв, что она равнодушна ко мне, я стал добиваться взаимности. Она защищала себя, как умела:ставляла в ответ на жаркие признания нравственные принципы. Но она полюбила меня, и поэтому я добился своего. Она стала моей, да и не могло быть иначе. Еще ни одна женщина, которая мне приглянулась, не отделалась от меня. Упрямые и строптивые все равно становятся моими. Но обычно сдают крепость без боя. И ты права. Наша жизнь – одна большая игра, а я, наверное, неплохой актер. Недаром я люблю театр. А любовь – это излюбленная моя пьеса, где я всегда играю главную роль. И знаешь, кто научил меня этому?

– Знаю, – неожиданно ответила Мари.

– Неужели? – не поверил он. – Бьюсь об заклад...

– Не трудитесь, – перебила она, – вы проиграете это пари. Ваша тетя научила вас искусству обольщения и обмана.

Луи побледнел и смущенно проговорил:

– Кто сказал тебе?

Мари села рядом с ним и невозмутимо продолжала:

– Сперва тетя Жанна сказала мне, что вашей первой наставницей в любви была женщина, далекая от добродетели, разумеется, она не назвала ее. А сегодня я узнала, кто эта дама. Я догадалась по вашему разговору.

– Ты, ты подслушивала? – заикаясь, спросил юноша, и лицо его, до того бледное, стало покрываться красными пятнами.

– Случайно, простите меня, – она помолчала и добавила тихо: – но зато я теперь знаю, что вас оклеветали, а я не поверила вам.

Луи не смел поднять на нее глаз.

– Значит, ты все слышала, – понуро произнес он, – мне так стыдно, что я готов провалиться под землю.

– Не надо никуда проваливаться, – спокойно сказала девушка, взяв его за руку. – Все это уже не имеет значения.

– И ты слышала все?

– Сударь, будем считать, что я ничего не слышала.

Луи сжал ее ладонь и, повернувшись лицом, беспомощно выговорил:

– Я не знаю, как теперь жить...

– Я тоже не знаю, – отозвалась Мари.

Луи доверчиво прижался к ней, как прижимался к матери, и долго говорил.

– Согласись, Элен – красавица. Раньше я всегда восторгался ею, и она заметила блеск восхищения в моих глазах. Она тоже всегда баловала меня, как и матушка. А потом, в один прекрасный день, детские игры сами собой кончились, и она стала приучать меня к играм взрослых. Мне было тогда тринадцать лет, все это происходило здесь, в Куломье, когда она приехала к нам погостить. Элен хорошо знала меня, знала все мои слабости и ловко играла на них. Она способна соблазнить и святого, – он задумался.

Мари слушала его и совсем не знала, что теперь предпринять. Луи внезапно переменял тему и, глядя Мари в глаза, произнес:

– Простишь ли ты меня когда-нибудь? Я знаю, что недостоин тебя, знаю, что не могу ни в чем поклясться. Но я не хочу быть с тобой в ссоре. Не знаю почему, ты нужна мне, Мари, очень нужна.

Девушка безрадостно ответила:

– Я тоже ничего не могу пообещать тебе, Луи. Возможно, мы не должны быть теперь вместе. Ты женишься, у тебя будут семья, дети. И хотя я ничего не могу поделать с собой, но должна подчиниться воле разума.

– О чем ты? – встревожился Луи. – Я никуда не отпущу тебя.

– Я знаю, почему ты просишь прощения.

– Думаешь, для того, чтобы ты была благосклонна? – он сделал паузу. – Ты не знаешь меня. Я не смею надеяться ни на какое прощение, Мари, потому что знаю, что ты чувствуешь. Ты презираешь меня, и я заслужил твое презрение.

– Луи, ты любишь свою тетю? – очень тихо спросила девушка.

У маркиза закружилась голова: кровь прилила к лицу, он усилием воли сдерживал нервную дрожь.

– Я ненавижу ее, – процедил он, глядя на девушку с упреком.

Мари повторила свою мысль:

– Мы не можем быть теперь вместе.

– Не лишай меня надежды...

– Поговорим об этом в другой раз. А сейчас ты поешь и ляжешь. А я должна тут убрать и принести новую подушку.

– Мари...

– Прошу тебя, поговорим потом.

Луи не смог настаивать. Он посмотрел вокруг, и ему стало стыдно за учиненный им разгром. Он помогал Мари убирать, хотя она и просила его оставить недостойное занятие.

Тревожный день плохо сказался на сне маркиза. Он решительно не мог уснуть, горькие размышления не оставляли его до самого утра. Луи всерьез задумался о том, стоит ли говорить с матерью. Что он спросит? Как? Верить ли Элен, которая стремится лишь к одной цели – выдать Леонору замуж? Одно было не так плохо: Леонора ему не сестра, а Элен, за которую он все же корил себя, никакая не тетя.

17. Просьба

К счастью, на следующий день Луи почувствовал себя намного лучше и обрадовал всех своим появлением. Веселость и подвижность еще не вернулись к нему, но бледность уже сменилась обычным румянцем.

После завтрака он без промедления направился к матери. Герцогиня заметила его смущение и ободряюще улыбнулась.

– Говорите, сын мой, говорите, не бойтесь.

Луи медленно подошел к матери и, не поднимая глаз, произнес:

– Простите меня, матушка, я приношу вам столько неприятностей... я знаю, что вел себя недостойно и готов понести любое наказание, только бы вы простили меня.

Анна велела ему сесть рядом и понимающе ответила:

– Не думайте, что мне не приходила в голову мысль о том, что вы уже не ребенок. Я прекрасно все понимаю, Луи. Но, боже мой, как жаль, что время идет так быстро. Кажется, еще совсем недавно вы учились ходить... Меня тревожит одно: ваша непоседливость и, согласитесь, легкомыслие. Вам следует обдумывать ваши поступки, ангел мой. У вас есть достойный пример – ваш отец, да и вашему другу Люсьену тоже не откажешь в осмотрительности. Ну, скажите, зачем вы пили так много вина, зачем?

– Я не знал, что делать, – виновато сказал юноша.

– Вот видите? И сами же пострадали. Всего, что вы успели натворить, уже не исправить. Было бы глупо сердиться на вас теперь, когда вы признались и рассказали в своих проступках. Но, откровенно говоря, я очень расстроилась из-за вашего поведения по отношению к Леоноре и особенно к Элен. Не понимаю, что помутилось в вашей голове, как вы могли...

– Матушка, – падая на колени, воскликнул маркиз, – я умоляю вас о прощении. Вы не можете себе представить, как мне стыдно.

– Встаньте, Луи, встаньте, не нужно. Я, так и быть, прощаю вас и надеюсь, что подобных безобразий не повторится.

Луи молча поцеловал ей руки и вернулся на прежнее место.

– А насчет свадьбы не волнуйтесь, – заверила герцогиня, – она в любом случае состоится. Ведь теперь жениться на Леоноре – ваш долг, если вы, конечно, считаете себя настоящим дворянином.

Луи совсем не обрадовало это сообщение, и Анна спросила:

– Или вы будете упорствовать?

– Нет, матушка. Я давно сказал, что подчинюсь вашей воле. Я женюсь, если вы этого хотите и если приличия того требуют.

– Вот и хорошо. Не забудьте извиниться перед Леонорой.

– Не беспокойтесь, я все сделаю, – с мрачной решимостью пообещал маркиз.

Теперь он мог бы уйти, но, тем не менее, не двигался с места, и герцогиня заинтересованно спросила:

– Вы еще что-то хотите мне сказать?

– Да, матушка, – Луи на этот раз посмотрел ей в лицо.

– Я слушаю вас.

– Я хочу попросить вас, – серьезно начал Луи и запнулся.

– Да, конечно, говорите же, – недоумевала герцогиня.

– Отец решил выгнать Мари, как только мы вернемся в Париж.

– Я ничего не знаю об этом.

– Он сказал это, когда вы ушли из комнаты.

– И что же вы хотите от меня?

– Поговорите с ним, матушка, пусть Мари останется.

– А почему вы сами не хотите поговорить с отцом? – строго спросила Анна.

– Он не будет меня слушать.

– Вы не правы, мальчик мой. Вы должны поговорить с отцом, и если он откажет вам, тогда только могу вмешаться я. Но, скажите мне, почему вы так беспокоитесь из-за горничной? Мы найдем другую и, поверьте, не хуже.

Луи обиженно молчал. Герцогиня окинула его внимательным взглядом и заметила:

– Похоже, эта девочка интересует вас гораздо больше, чем я думала. Но мы, кажется, обсуждали это. Никаких похождений, никаких скандалов перед свадьбой. А потом, учтите, медовый месяц и, кто знает, может быть, очень скоро я стану бабушкой.

Луи тревожно посмотрел на нее.

– Значит, вы согласны с отцом?

– Я этого не говорила.

– А я знаю, почему он выгоняет Мари. Я уверен, что Леонора нажаловалась на нее.

– Леонору можно понять.

– А вы подумали, куда пойдет Мари? Куда ей деваться? Да первый же сводник упечет ее в такую дыру, что вы и представить себе не можете, матушка.

– Весьма печально, что вы, я вижу, имеете об этом представление, – покачав головой, вздохнула герцогиня, а Луи вновь смутился.

– Я не хочу, чтобы ваша семейная жизнь началась со скандала, – продолжила она, – и боюсь, что Мари внесет дисгармонию в вашу жизнь. Увы, сейчас и девушки стали весьма ловкими. Они знают, как завоевать расположение хозяина и какие выгоды извлечь из этого...

– Не знаю, о ком вы говорите, но к Мари это не относится. Вы же ее не знаете, матушка.

– Вот именно, – согласилась герцогиня.

– Тогда приблизьте ее к себе. Она понравится вам, вот увидите. Вам будет, о чем поговорить.

– О чем мне говорить с ней?! Я вижу, она не в шутку вскружила вам голову.

– Матушка, мы не можем просто бросить ее на произвол судьбы, особенно если учесть ее происхождение, – настаивал Луи, у которого были известные стремления.

– Мы подумаем, что можно сделать, Лулу. Вам в любом случае следует поговорить с отцом.

– Я сделаю это прямо сейчас, – энергично заявил маркиз.

– И, так и быть, пригласите ко мне Мари.

Маркиз моментально исчез за дверью.

Он не рискнул расспросить матушку о тайне своего рождения. Это было бы мучительно для обоих. А Элен, казалось, не беспокоилась по этому поводу.

Луи сам нашел графиню, но только для того, чтобы уточнить некоторые детали. Женщина, правда, сразу спросила его о самочувствии, и маркизу показалось, что она искренне беспокоится.

– Со мной все хорошо, мадам... значит, не было отравы?

– Да как ты можешь подозревать меня? – негодовала Элен.

– А кого?

– Не знаю, как еще доказывать... нет, Луи, твоя жизнь слишком дорога для меня, и с тобой у меня связаны большие надежды.

– Неужели?

– Я не врач, но смею предположить, что ты дал волю эмоциям. Увы, я перестаралась... не ожидала, что тебе будет так плохо, Луи. О, если бы я знала... ведь ты здоров и такой сильный... восхитительно сильный.

– Отравился эмоциями? Это что-то новенькое, – усмехнулся маркиз, глядя дружелюбно.

– Я не знаю, Луи, правда, не знаю, – сказала Элен. – Но теперь, когда ты знаешь правду о своей матери, я думаю, тебе легче пережить свои ошибки.

– Элен, вы будете шантажировать меня всю жизнь? Да?

– После того, что случилось, я думаю, между нами теперь не может быть ничего, – грустно поведала она.

– Как вы переменялись, тетя. А если я спрошу матушку? Как думаете, она останется к вам благосклонной?

– Давай так: я ничего не требую от тебя, а ты женишься на Леоноре и заботишься о ней. Это устроит всех.

– И вас, Элен?

– И меня.

– Я могу спросить еще Жанну. Она знает, наверное.

– Ты вправе поступать, как считаешь нужным, – серьезно заметила графиня.

Он приблизился почти вплотную и строго заглянул ей в лицо. В его глазах что-то еще тлело, догорал огонь надежды.

– Вам будет нелегко, Элен. Может, уедете в имение?

– Нет, я не уеду. Я нужна своей дочери.

– Как хотите. Но я вас хочу предупредить. Если вы будете досаждать мне угрозами, что расскажете Леоноре о тайне ее рождения, то не удивляйтесь: я превращу в ад вашу жизнь в моем доме.

– Зачем ты так? – опешила графиня.

– Я не умею жить в страхе, мадам. И вам не запугать меня. Скорее бояться придется вам.

* * *

Мари провела полтора часа рядом с герцогиней Анной, в то время как Луи отыскивал отца и обрушился на него со своей просьбой, как водопад. Разговор был нелегким, но Луи добился-таки, чтобы отец пообещал пересмотреть свое решение.

Девушка покинула покои герцогини обнадеженная и ободренная, хотя не все в разговоре было приятным. Обнадеживало то, что Анна внимательно отнеслась к девушке, и Мари, кажется, сумела понравиться хозяйке. Это хорошо, потому что иметь покровителя в лице герцогини было очень важно. Однако Анна прямо дала понять, что недовольна увлечением сына и не хочет, чтобы так продолжалось. Мари и сама не знала, как лучше поступить.

Вот в таком подвешенном состоянии Мари и прожила оставшиеся до отъезда в Париж дни. Луи добился у отца разрешения, чтобы ее оставили в доме (тут без помощи Анны не обошлось). Оставалось решить одно: в каком качестве будет Мари жить в Париже. Герцогиня взяла это на себя и сказала, что сама займется девушкой. Она решила представить ее как свою воспитанницу. Но это означало лишь то, что теперь свобода действий Мари сильно ограничилась и за ней постоянно следила строгая наставница, которая так беспокоилась за чистоту нравов в своем доме. Было еще одно обстоятельство, почему Анна решила оставить девушку при себе. Конечно, она заботилась о благополучии будущей семьи, но еще больше ее волновало благополучие сына. И уж если ему так нравится эта девушка, то будет лучше ее оставить. Скорее всего, его интерес скоро пропадет и нет оснований беспокоиться. Но, кто знает, может быть, когда брачные узы покажутся юному маркизу слишком тесными, то девушка будет к его услугам, приличная и воспитанная, а главное, хорошо знакомая матери.

18. Ночной разговор

Свадьбу назначили на середину октября. Невесту, конечно, увезли. Молодые могли встретиться в обществе, на балах, поэтому Луи уже заранее представлял себе, как все будут пялиться на них и шептаться, а он должен будет скакать вокруг своей невесты, вместо того чтобы покорять сердца красавиц. К этому добавились переживания иного рода. Не он ли просил матушку приблизить Мари к себе? И что же вышло? Чем ближе девушка была к герцогине, тем дальше становилась от него. Ее, как принцессу на выданье, держали «взаперти». Она вечно пропадала у герцогини Анны: вышивала, читала вслух романы, разговаривала. Благотельная наставница блюла свою воспитанницу очень строго, но и учила ее многому. Мари разрешалось присутствовать на некоторых приемах, но, понятно, там Луи не мог до нее добраться, даже должен был делать вид, что она совершенно не интересуется им, он не замечал Мари, что очень радовало Леонору.

А дома Луи не мог уже так просто поймать ее в галерее и целовать, не обращая внимания на подглядывающих из всех углов любопытных слуг. Нет, такая жизнь становилась совершенно невозможной. Ничего ему так не хотелось, как сжать Мари в своих объятиях. Он вспоминал Куломье и вздыхал: там все было просто и легко, он даже не понимал тогда, как был свободен.

Но Луи не привык отступать от своих желаний и не терял надежды. Как-то ему удалось повстречать Мари совершенно одну. Не теряя ни минуты, маркиз схватил ее за руку и повел за собой.

- Сударь, – пытаюсь воспротивиться, в негодовании сказала она.
- Идем же, скорее, идем, – увлекая ее за собой, взволнованно говорил юноша.
- Куда?
- Сейчас увидишь.

Скоро он привел ее в небольшую милую комнатку, где стояли два больших кресла и диван. Луи быстро закрыл за собой дверь и, не давая опомниться Мари, крепко обнял ее и поцеловал. Девушка вырвалась и возмутилась:

- Что вы себе позволяете, сударь?
- Довольно кокетничать. Я так соскучился по тебе, – Луи снова прижал ее к себе.
- Оставьте же меня наконец, – не соглашалась девушка.
- Не бойся, тут никто не побеспокоит нас и никто не услышит, – настаивал он.
- Луи, пойми же, наконец, что между нами все кончено, – строго сказала она, и тогда маркиз выпустил ее.

- Что значит «кончено»? – не понял он.
- О боже, – выдохнула Мари, – если нас кто-нибудь увидит вместе...
- Нас никто не увидит, – заверил маркиз.
- Я обещала твоей матушке...
- Прекрасно! Не думал я, что все так обернется. Но разве мне ты ничего не обещала?

Вспомни, что говорила ты мне в Куломье?

Мари спрятала глаза.

– Ты говорила, что любишь меня, – напомнил маркиз и, взяв ее за подбородок, заставил посмотреть на себя. – А сейчас ты уже забыла это?

Мари молчала.

– В Куломье ты была гораздо сговорчивее.

– Хочешь сказать – доступнее, – мрачно заметила она.

– Какая разница? Ты была настоящей там, в Куломье. А теперь ты станешь такой же задавакой, как наши светские дамы, и мне это не нравится.

– Опомнись, Луи, через какие-нибудь три недели ты женишься...

– Вот именно, поэтому нет оснований терять драгоценное время.

Он заинтересованно оглядел ее. Кажется, она похорошела. И прическу ей сделали, и платье красивое надели.

– Что это вы так смотрите на меня? – недоверчиво спросила девушка.

– Да так, думаю, что прежде мне было проще тебя раздеть. Мари залилась краской и, обидевшись, изъявила желание уйти.

Но маркиз не пускал.

– Мари, давай просто поговорим.

– О чем?

– Довольно, неужели ты будешь всю жизнь на меня дуться?

– Много чести... будем считать, что ты прощен, Луи, можешь не беспокоиться.

– Я не могу не беспокоиться, Мари, я люблю тебя.

Девушка с негодованием возразила:

– Не произноси этих слов, ты оскверняешь их.

– Как же мне сказать? Как выразить?

– Никак. Ты не знаешь, что такое любовь, Луи. Разве ты не понимаешь, как ужасно все то, что ты выделяешь? Разве можно так поступать?

– Как? – искренне удивился маркиз.

– Любить можно кого-то одного. Когда любят, других не замечают. А ты... ты ломаешь мне жизнь, разве не понимаешь?

– Да я делаю все, чтобы устроить тебя в жизни, глупая. Если бы ты была мне не нужна, я бы не говорил с тобой, отослал бы в деревню или уволил – и дело с концом.

– Так увольте, сударь, увольте, я буду вам благодарна.

– Ты сама не знаешь, что говоришь. Я знаю, что ты любишь меня, Мари. Зачем упрямись?

– Ну вот что, Луи, я тебя не люблю. Все, разлюбила, разочаровалась. Я любила человека с добрым и понимающим сердцем. А бессовестного развратника я никогда не могла полюбить и не полюблю. Так что можешь дать мне расчет.

Луи смотрел на нее несчастными глазами, а вид у него был, как у побитой собаки.

– Зачем ты так, Мари?

– Ты сам хотел, чтобы я сказала...

– Я же пропаду без тебя, слышишь? Что со мной будет без тебя? Это же так просто. Ты любишь доброго и понимающего человека? Только рядом с тобой он человек, только с тобой. Без тебя ему ничего не останется, как сделаться скотиной.

Мари сочувственно взглянула на него, и ее сердце оттаяло. Девушка заговорила мягче:

– Луи, ты запутался. Разберись в себе, определись. Меня-то ты за что наказываешь?

– А у меня полная определенность. Теперь ничего не остается, как жениться на Леоноре и терпеть в своем доме тещу (да-да, она останется с нами). Пойду на службу – что же тут неопределенного?

– А я?

– Ты же не хочешь быть со мной.

– Мое положение ужасно, Луи. Ты даже не представляешь. Если бы было куда уйти... но я здесь, зачем? Чтобы быть участницей этого безобразия? Ты и Леонора, ты и Элен. А я? Я призвана утешать тебя? «Спасать» от жены и тещи? А потом? Что потом? Молчишь. Ты и сам не знаешь.

– Да, Мари, ты права, однако одно я знаю точно: нам нельзя друг без друга, иначе мы оба пропадем.

– Почему?

– Ну... может, ты и выкарабкаешься, а я... меня словно в болото затягивает. Я ничего впереди не вижу, а без тебя совсем мрачно.

– Не знаю, верить ли тебе, Луи.

Она сделала шаг к двери. Маркиз не препятствовал. Мари вдруг обернулась. В ее глазах сияло что-то иное, прежнее, а не та угрюмая обреченность, которая появилась с того самого дня... Девушка быстро подошла к Луи, порывисто обняла и поцеловала в губы. И, словно испугавшись самой себя, выскользнула из комнаты, так что изумленный Луи несколько секунд еще слышал ее торопливые шаги.

Он не пошел с ней, чтобы кто-нибудь случайно не увидел их вместе, а подождал немного в комнате, думая, каким же образом взять эту крепость, вновь ставшую неприступной.

А Мари теперь никак не могла успокоиться. Луи взволновал ее, как прежде, пробудил затихшую было тоску. Но она же пообещала его матери быть от него подальше, да и ей самой нужно ли вновь бросаться с головой в пучину страсти?

Думая, что Луи оставит ее теперь, Мари ошибалась, потому что ее отказ ничуть не покоробил галантных устремлений юноши.

Мари жила теперь в отдельной комнате, и все у нее было свое: и уютная кроватка, и красивый туалетный столик, и большое овальное зеркало... Потушив свечи, она легла спать, все еще размышляя о своих девичьих бедах. И вдруг раздался какой-то шорох. Мари приподнялась и вгляделась в темноту. В следующий миг кто-то оказался возле кровати, и послышался шепот Луи:

– Не пугайся, это я.

– Боже мой, что вы тут делаете?

– А это нужно объяснять? – удивился маркиз и в одно мгновение оказался рядом.

– Ты погубишь меня, Луи...

– Молчи, – коротко произнес он и слегка прикрыл ей рот ладонью, – ты нужна мне, я люблю тебя.

Луи не был настроен на долгие препирательства и приготовился сломить любое сопротивление. К счастью, Мари поняла это и уступила его настойчивости. Она в тайне была рада ему, ведь сама никогда бы не решилась на такую дерзость.

Но Луи пришел не только для того, чтобы развлечься. Ему хотелось кое-что сказать и уяснить для себя.

– Мари, как мы будем жить дальше? – спросил он, когда страсти поутихли, и Мари, склонив голову ему на плечо, не скрывала своей радости, что они опять вместе.

Вопрос заставил ее насторожиться. Не хотелось думать о печальном.

– Если б мог, я бы на тебе женился, – продолжал маркиз.

– Никто бы тебе не позволил.

– А я бы и не стал спрашивать.

– Так нельзя, Луи, без благословения родителей. Да и не важно это. Ты женишься на Леоноре.

– Ты все-таки чудачка. Нельзя без благословения – что за ерунда? Матушка держит тебя, как монашку, а после свадьбы, боюсь, отправит еще куда-нибудь.

– Я не буду мешать вам с Леонорой, – серьезно сказала девушка.

– Мешать? – Луи чуть не засмеялся, – ты меньше всего мне мешаешь. Пойми, глупенькая, мы с Леонорой не интересуем друг друга. Это обычный формальный брак.

– И дети тоже формальные? – спросила Мари.

– Какие дети?

– Которых она родит.

– Хороший вопрос. Еще где бы взять уверенность, что ее дети будут моими?

– Я отдаю себя воле Бога, – рассуждала Мари, – и тебе советую сделать то же самое.

– Я, дорогуша моя, пока и сам знаю, что мне делать. Ты моя и будешь моей. Я позабочусь о тебе. Представь, Мари, со временем у тебя будут свой дом, свои лошади, слуги, кареты. Ты не пожалеешь, если останешься со мной. Главное – забудь свои дурацкие рассуждения о нравственности. В Париже это никому не интересно, поверь мне.

– Луи, я не могу так, – возразила девушка, – ты предлагаешь мне низкое; ты хочешь, чтобы я жила на содержании, а платой за «счастливую жизнь» была бы тайная любовь? Нет, Луи, любовь нельзя продать. Ее можно только подарить, как я тебе ее дарю, потому что люблю. И мне от тебя ничего не надо, кроме любви, если ты и в самом деле любишь.

– Что за бред? – усмехнулся он.

– Когда-нибудь ты поймешь меня, – уверенно сказала Мари и не позволила ему больше говорить, заставив забыться в объятиях.

Мари уже не хотела думать, а, как сказала, положилась на провидение. Луи, между тем, остался при своем мнении и был уверен, что задуманное удастся осуществить.

19. Провидение?

На другой день Мари сидела, как обычно, у герцогини в покоях и вышивала. Анна вышла по каким-то делам, и девушка на время осталась совсем одна. Она сидела у окошка, и ясное осеннее солнце ласкало ее последними теплыми лучами.

Откуда ни возьмись появился Луи. Быстро сообразив, что матушки нет, он подошел к Мари и, склонившись, так нежно поцеловал в шею, что по телу пробежал трепет.

– Сегодня была чудесная ночь, – тихо произнес он.

– Будьте осторожны, – предупредила Мари.

– Покажи, – попросил он и взял у нее пальцы с салфеткой. – Ах, какая прелесть! Ты мне ее подаришь?

– Она еще не готова... один лепесток.

– Нет, нет, оставь так. Я возьму ее, – он умоляюще, как-то по-детски посмотрел на Мари.

– Возьмите, – уступила она.

– А ты видела портреты? – вдруг спросил маркиз.

– Ваши – да. Матушка вас очень любит: все портреты собраны у нее.

– Не все, – Луи подошел к стене, где висели картины.

Мари тоже приблизилась к ним, хотя и видела раньше. Сверху висел, видимо, самый ранний портрет. Там Луи было не более трех лет: пухлый карапуз с большими мечтательными глазами, как у всех малышей.

Мари взглянула на Луи. Он улыбался.

– Каждый раз смотрю и не могу поверить, что был таким.

Портретов было много. Пяти, восьми лет. Внимание Мари привлек десятилетний маркиз. Здесь уже ярко выражался его характер. Мальчишка готов был сорваться с места, чтобы носиться с друзьями. Лукавый взгляд не выдавал всех мыслей. Можно было сказать одно – это озорной и веселый мальчуган.

– Ты не поверишь, – сказал юноша, – но в детстве я был очень тихий. Я играл сам с собой и никого не беспокоил, а после семи лет, не знаю почему, меня разобрало, и вот до сих пор разбирает.

На более поздних портретах Луи уже владел собой, и каждый раз характер менялся. Разные взгляды, позы, а также со вкусом подобранные костюмы – все было продумано заранее. Но неизменно присутствовала очаровательная улыбка.

– Что скажешь? – спросил маркиз.

– Они мне нравятся.

– То есть, ты хочешь сказать, что я тебе нравлюсь, – слукавил он.

– Когда вы рядом, я становлюсь сумасшедшей.

– Тогда я покажу тебе еще один портрет. Одну минуту...

Вскоре он вернулся с обещанным холстом. Это был тот самый портрет, который написал Этьен буквально два месяца назад. Портрет на фоне пейзажа.

Перед Мари, как живой, готовый сойти с холста, стоял юноша в довольно простой одежде, приветливо улыбающийся, с живыми, ясными, как небо, глазами. Золотистые кудри его будто подхватил легкий ветерок.

– И это чудо стоит укрытым от всех взоров? – удивилась Мари.

– Да, это действительно чудо. Художник – гений; между прочим, это он писал твой портрет два года назад, он подарил мне его.

– Подарил?

– Да. А это, – Луи указал на свой портрет, – не думаю, что понравится матушке.

– Но почему? Это самый лучший ваш портрет, – восторженно отважилась заявить девушка.

– Лучший или нет, а в таком виде она не одобрит. Этьен заставил меня снять камзол.

Действительно, на портрете Луи был без камзола, да ко всему в придачу, ворот рубашки был свободно развязан и небрежно обнажал грудь. И что говорить, если ни тени парадности не было в этом портрете.

– А вам-то нравится ваш портрет? – поинтересовалась Мари.

– Мне нравится, иначе я бы не взял его. Художник талантлив, но, кажется, я понимаю, почему его не приглашают знатные особы.

В этот момент послышались легкие шаги и шорох платья. Луи мгновенно обернулся и застыл в нерешительности. Герцогиня остановилась посреди комнаты и с удивлением посмотрела на портрет.

– Дитя мое, откуда это? – спросила она, с любопытством рассматривая холст.

– Этим летом, в Куломье, я позировал одному художнику.

– Невероятное сходство, – она смотрела то на портрет, то на Луи, сравнивая, – но почему же в таком непринужденном виде?

– Хорошо, что в таком виде, – улыбнулся Луи, – он хотел меня писать почти без одежды.

– Луи, – упрекнула она его за вольность.

– Да, он хотел написать «Суд Париса», но я не согласился. Пришлось пойти на компромисс. По-моему, неплохо.

– Разумеется, вы подарите это чудо мне? – уже спокойно спросила Анна.

Луи и Мари переглянулись.

– Ладно, если вы настаиваете.

– Конечно, настаиваю. А теперь расскажите-ка, чем вы тут занимались без меня.

– Как видите, мы рассматривали портрет, – не моргнув, ответил юноша, – а вообще-то я пришел, чтобы узнать: вы на самом деле хотите, чтобы после... свадьбы я уехал в имение отца?

– Да, милый, только ты не один же поедешь: что значит «я уехал»?

– Нет, решительно не могу постичь, почему я должен жениться именно теперь?

– Слушайте, дети мои, – как-то таинственно сказала герцогиня и, оглядев обоих, начала:

– Вы молоды, вы еще неразумны, многого не понимаете. А знаете, как я вышла замуж?... До последнего момента я знала своего жениха только по портрету. И я не смела противиться воле родителей. Мне сказали: ты будешь женой Франсуа Луи де Жуаньи... а о любви и речи не было. Брак заключается из надобности, а любовь непредсказуема. В любви нет ни королей, ни нищих. Это уж кому как Бог пошлет. Смиритесь, дети мои; все смирятся, и вы смиритесь... чуда не будет.

– Выходит, и король не король... – в задумчивости произнес Луи.

– Ничего тут не поделаешь, – прошептала Мари.

Маркиз быстро взглянул на нее.

– Значит, ты тоже согласна? Да, все всё знают, лишь я ни во что не верю и жду... да объясните же мне, наконец!..

– Время придет – сам все поймешь, Лулу, – сказала герцогиня.

– Эх! Да что же мне за наказание! – выдохнул он, махнул рукой и посмотрел на портрет, с которого на него смотрело беззаботное, счастливое лицо юноши.

Неожиданно Мари покачнулась и потеряла сознание. Луи успел ее подхватить, а затем перенес на диван. Герцогиня, которая имела привычку держать у себя средство от обмороков, тут же достала пузырек и, смочив платочек, дала его понюхать и растерла Мари виски. Девушка скоро очнулась.

- Что с тобой? – взволнованно спросил Луи, заглядывая в ее бледное личико.
 - Ничего страшного, мне уже лучше, – едва улыбнувшись, уверяла она.
 - Должно быть, от духоты, – спокойно сказала герцогиня, – Лулу, открой окошко.
- Луи моментально исполнил просьбу.

Мари уже села и продолжала говорить, что нет причин для беспокойства. Луи еще немного посидел и, убедившись, что девушка вне опасности, ушел. А герцогиня только подозрительно поглядывала, потому что не приходило ей на память, чтобы Мари когда-нибудь падала в обморок, и это насторожило.

На следующее утро герцогине доложили, что девушка не может прийти к ней, потому что нехорошо себя чувствует. Анна решила сама ее навестить и застала Мари в постели. Бледная, какая-то измученная, она лежала с полуприкрытыми глазами, и ей ничего сейчас не хотелось. Почувствовав прикосновение, девушка открыла глаза и увидела герцогиню.

- Что с тобой, девочка? К тебе уже вызвали врача? – спрашивала Анна.
- Нет, – проговорила Мари. – Вы не беспокойтесь, это пройдет.
- Что пройдет? Ты же не в силах встать.
- У меня голова кружится, но скоро пройдет.
- Голова, – повторила герцогиня и сказала: – Я велю принести завтрак сюда.
- Нет, не нужно.
- Ты совсем ослабла, девочка, надо выпить шоколаду.
- Я совсем не хочу есть, – Мари поморщилась и закрыла глаза.
- Скажи мне, милая, это впервые с тобой? – тихо поинтересовалась герцогиня.
- Знаете, сударыня, мне по утрам бывает плохо, вот уже несколько дней, – созналась

Мари.

- А ты еще и ешь плохо, я заметила.
- Я не могу смотреть на еду.

Тогда герцогиня задала ей пару деликатных вопросов, после чего озадаченно заключила:

- Я думаю, дорогая моя, что ты в положении.
- Как? – испугалась Мари.
- Все говорит об этом. Хорошо, если я ошибаюсь, но, скорее всего, нет. Врач посмотрит и подтвердит. Но чем меньше людей будут знать об этом, тем лучше.
- А Луи? – робко спросила Мари.
- Ох уж этот Луи, ни минуты покоя с ним нет. Ему не говори ни в коем случае.
- Но ведь он же...
- Я знаю. Только нет надобности будоражить его сейчас, да и стоит ли делать трагедию?

Я знаю хорошего врача, он поможет тебе избавиться от ребенка и тогда никто ни о чем не узнает.

- Нет, сударыня. Я никогда не сделаю этого, – ужаснулась Мари, – никогда.
- Глупая, тебе же лучше будет.

– Это грех, сударыня, – сурово проговорила она и подумала, что ни за что не откажется от ребенка уже потому, что Луи его отец, кроме того, она вспомнила рассказы тети Жанны о том, сколько девушек погибло от такой операции.

Решимость Мари, видимо, внушила уважение, и герцогиня примирительно сказала:

- Хотя ты и пообещала слушаться меня во всем, но на этот раз я не могу заставить тебя.

Я очень хорошо понимаю тебя, девочка, очень хорошо понимаю. Но подумай: скоро тайное станет явным, и что тогда?

- Только не выдавайте меня замуж, – взмолилась Мари, – только этого не делайте.
- А идея неплохая, – обрадовалась герцогиня.
- Нет, прошу вас.

– А что же делать, детка? Не хочешь ли ты опозорить нашу семью? Не бойся и ложись на меня. А Луи? Что же, если он нуждается в тебе (а это так), то достанет тебя на краю света. Увы, с этим уж ничего не поделаешь. Не знаю, в кого он такой. Так что отдыхай и ничего не бойся. А я приглашу врача. И смотри, Луи – ни слова.

Герцогиня ушла, а Мари погрузилась в невеселые думы. Неужели она ждет ребенка? Так неожиданно, странно. А может, это еще не так? И что делать, если ее насильно выдадут замуж? Она совсем не хочет.

В разгар переживаний в комнату ворвался их виновник. Он примостился на краю постели и, тревожно вглядываясь в лицо девушки, спрашивал:

– Как ты себя чувствуешь? Был доктор?

– Мне лучше, я скоро поднимусь, – печально ответила она.

– Что я могу сделать для тебя, любовь моя? – прижимая к своим щекам ее прохладные ладони, волновался маркиз.

Мари слабо улыбнулась и, покачав головой, сказала:

– Ничего не нужно, Луи, я здорова, вот увидишь.

Он немного успокоился и признался:

– Я все время думаю о тебе, лапушка. Я хочу быть с тобой, Мари.

– Не надо, не говори так.

– Я одну тебя люблю, одну лишь тебя, – с жаром шептал Луи.

У Мари сердце выпрыгивало. Она была готова сказать ему все и удерживала себя с таким трудом, что слезы заблестели у нее на ресницах.

– Почему ты плачешь? – недоумевал юноша.

– Не обращай внимания.

Луи принялся осушать ее слезы поцелуями.

Мари чувствовала себя самой счастливой и несчастной одновременно. Она видела его преданные, влюбленные глаза и не сомневалась ни одной минуты в искренности его слов. Но что же она теперь может сделать?

Герцогиня, как и обещала, привела врача. После осмотра он подтвердил уже высказанное предположение и поздравил Мари. Она не видела повода особо радоваться, но временами, когда действительность уходила на второй план, мечтала и радовалась. Ей не верилось, что она станет матерью в уже не столь отдаленном будущем.

Луи не понимал странного блеска в ее глазах, впрочем, его всегда притягивала их таинственность. А Мари ни в чем не чинила ему препятствий, полагая, что после его свадьбы они не увидятся долго. И не ошиблась.

Чем меньше оставалось до свадьбы, тем задумчивее становился Луи. Норовил почаще видеть Мари, почти забывал о бдительности дражайшей матушки. Но если бы она желала, то давно бы вмешалась. Анна побаивалась, как бы Мари случайно не проболталась о своем незавидном положении. Надо быть начеку.

Луи охотно бы просиживал часами у Мари, но ее внимания добивалась и герцогиня, так что сыну приходилось уступать. Однако он испытывал такое сильное желание не разлучаться с возлюбленной, что однажды навязался в помощники... Мари читала для герцогини вслух всякую всячину. Но в этот день в ее руках оказалась пьеса Шекспира, незабвенная «Ромео и Джульетта». Анна уже одобрительно кивнула в знак готовности слушать, как появился сын.

По глазам было видно, что он шел сюда в надежде застать Мари одну. На расспросы матери юноша что-то невнятно пробормотал и, заметив в руках девушки книгу, тут же заинтересовался, что читают.

– «Ромео и Джульетта» Шекспира, – спокойно сообщила Анна. – Вы разве не читали?

– Нет, только смотрел. И много вы нынче прочли?

– Да вот начинаем.

Луи сообразил, что ему делать. Какой удобный предлог! Маркиз с готовностью вызвался читать мужские роли, оставив Мари женские. Анна еще не успела толком разрешить, а он уже присел рядом с девушкой и с интересом заглядывал в книгу.

Это прочтение запомнилось всем троим. Луи, конечно, не просто читал текст. Он играл, виртуозно входя в образы, да так естественно, что заражал своим вдохновением Мари, и ее реплики уже звучали так живо.

Трагический конец неизбежен. У Анны давно текут слезы. Они закапали и у Мари, не шутя. Луи тоже так увлекся, что не заметил, как и в его глазах засверкали слезинки.

Произнесены последние слова. И вот ничто не нарушает скорбной тишины. Герцогиня глубоко задумалась, на пару минут позабыв о материнском долге. А эти двое сидят рядышком и не могут вместить в свои души той невыразимой муки, что так явно сошла со страниц трагедии. Оба думали, похоже, об одном. Мари беззвучно роняла слезы, незаметно сжала ладонь юноши. Луи поглядел на нее и сразу понял тоскливый, испуганный взгляд, и слезы, и все, все, все. Ее глаза говорили: «Если с тобой что-нибудь случится, я не смогу жить». Его глаза отвечали: «Люблю».

Ему пришлось уйти раньше, чем хотелось, иначе и он бы расплакался.

* * *

Об этой свадьбе много говорили. Устроили ее со всей пышностью, какую могли себе позволить. Красавицы жалели, что так рано их покидает неутомимый прелестник. Хотя многие надеялись, что ненадолго.

Луи был собран и сдержан, но не только от волнения, а еще и от тайного недовольства. Леонора же сияла, как солнышко, потому что была уверена, что сумеет прибрать к рукам непоседливого супруга, а если он начнет шалить, то она уж сумеет отомстить.

Мари тоже была на свадьбе, скорее по необходимости, но она держалась все время подальше, в толпе гостей, чтобы ее не видели. И Луи, сколько ни пытался взглядом найти ее, но так и не смог.

После праздника молодые уехали в Сен-Шели д'Апше, имение герцога. Там они должны провести медовый месяц.

А тем временем герцогиня Анна пыталась решить проблему с Мари. Вскоре ей удалось найти кандидата в мужья, который был согласен взять в жены приличную девушку в интересном положении, разумеется, с хорошим приданым. Но девушка не позволила учинить над собой такое насилие и в один прекрасный день исчезла.

Ее поискали и успокоились. Пропала и пропала, забот меньше. Правда, когда молодые вернулись в Париж и Луи узнал, что Мари сбежала, он пришел в такую ярость, что несколько дней ходил мрачнее тучи и никого не слушал. Но и ему пришлось смириться. Он все же тайком искал Мари в Париже, заглядывал даже в самые отвратительные притоны, не исключая никакую возможность. Но все тщетно. И он решил, что таинственная Мари скрылась где-нибудь в провинции. Искать ее там он не мог, а тут еще выяснилось, что Леонора ждет ребенка. Ясно, что из семьи его не выпускали. Оставалось одно – смириться и жаловаться своему другу на несправедливость судьбы.

20. Обещание

Ясным апрельским днем виконт д'Эперне въехал в ворота *** женского монастыря, находящегося в сорока милях от Парижа. Что же делал виконт в женском монастыре? Все очень просто: там воспитывалась его сестра Жаклин, которой недавно исполнилось пятнадцать лет. Люсьен приехал в сопровождении своего гувернера навестить ее и заодно сообщить, что родители скоро сами будут, чтобы увезти ее совсем.

Люсьен разговаривал с сестрой в отдельной комнатке. Жаклин ужасно обрадовалась брату и первым делом расцеловала его. Люсьен привез ей изящное зеркальце и конфеты – и все из Парижа! И тут, среди слов восторга и благодарности виконт услышал знакомое имя:

– ...Я обязательно поделюсь конфетами с Мари. Знаешь, мне так жаль бедняжку. У нее никого нет, и никто не навещает ее.

– С какой Мари? – обалдел виконт.

– Это моя подруга. А, ты не знаешь ее, она недавно у нас.

– Познакомь меня с ней, – тут же попросил Люсьен.

– Какой ты хитрый, братец, – посмеялась девушка, – так вот сразу и познакомиться хочешь.

– Я прошу, только позже, когда поговорим.

И вот, наговорившись с братом, Жаклин хитро сказала:

– Я познакомлю тебя с Мари, но только для того, чтобы ты привез ей в следующий раз что-нибудь.

– Почему же так? – не понял Люсьен, – может, она мне понравится, и я женюсь.

– Нет, не женишься, – уверенно заявила девушка и грустно сообщила: – У нее скоро ребеночек родится, так что не женишься; а она хорошая, добрая. Так жалко ее, право.

Люсьен совсем растерялся. Вот так новости. Но скоро все прояснилось. Жаклин сходила за подругой и, ведя ее за руку, весело говорила:

– Вот увидишь, он тебе понравится, – и представила ее прямо пред очи изумленного Люсьена.

– Это мой брат Люсьен, – щебетала Жаклин, – а это Мари. Знакомьтесь.

Как же так? В разговоре так часто звучало имя ее брата, а Мари и не подумала удивиться, тот ли это Люсьен или другой. Он, кажется, никогда не говорил о сестре. Мари смущенно опустила глаза и не знала, что сказать. Люсьен, тоже растерявшийся, невольно окинул взглядом ее располневшую фигуру, выступающий живот и остановился на печальном лице. Жаклин не понимала их молчания и в удивлении смотрела то на одного, то на другую.

– Ну, здравствуй, Мари, – наконец выговорил юноша.

– Здравствуйте, сударь, – тихо ответила она и подняла на него затуманенные глаза.

– Жаклин, ты можешь оставить нас? – попросил виконт.

– Хорошо, Люсьен, – согласилась девушка и, не споря, вышла, строя всевозможные догадки.

– Давно ты здесь? – спросил юноша, приглашая ее жестом сесть.

– С ноября. А я не знала, что у вас есть сестра.

– Она скоро уедет отсюда, – сказал Люсьен, что означало: и я тоже не приеду больше.

– Ну вот, теперь вы знаете, из-за чего я здесь, – спокойно говорила Мари.

– А Луи все время говорит о тебе, – вдруг сказал виконт, – он помнит тебя и, по-моему, все еще ждет, что ты вернешься.

– Нет, сударь, я не вернусь. Зачем? У него семья. Мешать им не хочу, и самой так спокойнее.

– Он мог бы позаботиться о тебе. Это ведь его ребенок...

– Он не знает, и будет лучше, если не узнает.

– Но почему? Подумай хотя бы о малыше. Что ты будешь делать? Куда пойдешь? Или ты будешь здесь?

– Я не знаю, сударь. Остались считанные дни. Бог даст, все будет хорошо. Не волнуйтесь за меня.

– Он любит тебя, – в раздумье сказал виконт, – поверь мне. Я хорошо знаю Луи. Ни одну женщину он так не уважал и не ценил. А его семья – одно название. Подумай, Мари, вы оба можете быть счастливы. Рядом с ним ты не пропадешь, будешь, как за каменной стеной. Он все для тебя сделает.

Мари отрицательно покачала головой.

– Не уговаривайте меня, – проговорила она с тихой улыбкой, – я не могу вернуться. И прошу вас, не говорите никому, что видели меня.

Люсьен тяжело вздохнул. Она же настаивала:

– Пожалуйста, обещайте мне, что не скажете Луи. Я знаю, что вам трудно дать такое обещание, вы его друг, но, ради всего святого, обещайте. Поверьте, так будет лучше для всех.

– Хорошо, – твердо сказал Люсьен, – я никому не скажу, обещаю.

– Благодарю вас, сударь.

– Меня не за что благодарить. Могу ли я чем-нибудь помочь?

– Я не нуждаюсь, – просто ответила Мари.

И все же Люсьен выложил свой кошелек и сказал:

– Понимаю, что это не утешение, но возьми.

– Что вы, сударь?

– Возьми, – строго потребовал он, – тебе могут понадобиться деньги и, если что, отправь мне письмо. – Люсьен взял перо и бумагу, лежавшие тут же, на письменном столе, и начеркал несколько строк, затем протянул лист Мари.

– Я очень благодарна вам, сударь, – признательно сказала она, – не знаю, увидимся ли мы еще, но я никогда не забуду вашего участия. Я, может, была бы рада воспользоваться вашими советами, но поймите меня правильно. Не из каприза я отказываюсь и прошу вас молчать. Мне очень жаль.

– Ты хоть иногда думаешь о нем? – вдруг спросил Люсьен.

– Я до смерти буду помнить его, – горячо призналась Мари.

– Я так и думал, – упавшим голосом сказал Люсьен и напомнил: – Так не забудь, если понадобится помощь, напиши, – я сделаю для тебя все, – он поднялся и собрался уходить, а Мари, немного удивленная его последними словами, признательно посмотрела.

Луй всегда затмевал его своим блеском, но ведь недаром же он гордился другом. По сути дела, у Луи не было иных друзей. Настоящим был только Люсьен, и Луи это отлично понимал и не променял бы такого друга ни на кого. Казалось, на что способен этот худощавый, стройный юноша с бледным лицом и темными выразительными глазами, всегда сдержанный, спокойный, порой хладнокровный? Но за дружбу, за честь встанет грудью и не предаст, – эта суровая решимость читалась в его глазах. Не потому ли на первый взгляд бесшабашный Луи держался за него, как за соломинку, в мире лжи и лицемерия. Луи, всегда веселый и легкомысленный, чуял людей, видел, кто настоящий, а кто – так себе; и с тех пор, как дружба накрепко связала его с Люсьеном, никому не давал он в обиду друга. Еще не было человека, который бы их поссорил.

Но почему Люсьен взялся помогать Мари? Из человеколюбия лишь только? Из чувства дружбы? Кто знает. Все, что имело отношение к Луи, он принимал как свое. И как теперь поступить? Сдержать обещание или сообщить, ведь Луи просил, если будут новости, говорить. Сложная была задача.

Люсьен побывал в монастыре еще раз, в июле месяце, когда забирали сестру. Тогда он встретился с Мари, на руках у которой уже был младенец – мальчик. Люсьен пытался убедить ее вернуться, но так ничего и не добился. Она по-прежнему умоляла его не сообщать Луи о встрече и о рождении ребенка, тем более что виконт проговорился и сказал, что у Леоноры на днях тоже родился мальчик. Мари так и осталась при своем и только благодарила юношу за его заботу.

Осенью Люсьену как-то довелось быть в тех краях, и он заехал в монастырь, но Мари там уже не нашел. Никто не знал, куда она уехала. Сказали только, что приехал за ней какой-то старик в карете, и она вместе с ребенком уехала с ним. С тех пор виконт потерял ее след. Не раз приходило ему в голову: верно ли он поступил, не сказав ничего Луи. Маркиз уж наверняка бы примчался в монастырь и уговорил ее. Но, может, Мари была права? Зачем тормозить прошлое? Луи, конечно, позаботился бы о ней, но нельзя забывать о Леоноре и ее матери, которые в каждой хорошенькой женщине, которой Луи улыбнется, подозревали его любовницу. Он и не пытался быть добродетельным супругом и не желал менять своих привычек. Единственным утешением оказался ребенок. Луи, хоть и не жаловал жену, но малыша любил.

«Так пусть все остается, как есть! – решил Люсьен. – Если уж суждено Мари и Луи быть рядом, они встретятся. А нет: никто из смертных не сумеет им помочь. А где же мое счастье? И суждено ли мне оно?» – безрадостно подумал Люсьен, выезжая на осеннюю дорогу, засыпанную сухими листьями.

* * *

P.S.: Луи попытался осторожно выведать у Жанны хоть что-нибудь о прошлом своей семьи. А вдруг она знает о тайной любви герцогини Анны? Только Жанна ничего интересного не рассказала. Ее взяли в дом, когда Луи родился. И, чтобы не вызвать у нее излишнего любопытства, маркиз больше ни о чем не спрашивал.

Часть II. Люсьен. Годы 1685–1686

Было около полудня, когда Элен спустилась в залу. Тут она застала Луи, который, лениво развалившись на диване, безучастно потягивал красное вино. Лицо Элен окаменело, впрочем, могла бы и не стараться, потому что молодой человек не обратил на ее появление никакого внимания. Но она, увидев, что никого поблизости нет, и зная, что Анна и Леонора заняты у портного, решила прямо высказать свое неудовольствие.

– Сударь, – предупредительно-холодным тоном отчеканила Элен, – оставьте в покое мою камеристку.

Он не ответил.

– Вы слышите? – настаивала Элен. – Не трогайте Сесиль.

Луи равнодушно поглядел на женщину и тихо проговорил:

– Какого черта? Хотите мне испортить настроение перед дежурством?

– Перестань прикидываться, – рассердилась Элен, – девчонка и недели не отработала, а ты уже лапы распускаешь.

– Она что, жаловалась? – нахально спросил он.

– Я сама видела, как ты ее в углу прижимал.

– Так ей же нравится...

– Замолчи, слушать тебя противно. Жену ни во что не ставишь.

– А она меня ставит во что-нибудь? Шлюха...

– Луи, не смей так говорить о моей дочери! – не на шутку разошлась Элен. – И к Сесиль не подходи. Да что же это такое? Ну ведь ни одной юбки не пропустишь! И в кого ты такой?

– Ну вот что, – поднимаясь, обычным решительным тоном заявил он, – в этом доме пока я хозяин. Вы все живете за мой счет: я вас кормлю, одеваю, на мои деньги вы покупаете побрякушки, а Леонора еще и в карты играет. Но все дела приходится вести мне. Вас даже летом в Куломье не затащишь, – деревня, видите ли. А не будь Сен-Шели да Куломье, вы бы нос не задирали.

– Нечего нас попрекать, – попыталась она возразить, но Луи продолжал:

– И учтите, мадам, слуги здесь тоже за мой счет живут, так что у меня на Сесиль не меньше прав, чем у вас.

– Тебе что, других девок мало?

– Я, между прочим, никого не заставляю.

Луи спокойно налил себе еще вина.

– Значит, надо полагать, что девчонку ты мне испортишь.

– Полагайте, как хотите, мадам, только оставьте меня в покое, мне ночью дежурить.

– Ах, дежурить. И поэтому ты напиваешься, – презрительно заметила Элен, уже собираясь уйти.

– Я не напиваюсь. К вечеру буду как стеклышко.

– Да, если учесть, что глаза у тебя уже стеклянные, то к вечеру ты остекленеешь совсем, – и она пошла по своим делам, но через минуту услышала выстрел, звон разбившегося вдребезги стекла и была принуждена вернуться. Луи сидел на диване, держа в руке пистолет, а разбитая рюмка валялась в нескольких шагах.

– Сударь, вы спятили? – возмутилась Элен.

– Вы опять тут? А я думал, вам некогда. Решил пистолет проверить. Стреляет... пока.

– Ни минуты покоя: то одно, то другое, когда же это кончится? – рассуждая сама с собой, Элен все же покинула залу, а Луи забрался на диван и моментально уснул.

* * *

Через пару дней, ближе к вечеру, в дом герцога пожаловал гость. Им оказался Люсьен. Он был возбужден и, видимо, торопился поделиться с другом приятной новостью. Его встретили женщины. Анна тут же устроила гостя в удобных креслах и принялась задавать множество вопросов. Элен, не участвуя в разговоре, мирно сидела чуть в сторонке и несколько равнодушно смотрела на молодого человека; похоже, она была погружена в свои мысли, не дававшие ей покоя. Леонора, улыбчивая и кокетливая, так и красовалась перед Люсьеном, что временами его смущало. К ее разочарованию, Люсьен за прошедшие шесть лет так и не удостоил ее особым вниманием, как ей того хотелось. Сейчас ее откровенный наряд, изящные позы, как и всегда, не оказали должного влияния на сдержанного в своих чувствах виконта. Люсьен, наконец, осведомился о Луи, ведь пришел он, собственно, к другу. При имени Луи Элен заинтересованно поглядела на молодого человека, а на лице Леоноры появилась недовольная гримаса. Не успела герцогиня Анна сказать что-либо, как Леонора заявила:

– Не понимаю, виконт, что общего между вами, человеком разумным и порядочным во всех отношениях, и моим муженьком, – последнее слово она выделила особо, так что Анна, бросив на невестку укоризненный взгляд, поторопилась загладить ее бестактность:

– Не обращайтесь внимания, сударь, вы же их знаете, вечно что-нибудь не поделят.

– Ну да, – иронично согласилась Леонора, которая и не собиралась молчать, – если вы так жаждете увидеть его, пожалуйста, только не смущайтесь, потому что он пьян, как...

– Леонора, неужели трудно догадаться и позвать Луи, – вмешалась Элен, – или хоть проводи гостя к нему.

– Да, с вашего разрешения, я сам к нему пойду, – поспешил Люсьен.

Слуга проводил его в оранжерею, где виконт увидел друга, мирно сидящего на кушетке и распивающего в одиночестве вино.

Луи любил, как сам выражался, «спасаться» от своих женщин среди зелени. И тут у него были свои «любимцы» – несколько цветков, за которыми он сам ухаживал, а в свое отсутствие доверял их только Жанне. Луи даже тюльпаны сажал, по настроению, а потом дарил их матери.

Вот и сейчас герцог полил своих «любимцев» и, совершенно довольный, неторопливо потягивал бордо.

Заметив виконта, он с радостной улыбкой поднялся навстречу и, крепко обняв его, тут же налил вина в принесенную предусмотрительным слугой рюмку. Люсьен знал, что отказываться напрасно, и поэтому безропотно выпил за здоровье друга.

– Я, видно, не вовремя? – уstraиваясь на стуле, спросил виконт.

– Вот еще, вы всегда вовремя, Люсьен. Давно не заходили.

– Дел много.

– И у меня тоже. Как там, эти «феи» вас не уморили?

– Нет, а с чего это вы тут один? Опять с Леонорой поссорились?

Луи был навеселе, но еще соображал, поэтому серьезно ответил:

– Зачем ссориться, когда у нас боевые действия идут без перемирий.

– А Франсуа? Как он?

– Франсуа и я – единственные мужчины в семье, нас надо беречь. Эти женщины... не могу, ну лезут, лезут со своим воспитанием, не дают мне ребенком заниматься. Мать балует его, Элен туда же, а этой вертихвостке наплевать на все. Я без конца с ними воюю, хочу, чтобы Франсуа вырос мужчиной... Вы ведь хотите что-то сказать, а? Выпейте еще.

– Благодарю, мне довольно, – вежливо отказался Люсьен, – я действительно хотел кое-что сказать. Меня посылают встречать итальянцев.

- Куда посылают? – не понял Луи.
- Ну, на границу, куда еще? Разумеется, буду сопровождать своего начальника.
- Поздравляю.
- Благодарю, но это не все. При мне говорили, что командиром сопроводительного отряда назначат вас.
- Меня? – переспросил герцог.
- Ну да, король одобрил вашу кандидатуру, так что завтра, видимо, вам скажут. Я так рад, что мы вместе поедem.
- Я, признаться, тоже рад. Наконец-то хоть какое-то дело. Можно неплохо проветриться, правда?
- Люсьен скромно согласился, потому что выражение «проветриться» означало у Луи большую гамму значений от легкой прогулки до самой рискованной авантюры, причем эти

приключения не обходились без женщин. Люсьен не то чтобы боялся выходов друга: безрассудный риск его привлекал мало.

– Помните, я говорил, что хочу купить полк? – печально спросил герцог.

– Да, – просиял виконт, – как скоро?

Луи тяжело вздохнул:

– Нет, друг мой, видно, нескоро. Король не разрешает. Говорит, я здесь ему нужен.

– Он прав, если подумать, – решив поддержать друга, заметил Люсьен.

Луи непонимающе взглянул.

– Нужно ли вам звание «полковника в слюнявчике»?⁴ – прямо пояснил виконт.

Герцог с негодованием ответил:

– Я не новобранец... не понимаю, как вы можете...

– Послушайте, но вы, можно сказать, командуете ротой.⁵

– Ротой командует король, – поправил герцог.

– Это разумеется, – согласился Люсьен, – хотя это формальность, но после капитан-лейтенанта вы первый офицер, ведь маркиз де Жонвель в годах. И уж поверьте, поручик мушкетеров – это не меньше, чем подполковник в армии.

– Я знаю, – улыбнулся герцог, – но вы ничего не понимаете. Мне надоело бездействие.

– По-моему, все военные в том же положении. Войны-то нет.

– Вы не понимаете... – повторил Луи и допил вино.

* * *

Уходя домой, Люсьен серьезно заметил:

– Луи, вы бы не пили так много.

– А что? – заинтересованно проговорил тот.

– Не надо, друг, поверь, все будет хорошо.

Луи ничего не ответил на это, только проводил Люсьена каким-то тоскливым взглядом. Разве он с горя пьет? Нет. А с чего? Просто, все мушкетеры лихо пьют. Что же он делает в мушкетерах? Служит королю и отечеству? Луи грустно усмехнулся. Долг дворянина обязывал его поступить на королевскую службу, где герцог проявил себя с лучшей стороны и теперь был уже поручиком второй мушкетерской роты. Но пора признаться самому себе, что только невозможность находиться в доме со своей семьей заставляла его предпочитать службу домашнему уюту.

Отчасти Луи был прав, говоря о бездействии. В мирное время он был обязан находиться в расположении своей роты четыре месяца в году. Служба казалась ему необременительной, но суетной. Однако все не так просто, как выглядело со стороны. Будучи одним из старших офицеров, герцог по необходимости бывал и в казармах, и в Версале. Король стремился держать своих подданных поближе к себе, а к герцогу де Сен-Шели явно благоволил, что многие замечали. Но королю ведь не было дела, что герцог в свои законные неслужебные дни наметил поездку в имение. Так и приходилось лавировать между двором, семьей и своими желаниями. При дворе Луи бывал часто, что нравилось отчаянным кокеткам Леоноре и Элен, но было не по душе самому герцогу, поскольку он ценил свободу и свежий воздух больше, чем необходимость рисоваться в залах Версаля. Но эту необходимость он все же осознавал как важную для будущего семьи, особенно для Франсуа, поэтому не жаловался.

⁴ «Полковниками в слюнявчиках» называли очень молодых, но состоятельных дворян, покупавших старшие офицерские чины. Таким полковникам было по восемнадцать лет, а то и меньше.

⁵ В мушкетерской роте в разные периоды служили от 50 до 250 человек. В описываемое время в королевской свите значились две роты по 250 человек.

Он умел драться, был храбр и сообразителен, подчиненные слушались его; он был дерзок и весел, пил так же лихо, как скакал в седле, не знал промаха не только в бою на шпагах, но и на любовном фронте. Женщины обожали этого бравого офицера, который умел быть не только дерзким, но и учтиво-нежным, знал, как развлечь и чем угодить, с ним никогда не было страшно, потому что лучшей защиты и не придумаешь. Слава донжуана не только не вредила ему, но, наоборот, повышала его цену в глазах светских красавиц. Однако никто в мире не понимал, что творилось в его душе, никто никогда не видел настоящего Луи... как знать, может, ему это только казалось.

Прошло шесть лет. Луи не мог не измениться. Конечно, он возмужал, и служба в королевской гвардии сыграла в этом не последнюю роль. Она дала ему отличную выправку, он понял, что значит быть настоящим мужчиной, наконец-то вырвался из женского окружения и усвоил некоторые грубоватые нравы гвардейцев, хотя ему это не мешало быть одним из самых галантных кавалеров двора. Он мог быть самой учтивостью и элегантностью, где нужно, но иногда, в приступах ярости, бывал неузнаваемо груб и циничен. Леонора это хорошо знала, поэтому и высказывалась при Люсьене свободно. Виконт тоже знал характер своего друга, но смотрел на его проявления с другой позиции.

Внешне Луи оставался тем же обаятельным красавцем, его улыбка отличалась той же лучезарностью, в глазах светилась та же плутовская искорка, но беззаботность... беззаботность юноши, запечатленная на той самой картине безродного художника Этьена, исчезла навсегда. Кроме того, несмотря на бравую выправку и особую статью, присущую лишь людям военного звания, Луи, в силу своей комплекции и привычки хорошо поесть, постепенно полнел, что не мешало его энергии и подвижности. Тем, кто относился к нему с обожанием, его упитанность даже нравилась. Но Леонора, испытывающая к мужу почти лютую ненависть, презрительно называла его свиньей и обжорой, особенно если видела его с бутылкой. Луи не уступал ей в силе своей ненависти. Теперь уже было трудно разобраться, кто из них прав, а кто виноват. Оба и не стремились быть образцовыми супругами, оба сквозь пальцы смотрели на любовные похождения друг друга, не испытывая ревности; но ненависть горела неугасимым пламенем, поэтому, когда хотелось побольнее ужалить свою половину, в ход шли обычно обвинения в распутстве. Их брак существовал лишь на бумаге. Леонора родила одного за другим двух сыновей, но старший умер в младенчестве. Тем не менее уже вскоре после рождения второго сына Луи предоставил жене полную свободу действий, но при условии: воспитывать чужих детей он не будет. Леонора и не обиделась, что он оставил ее, устремившись к многочисленным соблазнительницам двора; ей самой хотелось покорять сердца мужчин, а Луи был неинтересен уже потому, что он законный муж. Так что Леонора пустилась в вихрь опасных развлечений, забыв не только о чести семьи, но и о достойном воспитании сына. Рождение детей было для нее лишь досадным препятствием на пути к наслаждению; из-за беременности она оказалась надолго лишенной многих радостей жизни, и за это она отчасти злилась на Луи, ведь по его вине она становилась матерью. Дети пока не входили в планы Леоноры, и она делала все, чтобы их не было. А Луи приходилось отвыкать своего единственного наследника у баловавших его бабушек и мечтать о том, чтобы Франсуа вырос в обществе братьев и сестер. Разумеется, у герцога были внебрачные дети: о ком-то он знал, но обычно и представления не имел. Служанки и горничные в его доме не могли отказать своему хозяину, они предпочитали его своим неотесанным мужьям или ухажерам. Крестьянки в поместьях ликовали, когда он приезжал отдохнуть. Любая хорошенькая торговка на рынке считала своим долгом предложить свои услуги видному мушкетеру, а о светских дамах и говорить нечего.

Однако Луи, поначалу безрассудно принимавший все «блага» судьбы и тративший свои силы без всякого контроля, становился все более разборчивым. Он сторонился дешевых прионов и предпочитал тратиться на дорогих куртизанок. Он был готов обнимать и целовать

всех женщин, но старался избегать мимолетных связей. Красавиц-аристократок он не баловал и часто был доволен своими горничными да крестьянками. Выше всех ставил дорогостоящих куртизанок, если ему хотелось не только утолить плотскую страсть, но и провести время в приятном обществе. На такие меры его вынуждало не столько осознание того, что он рискует слишком рано исчерпать свой жизненный запас, сколько опасность на каждом шагу подхватить «модную» болезнь. Эта перспектива его нисколько не прельщала. Луи был готов умереть от удара шпаги, но не от болезни, тем более такой. И все же он рисковал.

1. Воспоминания

Весь вечер Люсьен не мог отделаться от странных чувств, охвативших его. Все началось с визита к Луи.

Виконт почти месяц не видел друга, и то, что он увидел, вывело его из равновесия. Казалось бы, ничего не произошло. Люсьен привык к мушкетерским замашкам герцога, знал, что тот порядочно выпивает (как и другие), не раз и не два слышал крепкое словцо, а то и отменное ругательство, срывавшееся как ни в чем не бывало с уст Луи. Но только сегодня вечером Люсьена внезапно осенило: он понял, что с другом происходит что-то нехорошее, и давно. Это происходит незаметно, надвигается постепенно. В последний раз Люсьен застал Луи играющим с сыном. Они резвились, как котята, оглашая дом звонким чистосердечным смехом. Такая радость появлялась у Луи лишь тогда, когда он общался с Франсуа или с другими детьми. Он покупал уличным ребятишкам булки или фрукты, катал мальчишек на своей лошади. В эти минуты он сам становился похож на ребенка какой-то особенной чистосердечной непосредственностью.

Нельзя сказать, что во все другие минуты жизни Луи был мрачен и скуп на улыбку. Если среди отдыхающих гвардейцев появлялся герцог де Сен-Шели, через пару минут они начинали хохотать так, что в таверне все дрожало и подпрыгивало. Луи буквально источал лучи радости и хорошего настроения. Но если у него самого что-то не ладилось, а это все же случалось нечасто, то лучше бы его и не трогать, иначе можно было услышать о себе столько интересного, чего вы и сами не знали прежде.

Люсьен в задумчивости вспоминал, как весело они отдыхали в Куломье, еще до того как Луи пошел служить. Он не мог забыть то лето, когда в Куломье появилась Мари. Но когда она исчезла и оставила по себе лишь горсть светлых воспоминаний, страдал не только Луи, страдал и Люсьен. Еще год или полтора Луи говорил о ней, не давая ране зажить. Потом перестал. Люсьен не знал, вспоминал ли герцог о ней или забыл, но сам он временами мысленно возвращался в то лето и думал о девушке с таинственными глазами.

Луи пошел служить и выглядел весьма довольным и гордым. В семье у него все время не ладилось, но он не хотел заботиться об этом, отвлекаясь на службе. Два года назад ушел из жизни его отец. Как ни тяжело было Луи, а пришлось убрать свои переживания подальше, чтобы утешить мать и тетю. Теперь он стал владельцем всего состояния и унаследовал титул герцога. Он взял заботы о нескольких имениях в свои руки, зная, что Анна не сможет вести дела, а Элен, хоть и энергична, но не так старательна. Особую же заботу Луи проявлял о своем любимом Куломье, лелеял его, как дитя.хлопоты не пропадали даром: имения, доставшиеся в хорошем состоянии, давали приличные доходы, теперь стали давать еще больше.

Со стороны жизнь герцога казалась весьма благополучной: без сомнений сделает карьеру, женат, имеет сына, значит, наследника. Молод, здоров и богат, вхож к королю – чего еще надо для счастья? Люди и сотовой доли этого счастья не имели и мечтали о какой-нибудь должностишке поближе к королевскому двору. А тут все само собой дается... И Луи не выглядел несчастным.

Часто занятый на службе или увлеченный какими-нибудь похождениями, он мало бывал дома и сожалел об этом только в связи с Франсуа. Остальные мало его заботили, вернее, матушка всегда дома и никуда не денется, и он рад видеть ее. Рад, когда это продолжалось недолго и матушка не успевала окутать его своей неумемной заботой. Жанну герцог тоже любил в большей степени как гаранта спокойствия и надежный причал. Но теща и жена не вызывали у него никакого энтузиазма.

На лето Анна выезжала в Куломье с внуком. Элен обычно оставалась в Париже присматривать за дочерью и зятем, хотя Луи также уезжал на маневры. Но если нет, то неделями не появлялся дома, проводя время в казармах на службе, или кутил, или ходил к любовникам. Элен пыталась запугать его тем, что расскажет Анне, но Луи только усмехался. За пару дней до возвращения матери он становился покладистым и вежливым до такой степени, что Элен прощала ему все выходки. К тому же она понимала всю несостоятельность жалоб. Ну, скажет она герцогине и что? Самой же придется потом выслушивать жалобы да еще упреки, ведь само собой разумеется, что, оставаясь присматривать за дочерью, Элен должна была следить за Луи.

Что же происходит с Луи? Может, заботы и служба отнимают много времени, а женщины и вино – много сил, и ему некогда подумать о себе, о своей судьбе? А может, он и не хочет думать? Он просто прожигает жизнь; только мысль о будущем сына заставляет его тревожиться о завтрашнем дне?

Сейчас Люсьен почему-то вспомнил, как состоялся его первый сексуальный опыт. Вспомнил, видимо, потому, что без Луи не обошлось. Это было, когда у герцога уже родился сын. Луи однажды сказал другу:

– Люсьен, по-моему, вам пора хоть ненадолго отвлечься от своих занятий. У меня есть идея...

Виконт не сразу догадался, куда клонит Луи, а когда понял, то было уже поздно, и Люсьен оценил широту замыслов своего друга. Дело в том, что Луи взял на себя инициативу в приобщении Люсьена к такой радости жизни, как женщина. До времени маркиз не вмешивался в личную жизнь друга, но внезапно решил положить конец его одинокой девственной жизни, и все из лучших побуждений. По мнению Луи, девушка может хранить свою невинность для любимого, ибо тот научит ее всему, а вот молодой человек обязан получить хороший опыт, и Луи знал, где и как его получить.

Был нежаркий весенний вечер, тянуло сыростью. Луи привел друга к хорошему двухэтажному особняку, дернул за шнурок.

– Вы уверены, что мы не припозднились? – спросил недоумевающий Люсьен, которому, признаться, не очень нравилась затея пойти в гости к незнакомым барышням. Но отказать казалось неудобным, потому что Луи, с присущей ему уверенностью, убедил друга, что две хорошенькие девушки давно пригласили их на вечеринку, что нет ничего зазорного в том, чтобы пойти к ним, потому что они хорошо воспитаны и у них в доме царит атмосфера добропорядочности и приличия. И хотя Люсьену показалось странным, что благовоспитанные девицы желают провести вечер наедине с двумя молодыми людьми, Луи все же одержал победу, не столько своими аргументами, сколько убедительностью. Кроме того, Люсьен знал, что друг, будучи сам падок до всяких развлечений, никогда не принуждал следовать своим привычкам других и весьма уважал его, Люсьена, сдержанность.

Итак, очень скоро друзья оказались в уютной прихожей. Опрятная и вежливая служанка проводила их в комнаты. В гостиной приятелям предложили сесть в кресла.

– Хозяйка просит прощения за небольшое опоздание, господа, – извинялась горничная, – подождите немного.

Молодые люди устроились в креслах. Люсьен настороженно разглядывал со вкусом обставленную гостиную. Все тут было красиво, изящно, без кричащей роскоши. Фарфоровые часы с амурами, недавно срезанные тюльпаны в блестящих фигурных вазах; спокойные пейзажи на стенах. Окна занавешены легкими шторами.

Луи хорошо знал эту гостиную, поэтому чувствовал себя как дома.

Наконец послышались легкие шаги и шорох юбок. Молодые люди поднялись с мест, а в гостиную, сопровождаемые служанкой, вошли две девушки. Одна – светловолосая, улыбка, с добрыми глазами. Ей было не больше двадцати лет. На ней красовалось светло-зеленое

атласное платье с умеренным декольте и неброскими оборочками. Вторая выглядела чуть постарше. У нее были темно-русые волосы, карие глаза и выразительные брови. Ее очень красило персикового цвета платье. Девушки выглядели мило и прилично, так что Люсьен на время позабыл о своих опасениях.

Светловолосая, одаривая гостей очаровательной улыбкой, сказала:

– Добро пожаловать к нам, господа. Очень рада вас видеть, сударь, – она подала руку Луи. Тот с готовностью поцеловал нежную кисть и тут же представил Люсьена. Виконт также поцеловал протянутую руку барышни. Ее звали Мадлен.

– Разрешите вам представить мою лучшую подругу Николь. Друзья столь же учтиво приветствовали девушку.

Почему-то Люсьен очень хорошо помнил момент приветствия, а потом... кажется, они сели за стол, разговаривали о каких-то безделицах, хотя, он помнил, его удивила образованность девушек. Более того, Луи почти не пил в тот вечер. Разговор становился оживленнее и веселее. Наконец, Мадлен велела подать лютню и, вручая ее Луи, просила спеть. Маркиз охотно исполнил несколько песен, и Люсьен помнил, с каким обожанием Мадлен смотрела на молодого человека, а вот Николь, казалось, не прочувствовала красоты голоса и чувств певца. Она решала иную задачу, бросая на Люсьена томные взгляды.

Уже дело шло к полуночи. Люсьен собрался было напомнить другу о том, что пора бы возвращаться домой, но Луи опередил его. Маркиз неожиданно поднялся с места и, улыбаясь, решительно заявил:

– Ужин великолепен; мы с Мадлен, пожалуй, пойдем, не будем вам мешать.

Девушка, не возразив ни слова, встала; взявшись за руки, парочка отправилась в соседнюю комнату. Луи напоследок оглянулся и ободряюще подмигнул опешившему другу. Люсьен остался наедине с Николь, которая ничуть не смутилась и чувствовала себя очень спокойно и уверенно.

В эту минуту виконт и понял, в чем дело. Ретироваться было поздно, да и некрасиво.

Люсьен еще досадовал на поступок друга, а Николь уже очутилась возле него и спокойно проговорила:

– Вы человек серьезный, я так и думала. Вы любите играть в шахматы?

Вопрос удивил виконта, и он охотно отозвался:

– О да, как вы догадались?

– Я догадливая, сударь. Сыграем?

– А вы умеете? – все больше удивлялся Люсьен.

– Вероятно, не так хорошо, как вы, но постараюсь, чтобы доставить вам удовольствие.

Люсьен успокоился. Поведение Николь перестало его пугать. Но он рано обрадовался. Девушка вручила ему белого короля и заявила:

– Вы, без сомнения, должны играть белыми. Вы мужчина, и вам карты в руки.

Люсьен промолчал и стал расставлять фигуры. Играли они недолго. Конечно, Николь знала, как ходят фигуры, но ее занимала вовсе не игра. Пока увлеченный юноша всерьез делал мастерские ходы, она мимоходом подливала ему вина и предлагала всяческие тосты. Временами Николь умышленно прикасалась к руке юноши. Он же, все еще серьезно принимавший игру, потерял бдительность. Наконец, Люсьен извиняющимся тоном объявил мат.

– Я знала, что вы победите, сударь, – тихо проговорила Николь и смешала фигуры на доске. Люсьен даже вздрогнул и увидел ее жаркий взгляд.

– Победителю полагается награда, – сладко сказала девушка и бесцеремонно забралась к виконту на колени.

Разгоряченный вином, Люсьен чувствовал, что не в состоянии дать ей отпор, да и не хотелось: ее близость стала возбуждать его.

– Ты очень хорош, такой милый, – шептала Николь ему на ухо. Недолго думая, она принялась его целовать в губы, и Люсьен обнял ее. Николь своими ласками и словами довела его до такого состояния, что юноша уже ничего так не желал, как утолить дикое желание. Все преграды, установленные разумом, рухнули в одно мгновение.

Отрезвление наступило утром, когда Люсьен обнаружил себя в чужой постели. Николь появилась перед ним в нарядном пеньюаре и с подносом в руках.

– Доброе утро, сударь, – как ни в чем не бывало улыбалась она, – я принесла вам завтрак.

Люсьен озадаченно взирал на девицу. Николь рассмеялась:

– Ну, что вы так смотрите? Я вас поздравляю: все было замечательно. А теперь, раз уж вы проснулись, умойтесь и подкрепитесь. Маркиз ждет вас.

Напоминание о Луи вернуло Люсьену уверенность. Он оделся, привел себя в порядок и выпил чашку кофе. Николь не упускала возможности приласкать его. Выйдя из спальни, в которой Люсьен уже не помнил, как очутился, виконт увидел развеселого друга. Тот все не мог расстаться со своей страстью, преспокойно целовал ее и ласкал белоснежную грудь.

Люсьен смущенно остановился, но Николь, пришедшая следом, без стеснения многозначительно кашлянула. Луи выпустил девицу и с приветствием бросился к другу. Мадлен, стыдливо улыбаясь, поправляла корсаж.

При расставании Люсьен поблагодарил Николь за радушие и незамедлительно получил приглашение прийти еще раз.

По дороге домой виконт высказал другу свое негодование, на что услышал:

– Вам что, не понравилось?

Люсьен покраснел и ответил:

– Я же не об этом говорю. Вы нечестно поступили со мной.

– Ну, это да, я согласен, прошу прощения. И все-таки: хорошо было или...

– Ради бога, не сейчас и не здесь.

– Ладно-ладно.

– И еще, Луи, я хотел спросить: нехорошо получилось. У меня же не было никаких намерений, а теперь что я должен делать?

Луи только усмехнулся и бодро сказал:

– Радуйтесь жизни, друг. У вас нет никаких обязательств перед Николь.

– То есть?

– Вы что, до сих пор ничего не поняли? – удивился маркиз. – Мы провели ночь у куртизанок.

– У куртизанок? – переспросил Люсьен.

– Ну да. Мадлен я хорошо знаю вот уже три года, ну, Николь видел пару раз.

– Я и не поверил бы, – признался Люсьен. – Сколько же стоит это удовольствие?

– Пустяки, все уже оплачено.

– Луи, я не хочу, чтобы вы за меня платили.

– Если пожелаете продолжить, будете сами платить, но сегодня считайте это подарком.

– Но Луи...

– И не собираюсь спорить. Хотите поспорить со мной?

– Это дорого? – не унимался виконт.

– В общем, недешево, друг мой, но стоит того. Вы же видели – там не притон какой-нибудь.

Люсьен не мог сердиться на Луи, но все случившееся с трудом укладывалось в голове.

Вспоминая эти дни, виконт с грустью отмечал, что тогда и он, и Луи гораздо больше радовались жизни. Несмотря на все трудности, дурное и неприятное почему-то испарялось из памяти, оставалось лишь хорошее. И вот теперь жизнь кажется безрадостной, проходит тихо и нудно, унося чистоту юности и делая и его, и Луи все менее привлекательными. Раньше недостатки прощались юности, теперь они отягощают душу. Хотелось перемен, безмятежной радости, сильных и глубоких чувств. Но жизнь предлагает совсем не то, что хочется, а то, что есть.

Как угадать свой путь? Как найти неуловимую фортуна? К чему стремиться и чего ради растрачивать свой душевный запас?

2. Ветер перемен

Весна всегда грезит переменами. Не обманула и на этот раз. Как и обещал Люсьен, Луи был назначен командовать сводным отрядом сопровождения, снаряженным для встречи и охраны итальянской делегации. Виконт д'Эперне находился в подчинении у французского дипломата графа де Вивьена и выступал в качестве атташе. В составе французской команды им предстояло встретить гостей и составить им приятную компанию по дороге в Париж.

Прибыли не только мужчины. Кое-кого сопровождали супруги. Граф де Вивьен и Люсьен должны были ехать в карете итальянского посланника, супруга которого была одета в строгое темное платье, а ее лицо почти скрывала густая вуаль. Французы после теплых приветствий представились сами. Вивьен, назвав себя, очень лестно отозвался о виконте:

– Юноша подает большие надежды...

Затем сообщил:

– Наша безопасность в надежных руках. Разрешите представить вам поручика второй мушкетерской роты герцога де Сен-Шели д'Апше.

Луи не замедлил отозваться:

– Всегда к вашим услугам...

В суматохе ни виконт, ни герцог не успели хорошенько разглядеть даму. Люсьен, правда, заметил, что она держится напряженно, словно ее смущает что-то. Луи же напугал своим галантным видом посланника, видно, ревностно охранявшего свои права на жену. А этот щеголеватый офицер, похоже, еще тот повеса. Даже форма выглядит на нем как модный наряд: алый жюстокор⁶ с серебряными галунами и такие же кюлоты,⁷ черные кавалерийские ботфорты с позолоченными шпорами, черная с белыми перьями шляпа и, само собой, лазоревый плащ с крестами и лилиями – этого достаточно для того, чтобы сердце любой женщины учащенно забилося, а у простого смертного вызвать почтение или страх. Нечего и говорить, что герцог надушен и аккуратно причесан, а как откровенен его взгляд, разумеется, брошенный на женщину. Это были мимолетные впечатления, они быстро улетучились, как только сели в шикарную карету: посланник с женой на одну сторону, граф и виконт – напротив. Офицер и его люди сопровождали кареты верхами.

Люсьену первое время не пришлось много говорить: беседу вел его начальник. Дама тоже не вмешивалась в разговор и, чуть склонив голову, смотрела в окно, а виконт невольно взглядывал на нее. Строгая, полная достоинства, но не чванная. Красивый благородный профиль, длинная шея... Она, видимо, почувствовала короткие, но пристальные взгляды молодого человека. Сначала невольно провела пальцами по щеке, но наконец не выдержала и, надеясь, что он не заметит, повернула лицо в его сторону и быстро взглянула. Она ошиблась: Люсьен как раз в этот миг обратил лицо в ее сторону; таким образом, их взгляды встретились. Вуаль не спасла женщину, пусть ей и хотелось того; Люсьена внезапно осенило. Он узнал ее, узнал... как же он так долго не догадывался? Просто не ожидал. Оба опустили глаза, будто испугавшись и стыдясь чего-то. Дама больше не смотрела в его сторону, а Люсьен долго не мог поднять на нее взор. В один миг в его голове все перепуталось. Неторопливый разговор послов ушел на второй план, сделался фоном. Кровь прилила к лицу, нахлынули воспоминания.

⁶ Жюстокор – кафтан прилегающего силуэта, расширенный книзу, с поясом-шарфом на линии талии, с застежкой на ряд мелких пуговиц и петлиц (обычно не застегивался). Покрой и термин заимствованы из военной форменной одежды. Жюстокор носили король и высшая знать.

⁷ Кюлоты – узкие штаны до колен.

Успокоившись, он вновь посмотрел на нее, уже сравнивая с тем, бывшим образом, и никак не мог поверить, что сейчас, прямо напротив, сидит перед ним Мари, та самая милая девушка из Куломье.

Внезапно посланник обратился к нему с вопросом, и Люсьен, насилу опомнившись, стал отвечать ему и скоро оказался собеседником, что и спасло его от чрезмерных впечатлений.

На первой же станции, где устроились на ужин и ночлег, Люсьен нашел способ сообщить свое открытие другу, до сих пор ничего не подозревавшему.

– Луи, вы знаете, кто эта дама? – спросил он.

– Вы говорите, как заговорщик, – усмехнулся герцог, – кажется, супруг ревнив, но для нас это не преграда. Друг мой, ее пуританство меня убивает. Я даже не разглядел ее лица, но уверяю, ей не более двадцати пяти лет.

– Ей двадцать два года, – уверенно сказал виконт.

– Вот что значит сопровождать непосредственно, – вздохнул Луи, – но ничего, и это не беда.

– Луи, вы все шутите. А я же серьезно... я узнал ее.

– Что значит «узнал»? – не понял герцог.

– Это она, – приглушенно произнес виконт.

– Вы, кажется, не в себе, – заметил герцог. – Она, ну, и что дальше? Вы уже влюблены?

– Мари, это она, – наконец-то выговорил виконт.

Луи устался на друга, не в силах ни говорить, ни двигаться.

– Это Мари, – повторил Люсьен уже спокойнее. – Она, конечно, нас сразу узнала.

– Она что, вышла замуж за этого старикашку? – в раздумье спросил самого себя герцог.

– Ради бога, Луи, мы не должны показывать, что знаем ее.

– Верно. Только я бы сейчас хотел провалиться куда-нибудь. Не представляю, как остаться спокойным. Ладно, пусть так. Мне пора, надо еще кое-что сделать, а вы развлекайте их. За мной дело не станет.

Луи не врал. Вернувшись после того, как раздал распоряжения своим людям и хозяину заведения, он присоединился ко всем. За столом наступило оживление. Посланник разговаривал с поручиком и остался очень доволен: Луи говорил по-итальянски без переводчика.

Мари уже не скрывала своего лица, и теперь Люсьен видел, что не ошибся. Луи, бросив пару цепких взглядов в ее сторону, больше не смотрел, а рассыпался в любезностях посланнику. А Люсьен, имея возможность заговорить с Мари, спасовал и помалкивал, поэтому его наставник завел с ней беседу.

В эту ночь трое совсем не спали.

Люсьен все терзался воспоминаниями, но скоро его мысли перешли в настоящее. Некогда Мари была тихой скромной девушкой, и он не сразу разглядел ее. А когда разглядел, было поздно: уже Луи всю атаковал неприступную крепость. Она же свое сердце отдала ему еще в первую встречу, так что Люсьен, вообще мало думавший тогда о женщинах, так и остался ни с чем. Но что вспоминать? Вот, Мари вновь перед ним: как она похорошела! С каким достоинством держится... настоящая дама. А в глазах – та же спокойная заводь. Но досадно, что она замужем. Что побудило ее отдать свою руку человеку, которого она не любит... Почему не любит? Это он, Люсьен, так думает, а что на самом деле, неизвестно.

Луи вертелся с боку на бок, но уснуть не мог. В его душе все кипело. Как, как она посмела выйти замуж за этого скучного посланника! Почему она скрылась? Зачем вновь появилась, ведь Луи уже смирился с ее отсутствием, а теперь... теперь он начнет все снова. Никакие мужья его не остановят. Никто не помешает ему вернуть то, что он считает своим.

Мари тоже не спала. Она, конечно, предполагала, что в Париже нечаянно встретится с Луи и Люсьеном. Но она не думала, что это произойдет гораздо раньше и что ей придется

дрожать от страха всю дорогу. Зато она все знает о них. Люсьен – юрист, адвокат, но волей судьбы привлечен на дипломатическую службу. Он все такой же серьезный, задумчивый, но, конечно, повзрослел, прибавилось у него солидности. Похоже, он еще не женился. Да, всю дорогу ей сидеть рядом с ним... неизбежно придется говорить. Она очень надеялась на благоразумие и осмотрительность виконта, и не зря.

А Луи... у Мари все оборвалось внутри, когда она увидела его в первый раз там, на границе. Он, оказывается, в королевской свите и уже в хорошем чине. Она увидела его сияющие глаза, незабываемую улыбку, услышала звонкий голос, но Луи показался ей другим. В нем появилось что-то такое, чего прежде не было: может, немного приземленности? Исчезла юношеская чистота, которую она видела прежде, пусть больше во внешности, но все же... Она сразу заметила, что он поправился, и нужно было хоть немного времени, чтобы привыкнуть к нему.

А ранним утром, несмотря на бессонную ночь, герцог де Сен-Шели был уже на ногах. Его активность поражала, ибо ничто не ускользало от его контроля. Луи на славу исполнял возложенные на него обязанности. Никаких проволочек: все организовано, четко. Лошади, комнаты, даже вино герцог сам проверял. С трудом верилось, что несколько лет назад он был капризным избалованным мальчишкой, изнывавшим от избытка сил и безделья.

Тронулись в путь. Не прошло и часа, как вдруг карета остановилась. Герцог де Сен-Шели уже гарцевал возле открывающейся дверцы.

– Что случилось? – в недоумении спрашивал он.

Посланник вышел из кареты и, сообщив, что его жене сделалось дурно, подал ей руку. Мари выбралась на свежий воздух, отдышалась. Следом вышли граф де Вивьен и виконт д'Эперне.

– Мне так неловко, что я причина задержки, – слабо говорила женщина по-итальянски мужу.

– Ничего-ничего, дорогая, мы немного повременим.

Луи спешился, покопался в сумке у седла и вручил посланнику небольшой пузырек.

– Возьмите, это верное средство от дурноты. Я сам неважно себя чувствую, когда долго еду в карете, потому и предпочитаю верховую езду.

– Благодарю, герцог, вы очень любезны.

Луи, мельком взглянув на женщину, скомандовал своим «вольно» и присоединился к Люсьену. Отделившись от остальных, они прогуливались. Луи пожаловался:

– Представьте, я всю ночь не спал, а теперь хоть распорки в глаза вставляй.

– Мне тоже не спалось, – поделился Люсьен. – Все, знаете ли, воспоминания лезли.

– И вам тоже? Как вы ее находите?

– Настоящая дама, – улыбнулся виконт.

– Ну, это я знал и прежде, друг мой. Черт бы побрал эти дурацкие обстоятельства. Я не могу представить, как подступиться к ней, робею, что ли?

– На вас это не похоже, – засмеялся Люсьен.

– Я и прежде не вполне понимал ее.

– Помню, но перед вами любая крепость рушится.

– Посмотрим, Люсьен, что будет на сей раз.

– Вы надеетесь завоевать ее вновь? – удивился виконт.

– Почему бы и нет? Думаете, она все забыла?

– Не знаю, Луи, – сдержанно отозвался Люсьен, – не знаю, как она, но вам нужно ли это?

Луи немного подумал, ведь до сих пор он знал только то, что собирается возобновить отношения с Мари, но чего ради?.. Такой вопрос даже не приходил ему в голову. Герцог все же ответил:

– Мне нужно, потому что ничто не забывается; за такую женщину можно и пострадать, она того стоит.

– Желаю удачи, – с грустной иронией произнес Люсьен.

Удивительно, Луи всегда открыто высказывал ему свои мысли и впечатления, но взамен не получал того же, правда, и не требовал. Люсьен больше наблюдал и делал выводы про себя, а не вслух, как Луи. Поэтому герцог не знал, что думал теперь его друг. Но Луи обладал особым свойством: неведение не смущало его, потому что он чувствовал, чувствовал гораздо острее, чем думали другие. В голове Люсьена работал уникальный анализатор, весьма логичный и точный, работало сознание – не торопясь, но верно. У Луи анализатор работал на уровне инстинкта, отсюда удивительная сообразительность и отличная реакция на все происходящее. Луи видел не глазами, а сердцем, и оно давало ему в одну секунду столько информации, сколько Люсьен мог перелопатить своими мозгами в течение минуты, а может, и нескольких дней. Так что Луи, не зная того, просто не нуждался в том, чтобы друг рассказывал ему все, что думает.

Друзья прекрасно дополняли друг друга.

Мари видела, как они беседовали, и в ее сердце закралась тоска по давешним золотым дням в Куломье. Там она была поглощена светлым и сильным чувством к Луи, его же друг терялся где-то на втором плане. Но без него она теперь не могла себе представить то лето. Луи и Люсьен остались в ее памяти как нечто нераздельное: как Кастор и Полидевк, как Орест и Пилад.

Скоро пустились в дорогу. Мари еще раз делалось плохо, но видимых препятствий не случилось, так что до Парижа добрались быстро и весело.

Люсьен, разумеется, разговаривал с Мари, но в присутствии спутников, поэтому и разговоры сводились к сторонним темам. Луи не удавалось заловить ее. Мари, видно, прилагала все усилия, чтобы не дать возможности пообщаться с ней наедине. Но Луи недаром считали мастером соблазна. Ему вовсе не обязательно было что-то говорить или выяснять. Достаточно было временами гарцевать у самого окошка, чтобы она его видела. Он ловко пользовался любыми моментами. Посланник на секунду отвлекся, говоря с Люсьеном. Его жена лишь поворачивает голову и ловит на себе красноречивый взгляд, краткий, но достаточный для того, чтобы ее дыхание само собой участилось. За столом герцог не раз наливал ей вино и произносил замечательные тосты.

Стоит ли говорить, что поручик оказывал даме массу мелких услуг: вовремя откинуть лестничку кареты, подать оброненную перчатку и в том же роде. Все он делал ловко, галантно и так, чтобы ревнивый супруг не истолковал его действия в дурном смысле. Посланник, однако, был очарован поручиком и не думал его подозревать, а в своей жене он был уверен.

Один лишь раз произошла встреча, во время которой Мари чуть не лишилась чувств. Поднявшись раньше всех, она вышла из комнаты. Казалось, все молчит, ни души. Не успела она сделать несколько шагов, как что-то ее насторожило. Мари невольно обернулась. В конце коридора, скрестив руки на груди, стоял герцог де Сен-Шели в полном вооружении. Он, видно, дежурил в этот час; сидеть ему надоело, вот он и прохаживался. Но появление Мари заставило его замереть в углу и наблюдать за ней.

Растерявшись, Мари смотрела ему в лицо и не знала, что сделать. Ей просто хотелось побыть одной, и она вышла, не подозревая, что ее покой бдительно охраняют.

Пока она думала, уйти ей обратно или прогуляться, Луи медленно, как бы совершая обход, двинулся на нее. Бежать было поздно и смешно. Мари не двигалась с места. Герцог тем временем приближался, не сводя с нее пристального взгляда, обещавшего полную непредсказуемость в действиях. Мари, кутая плечи в шаль, покорно склонила голову. Сейчас, когда он был в нескольких шагах, ей стало невмочь смотреть на него.

Луи остановился на расстоянии вытянутой руки. Видно, и он не знал, как ему поступить, и в раздумье смотрел на ее бледное лицо.

Мари подняла глаза, встретила его взгляд. Луи моргнул, но продолжал смотреть, как бы изучая.

– Там душно, вышла подышать, – оправдываясь, тихо проговорила она.

– Можно пойти на улицу, я составлю компанию, – предложил он.

– Благодарю вас, сударь, не стоит беспокоиться, – ровным голосом ответила она, чувствуя, что сердце колотится нестерпимо.

Она невольно вдохнула побольше воздуха и сделала шаг назад. Луи внезапно преградил ей дорогу, ненавязчиво, но уверенно прижал к стене. Мари повернула голову в сторону, чтобы не смотреть ему в лицо. Она не издала ни звука и только взволнованно дышала. Этот человек сейчас казался ей совсем другим. Его одежда, оружие, сила... новая сила, какой не было прежде. Но его движение невольно заставило ее трепетать. Не грубость, а страсть она почувствовала в этом стихийном порыве. Так ли это?

Мари повернулась лицом к лицу. Он смотрел широко открытыми глазами; ни капли сомнения во взгляде, но вместе с тем затаенная грусть, отчаяние от несбывшихся надежд, даже мольба. Секунду-другую они смотрели друг другу в глаза. Луи осторожно, будто боялся испугнуть, приблизил свое лицо и нежно коснулся ее губ. Мари вздрогнула от прикосновения, которое волной прокатилось от губ к сердцу. Не встретив решительного отпора, Луи страстно и все с той же трогательной лаской пил с ее губ поцелуй, показавшийся вечным. Победа рисовалась недалекой. Но вот схлынула волна желания, и Мари, опустив глаза, сделала движение, чтобы уйти. Луи не препятствовал, полагая, что для первого раза достаточно доказательств ее расположения. Он проводил ее испытующим взглядом до двери, за которой она быстро исчезла, точно призрак.

В дороге Мари уже раскаивалась в том, что позволила ему себя целовать. Как она могла? Почему не возразила? Теперь он думает, что она не против продолжения. Мари видела его сейчас из окошка и все дивилась: что нашло на нее? Чем он околдовал ее, заставив лишиться воли? Нет, она больше не позволит ни одной вольности. Пусть Луи только попробует ее тронуть... у него быстро пройдет желание искать благосклонности и легкой добычи. Увлечшись своими переживаниями, Мари не заметила, что Люсьен внимательно следит за ее мимикой. Все ее противоречивые мысли свелись на нет внезапно выплывшим ощущением трепетно-сладкого поцелуя.

Она была готова заплакать.

3. Ветер перемен (продолжение)

На какое-то время после приезда в Париж Луи потерял Мари из виду, потому что не имел отношения к дипломатическому ведомству и был занят на своей службе. А Люсьену повезло, так как он, хоть и редко, имел возможность видеть жену посланника на приемах. Однажды ему даже посчастливилось поговорить с ней наедине во время бала, в Версале.

Люсьен был скромн, но отнюдь не робок. Зная за собой такое качество, как нерешительность, виконт, конечно, немало страдал от этого, особенно на фоне избыточной активности своего друга. Но Люсьен не вешал голову при виде неудач. В глубине души он понимал, что Луи рано или поздно загубит себя своим безрассудством, почему и старался влиять на него, где возможно. Сам же не позволял себе упасть духом и, будучи человеком упорным и настойчивым, поставил перед собой цель – усовершенствовать свой характер. Именно поэтому уже теперь, в двадцать два года, Люсьен приобрел некоторую смелость, что и позволило ему, пусть и после нелегких размышлений, решительно подступить к предмету тайных дум.

Итак, на балу Люсьен неожиданно для себя оказался в паре с женой посланника: церемониймейстер так распорядился. А после умудрился завладеть ее вниманием и завести разговор.

Мари превосходно держалась; ей даже было приятно говорить теперь с человеком, которого она давно знает и которому очень благодарна за его услуги, оказанные в трудную минуту.

Виконт тем временем уловил момент для волнующих его вопросов. Прогуливаясь по парковым дорожкам, они оказались вне досягаемости посланника, и Люсьен не замедлил этим воспользоваться.

– Ради всего святого, расскажите, что с вами было? – попросил он. Мари замедлила шаг и спокойно отвечала:

– Стоит ли говорить о том, что уже давно минуло? Зачем вам?

– Воля ваша, сударыня. Признаюсь, я был в замешательстве, узнав, что вы покинули монастырь с неким человеком... Вы боялись, что вас найдут? Уверяю, я сдержал данное вам обещание.

– Я очень вам благодарна, сударь. Конечно, вы имеете право знать... Я вернулась на родину, а потом встретила человека, за которого и вышла замуж. Таким образом я оказалась в Италии. Моя жизнь сложилась удачно и, думаю, в этом есть и ваша заслуга.

– А ваш сын? Он остался дома? – приглушенно спросил виконт. Мари поникла и безрадостно ответила:

– Нет, сударь. У меня больше нет сына, и прошу вас, никому ни слова. Он умер, не прожив и года, так что не вспоминайте...

– Извините, я как-то не подумал, – смутился Люсьен.

– Это ничего, вы не могли знать. Вы не проговоритесь герцогу?

– Постараюсь. Кстати, он долго вспоминал вас.

– Правда? По-моему, Луи на своем месте: он способен сделать военную карьеру.

– Безусловно, – согласился виконт, – Луи на самом деле способен на многое, гораздо большее, чем думает сам. Но, увы, судьба не во всем ему благоприятствует.

– А мне казалось, что он удачлив, как никто другой, – с сомнением проговорила Мари.

– Удачлив, но далеко не во всем.

– У него, наверное, уже не один наследник...

– Нет, пока лишь один – Франсуа, слава богу, здоровый и резвый мальчик, – Люсьен не хотел говорить о том, что семейная жизнь герцога катится под откос, поэтому и ограничился бесстрастным ответом.

– Уверена, своего отношения к женщинам герцог не изменил, – улыбнулась Мари.

– Разумеется, – усмехнулся Люсьен. – Пожалуй, вошел во вкус – такова его натура, вы это лучше меня знаете.

Мари потупилась. Конечно, Люсьен был в курсе всего. Если Луи иногда и скрывал свои похождения, то это касалось именитых особ. В те же времена безмятежной юности он почти всегда делился с другом своими удачами и неудачами на любовном фронте, зная, что Люсьен не превратит его откровения в сплетни.

Они вели спокойный разговор. И как странно: никогда прежде Мари и не думала вот так просто, на равных, побеседовать с Люсьеном. А он теперь с ней на «вы», по этикету. Он не может перешагнуть эту грань воспитания. Интересно, как говорил бы с ней Луи, оказавшись наедине?

Виконт не так часто встречался с герцогом, тем дороже были эти встречи. Однажды совершенно случайно Люсьен увидел друга на улице, когда тот катал на своей лошади очень довольного мальчишку.

Не успел виконт подойти, как появилась молодая женщина. Она звала своего сынишку, но, увидев его на лошади офицера, приостановилась и все же крикнула:

– Эй, Жан, ты собираешься домой или нет? Сколько можно звать?

Герцог де Сен-Шели повернулся к ней лицом, в одно мгновение оценил ее миниатюрную фигуру и, расплывшись в улыбке, сказал игриво:

– Не волнуйтесь, мадам, ваше чадо в безопасности. Ну, дружище, – обратился он уже к мальчишке, – раз матушка велит, надо идти.

Мальчишка с досадой посмотрел на такого расчудесного мушкетера со шпагой и в ботфортах с позолоченными шпорами, но послушался. Луи снял его с седла.

Когда же мать взяла мальчонку за руку и повела прочь, герцог успел сказать вслед:

– Приходите еще, не пожалеете.

Женщина быстро оглянулась и прибавила шагу. Когда она ушла, Луи рассмеялся от души и, радостно приветствуя друга, заметил:

– Хороша, плутовка. Похоже, вдова. Люсьен обалдел:

– Вы ее знаете?

– Да впервые вижу. Как у вас дела?

– Превосходно, а все же, как вы узнали, что она вдова?

– Я не знаю точно, догоните, спросите, – он смеялся глазами, – но по походке – вдова, я редко ошибаюсь.

– По походке? – снисходительно проговорил виконт. – Это нелогично, друг мой. По-вашему, походка замужней женщины отличается от походки вдовы или незамужней?

– Ну да, так же, как груша от яблока.

– Это вы сочиняете, Луи, – не верил Люсьен.

– Вот еще. Вам этого не понять, и не трудитесь. Это другая математика.

– Так-так, ну, а вот скажите, только без лукавства, у Мари должна быть походка замужней дамы?

Луи перестал улыбаться и, коротко вздохнув, уверенно ответил:

– Не хочу вас разочаровывать, дружище, но у Мари, – он почему-то задержался на имени, – у Мари походка куртизанки высшего класса.

– Да как вы можете такое говорить?! – возмутился Люсьен. – Она замужем.

– Во-первых, мы наверняка не знаем, а верить на слово этому сморчку – глупо. Во-вторых, если она и замужем, то не так давно, а до этого... сами понимаете.

– Клевета! Ваш метод не выдерживает никакой критики, – волновался Люсьен.

– А вы-то что кипятитесь? Если случится узнать точно, что и как, тогда и дадите оценку моему методу. А сейчас – все слова. И к чему вы вспомнили о Мари? Вы ее видели?

– Да, видел, даже беседовал, но, как мне кажется, она не желает говорить о прошлом.

– Естественно.

– А вы, разве вы с тех пор не виделись с ней? – удивился Люсьен, припомнив намерения герцога.

– В том-то и дело, что не виделся. Все как-то недосуг, – признался Луи.

– Не помню, чтобы вам когда-нибудь что-нибудь мешало осуществить намеченные планы, – задел его Люсьен.

– А мне и теперь ничто не мешает. Просто было много дел: и на службе, и дома, а в этом деле нужен особый подход. Если в ближайшее время посланник ее не увезет, считайте – партия за мной.

Люсьен уже не в первый раз дивился самоуверенности друга, но и теперь пришел в замешательство. Если Луи твердо решил завоевать «крепость», ничто, кроме слишком неудачных обстоятельств, его не остановит.

А тут судьба еще подыграла ему. Как-то теплой июньской ночью взволнованный Люсьен примчался в дом герцога. Луи там не оказалось, и виконт, многократно извинившись, устремился по веселым заведением. Правда, сперва забежал к Мадлен, которая разочарованно заметила, что Луи с апреля еще не заявлялся.

Люсьен застал герцога в шумной компании офицеров в «Сосновой шишке».⁸ Судя по количеству пустых бутылок и состоянию весельчаков, нетрудно было догадаться, что они уже порядочно набрались.

Люсьен подошел к столу, поприветствовал всех и, сильно извиняясь, попросил разрешения похитить герцога на пару минут. Виконта чуть не усадили за стол, уже кто-то вручил ему кружку с вином. Люсьен им в угоду выпил за здоровье собравшихся и потянул за собой Луи.

Они вышли на улицу.

– Что-нибудь случилось, друг мой? – весело спросил герцог.

– Случилось, Луи. Вы всех докторов знаете. Мне нужен лучший врач по женской части. Луи расхохотался:

– Вам? По женской части? Черт возьми, Люсьен, вы же трезвы, как стеклышко...

– Ну, не смейтесь, – смутился виконт, – врач нужен, разумеется, даме.

– Что-нибудь с сестрой? – посерьезнел Луи.

– Нет. Речь о Мари.

– Вот сразу бы и сказали, а то... а что с ней?

Люсьен что-то шепнул ему на ухо и добавил чуть громче:

– Ее камеристка мне сказала. Луи озадаченно почесал затылок.

– Не знаю, право, в такое время... ладно, пойдемте. Попробуем достать врача. Неужто так серьезно?

– Боюсь, что да.

Хмель как рукой сняло. Распрощавшись с приятелями, Луи вместе с Люсьеном устремился за врачом.

Через день, до полудня, когда Мари, еще не совсем оправившаяся, лежала в постели, ей доложили, что герцог де Сен-Шели просит позволения видеть ее. Посланника в это время не было дома, так что Мари отметила про себя ловкость герцога. Она велела впустить его. Через

⁸ Популярный в Париже ресторан.

несколько мгновений поручик уверенно вошел в ее покои. Он с достоинством поклонился и устремил на нее прямой взгляд.

Мари показалась ему слишком бледной, но все же очаровательной. Ее распущенные волосы разметались по подушке, глаза подернуты легкой грустью. Она еще не успела пригласить гостя устроиться на стуле, как он, подойдя ближе и все так же глядя ей в лицо, тихо произнес:

– Ты прекрасна, моя дорогая, божественно прекрасна... – он уже склонился над ее рукой, потом неожиданно извлек из-за спины свежие бархатистые розы.

– Благодарю вас, сударь, – церемонно, но признательно отозвалась Мари и пригласила его сесть.

– Как ты себя чувствуешь? – незамедлительно спросил герцог.

– Гораздо лучше, сударь, и я обязана вам.

– Не преувеличивай, – сказал он, – благодари Люсьена. Это он искал меня ночью по всему городу, и то лишь потому, что сам не знал, к кому лучше обратиться.

– Все равно, и вы тоже потревожились, – настаивала она.

– Мари, дорогая, мне бы хотелось кое-что уяснить для себя...

– Что именно?

– Если бы на твоём месте была моя жена, я бы не удивился. Но ты... избавляться от ребенка своего мужа? Не поверю никогда.

Мари смущенно опустила ресницы. Легкий румянец выступил на ее щеках. Она не думала, что Луи так осведомлен.

– Обязана ли я отвечать вам, сударь? – сдержанно спросила она.

– Не обязана, радость моя, но лучше ответить, потому что я не отступлюсь.

– Хорошо, но только между нами; увы, я не имею сил возражать вам.

– И прекрасно.

– Мой муж не захотел этого ребенка.

– Что? – усмехнулся Луи. – Охотно верю, что он не захотел. Но, дорогая, обычно муж не хочет ребенка в том случае, если не уверен в своем отцовстве. Не думаю, чтобы у твоего так называемого супруга были причины тебя подозревать.

– Что вы хотите этим сказать? – растерянno проговорила Мари.

– Только то, что у тебя нет никакого мужа.

– Как вы можете? – вспыхнула она.

– Я не прав? – уверенно воскликнул он.

– Откуда, откуда вам все известно? – не выдержала Мари. – И зачем вы терзаете меня?

– Не бойся, милая, просто я наблюдателен, вот и сделал кое-какие выводы, и оказался прав. А теперь, когда ты призналась, расскажи мне о том, что стряслось тогда? Почему ты исчезла? Ведь я помню, как ты отвергла мое предложение, считала его неприличным. И что же? Вышло то же самое, если не хуже. Какого черта нужно проводить лучшие годы в обществе всяких посланников? Рассказывай, что с тобой было.

Мари, чрезвычайно смущенная, застыдилась и ответила:

– Что мне рассказывать вам, сударь, когда вы сами обо всем знаете? Да, в сущности, получилось так, как вы сказали. Но это же лучше, чем жить в веселом доме.

– Было бы лучше остаться со мной, – твердо сказал он.

– Я не могла остаться, – беспомощно пролепетала Мари.

– Почему? – не спрашивая позволения, герцог присел на край кровати.

– У меня были причины.

– Какие? – настаивал он.

– Я не могла оставаться, когда вы женились.

– Ну да, это же непорядочно, зато ублажать ревнивого деспота вполне прилично.

– Луи, я умоляю вас, не мучьте меня.

– Радость моя, как приятно, что ты назвала меня по имени, – просиял герцог, – бедняжка, я не собираюсь тебя мучить, я спасу тебя.

– Как понимать вас? – насторожилась Мари.

– Бедняжка, – повторил он и, погладив ее по волосам и щеке, продолжал: – ты совсем захла в неумелых руках. Разве способен твой посланник оценить сокровище, которым владеет? Я не допущу, чтобы прекрасный цветок увял раньше времени. Я знаю, что тебе нужно.

– Ради бога, что вы еще придумали? – испугалась она.

Луи лишь блаженно улыбнулся и, ласково поцеловав ее, сказал:

– Выздоровливай, душа моя, скоро мы увидимся.

– Нужно ли это? – отважилась спросить Мари.

Герцог внимательно посмотрел ей в лицо и совершенно чарующим голосом проговорил:

– Я верил, что ты вернешься. Я скучал по тебе.

– Думаю, у вас было немало утешений.

– Не утешений, а женщин, но это не имеет значения.

– Почему же? Для меня имеет...

– Ты не понимаешь, – сказал он.

– Чего именно? – удивилась Мари.

– Ты не понимаешь, что такое любовь.

– Нет, понимаю. И понимаю, как ее понимают мужчины.

– Неужто? – заинтересованно спросил он.

– Это несложно. Вы соблазняетесь на смазливые личики, ножки, грудь и прочие подробности, и поэтому вам легко и просто порхать от одной возлюбленной к другой, оправдывая все природным влечением.

– Ну и что? – спокойно возразил герцог. – Я же и не утверждаю, что это любовь. Ах, Мари, что с тобой случилось? И я, видимо, виноват... Ну, стало быть, мне и надлежит исправить ошибки...

Когда он исчез за дверью, Мари еще долго волновалась, а на ее щеке, шее, губах горело прикосновение его руки и губ. Вернулись прежние терзания: рассудком она боялась встреч с Луи, понимая их несостоятельность для себя, а сердце ее горело жарким пламенем. Луи своим присутствием, своими речами, действиями волновал ее, затрагивая какие-то глубокие, неизвестные ей самой струны.

4. Carpe diem⁹

Мари приняла решение: ни в коем случае не позволить Луи осуществить его дерзкие планы. Так она себе говорила, так предполагала действовать.

С посланником она порвала отношения, но внешне ей приходилось еще делать вид, что она с ним. Мари надеялась лишь на скорую возможность отъезда.

В доме герцога уже знали, что Мари в Париже, знали, что она теперь видная дама, но женщины молчали. Только по некоторым осторожным взглядам можно было догадываться о любопытстве, сжигающем их. Леонора многозначительно усмехалась, когда нечаянно упоминалось в речи какое-нибудь посольство. Элен вдруг становилась замкнутой и пытливо поглядывала на Луи. Одна лишь Анна сохраняла видимое безразличие, сама же только и ждала появления новых сплетен. Но Луи не замечал ничего или не хотел замечать. Все его беспокойное существо устремилось к одной цели. А это значило, что силы удвоились, мысли бесконечно подпитывали стремление, и ничто уже не могло остановить зародившегося урагана. Мать это видела, и понимала, и боялась.

Как было обещано, они встретились.

Уже стемнело, когда прибежала служанка и взволнованно сообщила:

– Госпожа, к нам пришел офицер, помните, герцог де Сен-Шели? Он просит помощи.

– Помощи? – встревожилась Мари и поспешила в гостиную.

Луи, улыбаясь, подошел к ней и поцеловал руку. Мари тревожным взглядом окинула его фигуру, уж больно не вязалась непринужденная улыбка с просьбой о помощи. Она заметила, что плащ у него разодран и с волосами что-то не то.

– Что случилось, сударь? Чем я могу помочь? – без предисловий спросила Мари.

– О, пара пустяков. Твоя очаровательная Нини уже несет воду. Я буду очень признателен, если ты окажешь мне небольшую услугу. Видишь, я опять побывал в истории. Тут пожар неподалеку.

– Ах, да, я слышала. Вы присаживайтесь.

– Вот, я оттуда. Случайно там оказался и обжегся. Мог бы пойти домой, но далеко, думаю, надо перевязать.

– Показывайте ваш ожог сей же час, – потребовала Мари.

Удивленный ее строгим тоном, Луи продемонстрировал ей пострадавшую руку и очень обрадовался, что Мари не падает в обморок при виде раны.

– Правильно сделали, что зашли, это нужно срочно обработать. Нини, вода готова? Не забудь чистую материю. Извините, я пойду возьму мазь.

Уже колдуя над рукой герцога, Мари спросила:

– Как же вы умудрились обжечься? Вы тушили пожар? Да?

– Нет, но в доме побывал. Мне везет на приключения. Горящая доска упала.

– Боже милостивый...

– Еще секунда – и конец. Как все повалилось! Так что это пустяки, могло быть гораздо хуже.

– Наверное, вам очень больно, – сочувственно проговорила Мари.

– Ничего, заживет. Я ведь не знал, что ты теперь здесь живешь, зашел наобум.

Она опустила глаза, но ответила:

– Он уехал один. А я пока сняла эти комнаты. Хотите чего-нибудь выпить?

– Не откажусь.

– И на ужин оставайтесь, если, конечно, не слишком торопитесь.

⁹ «Лови день» (лат.), то есть «не теряй времени даром».

– Так ведь и останусь, – лукаво отозвался он.

Луи любил поесть и ел много. Но, что замечательно, он никогда не торопился, не глотал пищу большими кусками. Думал ли он о своем здоровье? Вряд ли. Просто наслаждался каждым кусочком. И сейчас, сидя за столом в обществе Мари, он блаженствовал.

– Так хорошо, – повторил он уже второй раз и добавил: – Не люблю обедать на службе. Там вечно куда-то спешишь, никакого удовольствия...

Мари затаенно улыбнулась и заметила:

– Мне кажется, вы готовы искать удовольствие во всем.

– А как же? – обрадовался он. – По-моему, иначе жизнь – весьма тоскливая штука.

– Вы серьезно так думаете?

– Почти, – улыбался он.

– Что значит «почти»?

– Раньше я только так и думал. Теперь – почти. Что же делать, моя дорогая, если убрать удовольствия?

– Что-нибудь, ведь не все их получают постоянно. Да и смысл жизни, разве он в удовольствии?

– Нет, конечно. Но что остается нам, простым смертным? И что такое смысл жизни? Слова, только слова. Люсьена бы сюда, он эту мысль разовьет так, что и концов не найдешь. Ты мне лучше расскажи, что собираешься делать дальше.

– Не знаю, Луи, – сдержанно отвечала она, – пока не решила. Возможно, уеду обратно в Италию.

– И что до сих пор мешало уехать? – заинтересованно спросил он.

– Ничто не мешало. Не могу решиться на что-нибудь.

– Ясно, – точно отрезал герцог, и Мари после этого «ясно» уже нечего было добавить.

Он же, оставаясь серьезным и в то же время умиротворенно-довольным, просто предположил:

– Я бы мог снять для тебя дом или даже купить.

Мари поспешила отказаться:

– Благодарю вас, сударь, но я не нуждаюсь: у меня достаточно средств, чтобы жить в этом доме.

Луи наклонился в ее сторону и тише проговорил:

– Но деньги не вечные. Ты не имеешь доходов, разве что место посланника уже кто-нибудь занял.

Мари не смотрела ему в лицо, смущенно опустив ресницы, но ответила:

– Не шутите так, Луи. Если вас очень волнует, я успокою вас: никого нет, путь свободен, но между мной и вами не может быть никаких денег, я не хочу быть обязанной больше, чем теперь.

Луи посмотрел ей в глаза и ровно ответил:

– Ты не поняла меня, Мари. Я даю не в долг и не прошу тебя оплачивать мои старания. Боюсь, что кроме меня тебе никто этого не предложит. Неужели есть необходимость платить этим нудным старикам, зависеть от их чудачеств... мне ты ничего не должна. Воля твоя, но если понадобятся средства, смело обращай ко мне.

– Благодарю вас, – совсем растерялась она, – я очень вам признательна, простите, если не так поняла... но деньги... нет.

– Мари, я никогда ни одну женщину не принуждаю уделять мне внимание, никогда. Ты ничем не обязана мне, и я ничего не прошу у тебя.

– Как же понимать ваши действия в то утро? – строго глядя на него, спросила Мари.

– Утро? – повторил он и загадочно улыбнулся. – Тебе это не понравилось?

Мари поняла, что краснеет, взволнованно поправила волосы.

– Ну же, будь искренней, – настаивал он. – Может, я оскорбил тебя? Обидел? Я готов принести свои извинения.

Она не могла найти нужных слов. Луи заключил:

– Так вот, радость моя, ни теперь, ни впредь я не позволю себе ничего такого, что было бы для тебя оскорбительным, а если что-нибудь не понравится, ведь ты же мне скажешь? Разве нет? Требовать, вынуждать – упаси Боже. Я настойчив, это правда, но я знаю границы, которые нельзя переступить. Остальное же – в твоей власти.

Мари в раздумье ответила:

– Не кажется ли вам, что обстоятельства теперь иные, что и вы, и я – уже не те, что были вчера. Не слишком ли прошлое тяготеет над вами?

Луи рассмеялся и бодро заявил:

– Прошлое? Ты меня удивляешь. Я, конечно, кое-что вспомнил, но, бог мой, думаю я только о том, что может быть сейчас, сегодня, теперь. Настоящее может оказаться прекраснее прошлого, не думаешь так?

– А вы оптимист, – наконец улыбнулась она.

– Со стороны виднее, – странно отозвался Луи и громче произнес: – Ну, мне пора идти. Ужин замечательный, вот так бы почаще. Поговорили на славу, надеюсь, не в последний раз.

Луи уже целовал ей руку. Мари только теперь ощутила, что не хочет лишаться его общества. Кажется, посидели совсем недолго, а часы показывают уже полдвенадцатого ночи.

– Извините, сударь, я должна была следить за временем. Дома вас, верно, ждут и волнуются.

– Мари, о чем ты? Я прихожу домой, когда хочу, и все это знают. Матушка, конечно, волнуется. Сейчас еще повязку заметит... ничего. А ты не скучай, скоро я появлюсь, если ты не против, – он остановил на ее лице заинтересованный взгляд.

Мари еще думала, как лучше сказать, а Луи спокойно погладил ее по щеке, провел пальцами по подбородку.

– Ведь ты не против, если я зайду как-нибудь?

– Я буду рада вам, – тихо ответила Мари, глядя ему в лицо.

Луи ушел, а она все не ложилась спать, да и когда легла, все не могла успокоиться. Он прав, прав тысячу раз: она не чувствовала себя оскорбленной в то утро, когда Луи дерзко поцеловал ее. Лишь успокаивая свою совесть, она говорила себе, что не позволит ему ничего, а делала все наоборот. Он не заставляет ее, хоть и дерзает, – и это правда. Зачем его винить, если она сама не способна дать отпор? Почему? Просто не хочет. Чего же она хочет? Мари не рискнула посмотреть правде в глаза. Дыханию в груди было тесно, глаза беспокойно смотрели в темноту. Каждая минута длилась вечность. То, что она чувствовала, не подчинялось разуму. Ей хотелось забыться, отрешиться от всех условий: от своего происхождения, от положения в обществе, от прошлого; не видеть и не знать ничего, кроме стремления собственной души. В этом свободном мире мечты она воображала себя рядом с Луи. Как было бы хорошо, если бы жизнь потекла по законам сна, когда возможны самые дерзкие помыслы! Но возвращается сознание, греза мгновенно исчезает, и остается неуютная и «топорная» действительность, точно клетка, из которой нет выхода. Ничего не остается, кроме как принимать ее и жить по ее же законам. Точно так же томится душа, когда приходит сознание того, что она и могла бы передвигаться свободно, однако же тело неизбежно удерживает ее, но... ведь до поры до времени...

Только утром Мари узнала от служанки, что Луи не случайно получил ожог. Он вошел в горящий дом и вынес оттуда девочку, дочь лавочника. Удивительно, как он вовремя успел, ведь как только выбежал из огня, полыхающие косяки и балки обвалились, так что Луи легко

отделался. Служанка узнала все от соседской кухарки, которая видела собственными глазами, что творилось у горящего дома, а потом заметила, как Луи выходил из дома Мари.

* * *

Буквально через неделю пришло приглашение на бал. Мари долго думала, принять ли его, так как решила, что его прислал герцог де Сен-Шели. Но ошиблась.

Накануне назначенного дня она получила вежливую записку и цветы от виконта д'Эперне, который учтиво просил разрешения сопровождать ее и прислать карету.

В первую минуту Мари грешным делом подумала, что Луи попросил друга о такой услуге. Но нет, зачем же так думать? Люсьен, конечно, лучший друг герцога, но вряд ли бесцеремонный Луи попросит его о помощи в делах сердечных, это было бы неуважительно, слишком неуважительно.

Мари, раздумывая о том, будет ли герцог на балу, решила принять приглашение виконта.

Люсьен не скрывал своей радости, когда увидел перед собой нарядную женщину, согласную провести этот вечер с ним. В карете они говорили мало, но от Мари не ускользнул ни один внимательный жест виконта, ни одна затаенно-радостная улыбка, невольно появлявшаяся на его губах. Откуда столь подчеркнутое внимание? Мари не могла сосредоточиться. Может, ее прошлое теперь понятно Люсьену, и он пользуется возможностью завязать отношения с дамой, которая кажется доступнее остальных, да и ответственности меньше? Она не хотела так думать о человеке, представлявшемся ей скромным и честным. Тогда что же? Она сама его интересуется? Чем? В ее же голове непрестанно вертелись мысли о герцоге, ставшем для нее необъяснимым магнитом, волнующим, увлекающим куда-то, так что ей хотелось пойти за ним.

Мари давно привыкла к балам и всякого рода публичным развлечениям. Она сама была в некотором смысле развлечением и непременным украшением на всевозможных собраниях. Поэтому она держалась свободно. Придворные сплетники уже обсуждали ее появление в сопровождении виконта д'Эперне. Неужели молодой человек с безупречной репутацией взял на содержание недавнюю «супругу» итальянского посланника? Люсьен ровным счетом ничего не замечал и заботился о своей даме, впрочем, не сковывая ее действий и не заставляя уделять все внимание своей особе.

Герцог де Сен-Шели тоже оказался на этом балу. Он явился с женой и графиней де Лорм, а герцогиня Анна осталась дома, сославшись на головную боль.

Мари впервые за последнее время увидела герцога не в форме, да еще в обязательном по такому случаю парике. Луи выглядит так величественно, роскошно, что подойти к нему без трепета невозможно. И только люди, хорошо знающие герцога, заговаривают с ним легко, потому что на деле герцог прост и общителен.

Его шикарный наряд ничуть не заслоняет самого Луи. С первых слов вы уже не замечаете ни потрясающих туфель на высоких каблуках, ни великолепно сидящего камзола из очень дорогой и модной ткани, ни щегольских чулок с вышивкой, ни малочисленных, но безумно дорогих украшений, – всего этого, повторяем, вы уже не видите через пару минут разговора с герцогом. Вы видите его сияющие весельем глаза, не сходящую с лица чистосердечную улыбку; он словно окутывает вас неким доброжелательным облаком. От него исходит бесконечная энергия, светлая, заряжающая вас тем же весельем и радостью. Не заметить Луи было просто невозможно: вокруг него всегда царило оживленное веселье; красотки не спускали с него глаз.

Леонора первой заметила Мари и язвительно спросила у мужа:

– Не вы ли пригласили эту нахалку?

С лица Луи сошла улыбка. Он недоуменно произнес:

– Не понимаю, о чем речь.

– Ну, не прикидывайтесь, ваша давнишняя пассия, ваша бывшая горничная теперь высоко взлетела, но мы-то знаем, каким образом. Бедный виконт оказывает вам такие услуги, и вам не стыдно?

Луи заметил Люсьена и Мари.

– Ах, вот о чем речь. Нет, дорогая, к сожалению, я женат и не могу пригласить, кого мне хочется. А Люсьен храбрец, я горжусь им.

Леонора очень скоро оставила герцога, чему он был весьма рад, а Элен присоединилась к женщинам своего возраста: поболтать, посплетничать, хотя церемониймейстер часто ставил ее с кем-нибудь в пару танцевать. Так или иначе, она бдительно не спускала глаз с Луи, следя, чтобы он не выпил лишнего, но уследить за ним было чертовски трудно: он появлялся то тут, то там. Минуту назад он разговаривал с молодыми дворянами и сослуживцами, а теперь морочит голову девице, которая просто светится от счастья. У Элен голова болит не только за Луи, но и за Леонору. Ее слишком вольное и откровенное поведение все больше смущает и удручает мать.

Элен и переживала, и боялась за Луи. К своему стыду, за него она боялась куда больше, чем за собственную дочь.

Ей так досадно было видеть (а вышло, что в течение нескольких лет она наблюдала все метаморфозы), как доверчивый, способный искренне любить и жертвовать для любви самой жизнью мальчик превращался в циничного жуира, которому, казалось, без разницы, с кем провести ночь. Элен верила, что на деле это не так, не совсем так: просто нет рядом с ним подходящей женщины, для которой бы он зажег светильник своей души. Время шло, а такая женщина не появлялась.

Когда графиня видела Луи прежним, то есть самим собой, она радовалась и верила, что настоящая, полноценная основа никуда не денется, что вот он какой замечательный. Еще бы не замечательный: одну из горничных какой-то дворянин обидел, так Луи устроил ему изрядную выволочку, дело чуть дуэлью не кончилось. Стоило ли из-за девки ругаться с человеком благородных кровей? А он вступился, и за своих домашних всегда вступался. Да много было хорошего. Если б не его здравомыслие, дома давно бы порядка не было.

Но когда Луи был не «самим собой»... Элен приходила в ужас. Не верила, что этот же человек способен так опускаться. За домашних он горой стоял, но в доме всем известно, какой он любитель побаловаться с девицами. Вроде никого и не заставляя, и не жесток, а проходу нет никому. Элен молча злилась. Хотела бы изменить что-то, да как? Луи даже вниmania не обращает на ее недовольные взгляды. Чувствует себя, как султан в гареме, и ни капли стыда в глазах. И ведь, подлец, мало ему домашних увеселений, шляется по куртизанкам, деньги тратит, а то еще с дамой из общества роман закрутит (это чтоб не забывали, кто есть кто). Вот и возникал вопрос, что же для него женщина? Что, если не вещь, не перчатка, которую сегодня надел, завтра выбросил.

Люсьен привез Мари развлекаться, и она развлекалась: танцевала, и церемониймейстер, приметив ее мастерство, с удовольствием ставил ее в пару с весьма влиятельными людьми, дабы доставить им удовольствие. Виконту тоже повезло, но в его темных глазах порой появлялись ревнивые искорки.

В антрактах они встречались, ели мороженое, беседовали. Рядом с Люсьеном было спокойно.

Один раз Мари оказалась в паре с герцогом. Что ж, так распорядилась судьба. Он еще ни разу не подошел за вечер, хотя видел ее. Однако насчет судьбы Леонора и Элен были другого мнения: они были уверены, что Луи в сговоре с церемониймейстером.

Мари танцевала с удовольствием: Луи прекрасно двигался, чувствовал ритм и мелодию. Мари спросила его, между прочим:

- Как ваша рука, сударь?
- Почти зажила, твоя помощь была своевременной.
- Я знаю, как вы обожглись: вы рисковали жизнью ради спасения ребенка.
- Так поступил бы любой, – ответил герцог, улыбаясь.

Но Мари думала иначе.

Луи вернул даму Люсьену и пообещал еще встретиться. Не прошло и часа, как виконт сам его отыскал и попросил:

– Луи, я должен срочно исчезнуть, не могли бы вы проводить Мари? Я, увы, не вернусь сюда.

- С удовольствием, друг, а что случилось?
- Дела семейные, потом расскажу. Пойдемте, я скажу Мари...

Он потянул герцога за собой.

Выслушав Люсьена, Мари запротестовала:

– Что вы, сударь, я прекрасно доеду сама, незачем утруждать герцога, вы же оставляете карету.

– Я привез вас, сударыня, – убежденно возразил виконт, – я обязан позаботиться о том, чтобы в целостности и сохранности доставить вас обратно.

– Вот именно, – подхватил герцог, – и нечего спорить. Конечно, я провожу. По улицам кто только ни шляется, уж я знаю, патрулировал.

Мари ничего не оставалось, как согласиться, и она поблагодарила Люсьена за его заботы.

Но как же Луи пойдет ее провожать, если он должен везти домой жену и тетю, а они, уж верно, заметят, с кем он пошел.

– О чем грустишь? – долетел до нее вопрос.

Луи заинтересованно глядел на нее.

– Сударь, мне, верно, не стоит долго задерживаться. Уже времени много, а вам еще своих провожать.

– О чем думает дама на балу! – усмехнулся он. – Я отвезу тебя, когда хочешь. Обо мне и не беспокойся. И Леонора, и Элен будут танцевать, пока подошвы не протрут, – мы поедем в самом конце. Хочешь мороженого?

– Нет, благодарю, правда, нет.

– Тогда не буду мешать развлекаться.

Луи из каких-то своих соображений оставил ее, и Мари огорчилась, но ей не дали скучать, пригласили танцевать. Похоже, Луи не хотел, чтобы Элен и Леонора часто видели его возле Мари, – так она и решила, иначе бы он обязательно уделил ей больше внимания.

Мари недолго танцевала. Она уже устала, да и не хотелось маячить на виду у всех без кавалера, а мужчины рассчитывают на легкую добычу. Пора ехать. Улучив момент, Мари сказала о своем решении герцогу. Он утвердительно кивнул и просил подождать минуту.

Скоро они сели в карету, и Луи велел кучеру трогать. Поехали. Небо начинало светлеть, но в карете было темно. Мари почти не видела герцога, но всем существом ощущала его близкое присутствие.

– Люсьен молодец, что пригласил тебя, – произнес Луи, – у меня бы не вышло.

– Я не знаю, сударь, чему обязана таким вниманием со стороны виконта, – ответила Мари.

– Ты ему нравишься, – просто отозвался герцог.

– И вас это не смущает? – удивленно и настороженно спросила она.

Луи тихо рассмеялся и сказал:

– Мари, не смейся меня. Женщина должна нравиться мужчине. Если мужчина не интересуется женщинами, боюсь, с ним что-то не так. Люсьен, конечно, придерживается строгих принципов, но он же не истукан, право. Женщины при дворе поверхностны и недалечно-видны: Люсьен заслуживает гораздо большего внимания. Они недооценивают его. Правда, моя жена готова вцепиться в него, как кошка, но не тут-то было.

– Ваша жена? – переспросила Мари.

– Да, он ей чем-то приглянулся, но упаси Боже Люсьена от моей «ненаглядной», он заслуживает лучшего.

Мари подумала и опять спросила:

– Так вас не пугает, что виконт...

– Я похож на пугливого? – Луи развернулся к ней лицом, взял за руку. – Мари, меня не волнует, кто кому нравится, лишь бы я сам тебе нравился, – остальное приложится.

Она заволновалась. Здесь, в темной карете, Мари почувствовала вновь некую притягательную силу, исходящую от Луи. Она знала, что скоро они приедут, очень скоро, и он вернется назад; что он не попросит остаться у нее. И поэтому Мари волновалась: ей так не хотелось расставаться с ним, так жаждала она продлить последние минуты в этой темной карете.

Кажется, они подъезжают... Мари под впечатлением своих чувств невольно сжала его руку. Она не видела, но подумала, что Луи улыбается. Не выдержав напряжения, она вздохнула.

Карета остановилась.

– До встречи? – спросил он.

– Благодарю вас, сударь, вы доставили меня домой, как и обещали.

Герцог не выходил и осторожно повлек ее к себе.

– Луи, – только и выговорила Мари.

Он притянул ее к себе и без церемоний запечатлел волнующий поцелуй. Мари с такой готовностью ответила ему, что Луи засмеялся от удовольствия, чуть отстранился и, сказав:

– Пора, – как ни в чем не бывало, открыл дверцу и выбрался наружу, протянул руку даме.

Мари, едва опомнившись, вышла из кареты. Ей хотелось броситься ему на шею, но Луи уже церемонно склонился над ее рукой. Она попрощалась с ним. Луи же сказал:

– Я зайду на днях.

* * *

В это же утро герцогу предстоял неприятный разговор со своими дамами. Уставшие и сонные, все трое возвращались с бала. Уже заметно светало, в карете угловато двигались серые тени.

Леонора, никогда не упускавшая случая предъявить претензии, недовольно проворчала:

– Вы, сударь, совсем стыд потеряли. Думаете, я не знаю, с кем вы удалились?

– Это не ваше дело, – холодно отозвался герцог.

– Я ваша жена, а вы бегаєте за шлюхой и оказываете ей королевские почести.

– Во-первых, выражайтесь прилично, а во-вторых, меня Люсьен попросил, – попытался объяснить Луи, но Леонора не дала ему говорить и затараторила:

– Конечно, он же специально для вас ее привез, это и невооруженным глазом видно. Вы бесстыдны до безобразия.

– В конце концов, я не обязан оправдываться перед вами, – рассердился Луи, – подумаешь, отлучился на четверть часа, а у вас уже истерика.

Леонора хихикнула и снисходительно заметила:

– Да за четверть часа вы и святую соблазните...

– Еще одно слово...

До сих пор молчавшая Элен наконец вступила в перепалку:

– Будет вам, – сказала она ровным голосом, – из любой мелочи скандал устраиваете.

– Но, мама, вы же видите, как он себя ведет...

– Помолчите, Леонора, и вы не безупречны. А вы, сударь, тоже хороши. Ваше имя и так у всех на устах, а вы никак не остановитесь: чем дальше, тем безрассуднее.

– И вы туда же, тетя, – нервничал герцог, – не хотите, не верьте, мне это безразлично.

– Успокойтесь, мы ничего не скажем Анне.

– Мама, – возразила Леонора, не зная, куда девать свое возмущение.

– Да, мы не скажем, – повторила Элен и добавила: – хотя, мне кажется, она и так узнает.

– А вот это уже мое дело, – заявил Луи.

– Я и не спорю с вами.

Воцарилось молчание. Луи исподлобья поглядывал то на Леонору, то на Элен, чувствуя себя неуютно рядом с ними. Слава богу, на этот раз Элен хоть чуть-чуть защитила его от нападков жены. Как же ему все это надоело! Он еле дождался, пока карета подкатит к особняку, поспешно высадил женщин и поскорее устремился в свои апартаменты, где его никто не мог потревожить, разве что матушка.

* * *

Герцог появился неожиданно, хотя Мари и ожидала его прихода, ведь он сказал «на днях».

Это случилось еще до захода солнца в один из жарких июльских дней. Сперва глазам Мари предстал великолепный благоухающий букет из нежных роз пастельных оттенков, тогда она поняла, что их прислал именно герцог, так ей и сообщили.

Мари еще любовалась цветами, невольно трогала их, вдыхая тонкий сладковатый аромат, когда в комнату почти вбежала улыбающаяся Нини и сообщила:

– Герцог де Сен-Шели просит его принять. Прикажете позвать?

Мари на мгновение застыла в неопределенности; столь стремительного движения событий она не ожидала. В голове вихрем промелькнуло: «я же одета не для приемов»... Нини с надеждой смотрела на хозяйку, и ей, кажется, было невтерпех: чувствуется, она прониклась особым расположением к поручику.

– Проси, – тихо, но уверенно велела женщина и подошла к зеркалу, чтобы удостовериться в своей привлекательности и в то же время уместности платья.

Луи бодро шагнул в комнату. Он был в форме, что, видно, приводило в восторг служанку. На лице герцога светилась улыбка, и Мари волей-неволей улыбнулась ему, протягивая руку. Нини с сожалением удалилась, но можно было поклясться на Библии, что она еще хотя бы четверть часа останется стоять у самой двери.

– Сударь, у меня нет слов, чтобы выразить восхищение от этих роз, – воистину королевское внимание вы мне оказываете, – так начала свою речь Мари.

– Я рад, что они тебе понравились. Я знаю, что, как всегда, не вовремя пришел...

– Вам я всегда рада. И давно ли вас посетила счастливая мысль навестить меня?

Слегка иронический тон женщины не смущал герцога, но лишь раззадоривал.

– Собственно, эта мысль меня и не покидала, – откровенно заявил он. – Если б не служба, я пришел бы гораздо раньше.

– Неужели?

– Сегодня я уже свободен, а завтра гуляю до полудня.

– Так вы со службы? – удивилась Мари.

– Конечно.

– И домой не зашли? – не верилось ей.

– Тебе не о чем волноваться.

– И в самом деле, что я на вас набросилась, вы, верно, устали и голодны...

Луи засмеялся:

– Прийти к даме уставшим и голодным... Разве можно так не уважать женщину?

– В таком случае располагайтесь, как вам удобно, все к вашим услугам, – заключила Мари, все еще не найдя в себе опоры, чтобы раскрепоститься. Непредсказуемость ситуации пугала ее. Мари все же велела принести чего-нибудь съестного и вина.

Луи тем временем обошел комнату, внимательно осматривая, вернулся на свое место и сказал:

– Ты зря не хочешь воспользоваться моим предложением. Я найду тебе чудесный дом.

– Благодарю, но мне нравится здесь.

– Не спорю, не шикарно, однако уютно, душевно как-то. – Он остановил на ней долгий взгляд и вдруг сказал:

– Ты не переживай, моя хорошая. Если не хочешь, чтобы я остался надолго, так ведь я пойму – без слов.

– Почему вы так говорите? – смутилась она.

– Потому что ты никак не решишь, позволить мне остаться или нет.

– Откуда вы знаете? Луи улыбался:

– Дорогая, моего опыта хватит и не на такое. Если позволишь, я немного разоблачусь.

– О, конечно, как вам будет угодно.

Луи пожал плечами и, выгрузив на стол пистолеты, дагу¹⁰ и шпагу, снял с себя жюстокор и камзол, оставшись в белой рубашке. (К белым рубашкам была у него особая страсть: невзирая на обстоятельства, Луи всегда надевал белое и непременно чистое. Некоторые шутили, мол, так и разориться можно, только герцога де Сен-Шели не проймешь насмешками: настоящий донжуан должен быть готов к тайным свиданиям в любое время дня и ночи).

Герцог отказался и от вина, и от еды, удивив Мари. Однако ее удивлению пришел конец, когда Луи неожиданно сообщил:

– Я подумал, что пора бы нам наладить отношения.

Он произнес эти слова так спокойно и буднично, что Мари не сразу осознала их смысл.

– То есть как? – остановив на его лице взгляд, проговорила она.

– Мы должны быть вместе, давно пора, милочка, куда дальше-то тянуть?

– Непременно сегодня? – поразила Мари, чувствуя во всем теле слабость.

– Сейчас, дорогая, – уточнил Луи и потянул ее за руку, благо они сидели на диване рядом.

– Однако, – отрывая свою руку, заметила Мари и отодвинулась к другому краю.

Она излучающе смотрела на беззаботно улыбчивую физиономию герцога и не могла объяснить себе логику его поведения, может, оттого, что логика была очень проста и откровенна.

Луи не стал упорствовать, но в его глазах читалась полная уверенность в своих силах и в победе.

Мари тем временем встала и тихо подошла к окну. Ей подумалось, что лучше быть подальше, ведь от Луи можно ожидать каких угодно поступков. Стоя у окна, Мари чувствовала себя в безопасности. Тут ей пришло на память, сколько же замечательных вещей тво-

¹⁰ Дага – кинжал для левой руки.

рилось некогда в Куломье. Посмотрев на герцога и будто сравнивая его нынешний образ с тем, что остался в ее памяти, Мари с сожалением отметила, что нынешний Луи не производит на нее того восторженного впечатления, как прежде. Он тоже смотрел на нее молча и бездействовал. Наконец, не без сомнения в голосе, Мари произнесла:

– Некогда вы замечательно пели...

– Радость моя, почему в прошедшем времени? – подхватил он, – я всегда пою с удовольствием.

– И сейчас можете спеть? – обрадовалась Мари.

– С превеликой радостью, особенно для тебя.

Инструмент принесли немедленно. Луи привычно настроил лютню, а Мари с интересом наблюдала за ним. Действительно, это было замечательно, ведь Луи не пользовался камертоном, настраивая по своему голосу, а голосом он чувствовал, физически ощущал высоту и качество звука. Если бы сейчас настроили другую лютню по камертону, то разницы не оказалось бы.

Луи спел незамысловатую, но трогательную старинную песню, а потом, не останавливаясь на разговоры, еще несколько произведений. Мари не сводила с него глаз, пораженная и покоренная не только естественной красотой голоса, но и каждым движением, выражением лица, – словом, исполнением. В ее голове не укладывалось, что именно Луи поет эти песни. Знал ли он о той силе, что исходила от него во время пения? Знал ли, что в эти минуты казался богом, на которого молились? Понимал ли, что искусство, с каким он исполнял любое произведение, преображало не только его самого, но и слушателей?

Мари благодарно улыбалась, когда он вернулся из своего мира и внимательно посмотрел ей в лицо, ожидая оценки.

– Оказывается, я так давно не слышала вас, – произнесла она. – Это прекрасно, достойно Орфея.

– Это говорит Эвридика? – с намеком ответил он.

Мари растерялась. Она невольно произнесла имя Орфея, но ведь оно не пустой звук, особенно для нее, да и для него, видно.

– Скажите, Луи, а что это была за песня? Последняя?

– Понравилась? – он бесцельно тронул струны.

– Очень. Кто же автор? У вас есть ноты? Луи только усмехнулся.

– Нет, нот у меня нету. А кто автор? Я думаю – Любовь, кто же еще?

– Любовь? – повторила Мари, – это что же, вы сочинили?

– Человек ничего не сочиняет, – Луи отложил лютню. – Что может создать жалкий человечешка? Грешить – сколько угодно... Любовь, только любовь...

– И все же, это ваша мелодия? А стихи?

– Да, если хочешь, – наконец сдался он.

– Я хочу знать о вас больше, – уверенно сказала она.

– Ради бога, разве я против? – смеялся он.

– А на скрипке вы еще играете?

– Редко, но бывает.

Мари вновь очутилась у окна, взволнованно ворошила прошлое, глядя невидящими глазами во двор.

Луи подошел к ней, тоже стал смотреть в окно.

– Чему ты улыбаешься? – спросил он.

– Я вспомнила, как вы меня рисовали, – тихо ответила она, – где эта картина?

– В Куломье, в моей комнате.

– Вы никому ее не показывали?

– Я же дал слово. Но мне никто не запретит смотреть, правда?

Мари вдруг застыдилась:

– Зачем это? Отдайте ее мне.

– Ну уж нет, – он лукаво улыбался.

– Луи, мне стыдно, тем более прошло время.

– Время – это миф, – спокойно возразил герцог и больше не сводил сияющих глаз с лица Мари.

– Нет, – упрямилась она, – мы меняемся, значит, оно реально. Вы представить себе не можете, сударь, как я устала... устала от вечной неопределенности.

Мари не могла бы объяснить, что заставило ее признаваться ему в своих личных переживаниях. До этой минуты она даже не думала, что с герцогом можно поговорить вот так откровенно: есть ли ему до этого дело? И вот, она неожиданно призналась ему в том, что угнетало ее уже не один год.

Луи продолжал пристально смотреть ей в лицо. Ее слова, казалось, не удивили его, и он понимающе заметил:

– Не знаю, есть ли определенность в действительности, но, дорогая, зачем же так? Твои дела обстоят куда хуже, чем я думал.

– Что же вы думали? – заинтересовалась она.

– Тебе это не нужно. Какой же определенности ты хочешь?

– Это сложно объяснить, – опуская голову, отстраненно сказала она.

– Послушай, разве я не в состоянии тебе ее дать?

Мари подняла на него глаза и улыбнулась:

– Ваша уверенность потрясающая.

Луи взял ее за руки.

– Я знаю, что тебе нужно, не удивляйся и не смейся.

– Вы уверены? – она все же смеялась.

– Абсолютно, – не сомневался Луи, – я готов поклясться, что знаю, чем угодить тебе, знаю, чего ты хочешь...

Она не выдержала откровенного взгляда, вновь ее ресницы опустились. Луи стоял так близко, что почти обнимал ее, и Мари, пребывая в нерешительности, невольно положила ему ладони на грудь, чтобы как-то защитить свое пространство. Еще мгновение, и Луи ринулся бы в атаку, но слова Мари удержали его на время.

– Не понимаю, чем вы увлекаете женщин... – шутливо и с каплей иронии проговорила она.

Луи уверенно ответил:

– Это меня увлекают. Понимание – к черту. Терпеть не могу это *cogito, ergo sum*.¹¹ Люсьен тоже вечно старается что-то понять.

– А вы? – она все еще держала оборону.

– К чему? – рассмеялся Луи. – Зачем что-то понимать, когда можно чувствовать? Прикосновение, одно лишь прикосновение (он ласково дотронулся до ее щеки тыльной стороной ладони и провел по шее до плеча) – и целая гамма ощущений. Чтобы все это понять, нужно время, а чувство является немедленно и проникает глубоко. Ты устала от своего разума, детка, где же твое сердце? Где чувства? Ты сама не знаешь, что хочешь их испытать, разве не так?

– Вот как вы морочите голову безмозглым девицам, – посмеялась Мари.

– Думаешь, я тебе морочу голову? – возбужденно отозвался он. – Ты же сияешь от удовольствия, или я не прав?

– Луи, разве можно позволять страстям руководить нашими действиями?

¹¹ Знаменитая фраза французского мыслителя Р. Декарта: «мыслю, следовательно, существую».

– Я не знаю, что можно. Я знаю другое: вчера мне было шестнадцать, сегодня двадцать три, а будет ли завтра, неизвестно. К чему же терять драгоценное время?

Мари не нашлась, что ответить, и только смотрела ему в глаза. Она потеряла ощущение окружающего мира, то есть сейчас до нее не долетали никакие звуки извне, ей было безразлично, что делается там, за окном или за пределами комнаты. Время исчезло. Только в комнате стало темнее, потому что солнце быстро уходило за горизонт.

Все ее внимание сосредоточилось на Луи, который ни на миг не ослаблял своего влияния. Он уже держал ее за талию и повторял, как заклинание, какие-то нежные, ласковые слова. И Мари с улыбкой слушала его приятный голос и таяла от его прикосновений. Жаркий и желанный поцелуй окончательно победил ее волю.

Луи же беспрепятственно расстегнул ей платье, с восторгом целуя гладкие плечи. Он с легкостью приподнял ее и усадил на подоконник, стянул юбку. Мари ощутила в себе нарастающее желание, но кавалер не торопился. Она же почти одета – и чулки, и нижняя юбка, и корсет – придется повозиться. Но разве это сложно для привычных рук герцога де Сен-Шели? Он и от этого получает немало удовольствия, и заставляет волноваться даму. Луи невозмутимо раздвинул ей колени и встал поближе, чтобы расшнуровать хитросплетения корсажа. Мари, терявшая с каждой минутой самообладание, целовала герцога, но он был сдержан, и лицо его казалось немного сосредоточенным. Мари тем временем сжала его бедра коленями, а потом ее руки потянулись к его панталонам. Луи уверенно перехватил ее кисти и, водрузив себе на плечи, сказал:

– Это подождет, дорогая. Мы сразимся там, – он указал ей на застеленную кровать и, освободив томную даму от корсажа, повлек ее с подоконника в постель, не переставая восторгаться красотой ее форм и уверяя, что она стала в тысячу раз прекраснее, чем была когда-то.

Странно, только Мари, как и в первую, самую первую ночь, проведенную с Луи в то лето, казавшееся непреодолимо далеким, чувствовала теперь, после «сражения», как выразился герцог, ту же смесь ощущений и дум: она ничуть не жалела о том, что уступила ему, но и тревожилась, не зная, к добру ли это?

Несмотря на вечные сомнения, копошащиеся в мозгу, Мари была очень довольна и признавалась себе самой, что такой радости, подступившей к сердцу и заставляющей невольно улыбаться, она давно не испытывала. Пока *он* рядом, она может себе позволить ни о чем не заботиться и расслабиться. Да, Мари вдруг поняла, как давно не отдыхала, насколько безутешно протекала ее жизнь, а при мысли, что она позволяла прикасаться к себе тем, кого не желала, ей становилось гадко и хотелось очиститься.

Сейчас Мари, удобно устроившись, прильнула к герцогу. От Луи исходило приятное тепло, ощущение надежности и удобства. Он не убирал своей руки из-под ее головы и временами целовал ее волосы, губы, шею.

Мари первой нарушила долгое молчание, задав неожиданный вопрос:

– Луи... вам приходилось убивать?

– Зачем ты спрашиваешь? – он приподнялся, приблизив свое лицо, будто хотел разглядеть выражение ее лица.

– Вы не ответили.

– Приходилось, Мари, но я не думаю, что сейчас время заводить такой разговор.

– Я хочу знать о вас как можно больше. Вот, у вас и шрамы, и царапины... Франция сейчас не воюет, вы деретесь на дуэли?

– Бывает, а что?

– Похоже, вы все их выиграли?

– Можно сказать и так. Я стараюсь не доводить до дуэли, чаще секундантом зовут – приходится драться.¹²

– Ваши противники, вы их... – она не решалась сказать, но Луи развеял ее оцепенение ответом:

– Все живы. Бывало, ранил кого-нибудь, но, слава Богу, до сих пор удавалось решить без смерти.

– Удивительно, я думала, это очень опасно, и, наверное, все ваши дуэли из-за женщин?

– Само собой, и действительно опасно, просто я не люблю смерть, а вида крови не переношу. Раньше в обморок падал, как барышня.

– Не может быть, – не поверила Мари, – как же вы служите в армии?

– Так и служу, дорогая, – к Луи вернулся шутливо-игривый тон.

– Вы крепкий, сильный, – обнимая его, говорила Мари, – и в обморок при виде крови?

– Все говорят, что я здоровый, но чем черт не шутит. От духоты тоже бывает дурно, и в карете иногда укачивает.

– Как же воевать?

– Милая моя, поверь, на маневрах я себя чувствую великолепно. И уверен, что в драке со мной такого не случится.

– Почему?

– Просто уверен и все.

– Луи, я благодарна тебе за то, что ты пришел сегодня.

Он обрадовался:

– Наконец-то на «ты»... Я так и думал, что придется преодолеть приступ высокой нравственности, но не напрасно. Ведь ты не разочаровалась?

– Ни в коей мере.

– Я рад, что мы договорились. Ты осталась и будешь моей...

– О, это уже серьезное заявление, – шутливо отозвалась она.

– Мари, радость моя, провалиться мне на этом месте, если я вру. Я хочу тебя до безумия.

Луи немедленно перешел в наступление, и Мари с радостью приняла вызов.

Утром, когда герцог уже собирался уходить, Мари все оттягивала минуту прощания. Она с удовольствием помогала ему облачаться в мундир, рассматривала оружие. В форме Луи выглядел неотразимо, и Мари откровенно любовалась его статным видом.

Они говорили друг другу «до свиданья», но тут же губы соединялись в поцелуе, а руки тянулись к объятью.

– Мы еще встретимся, и не один раз, любовь моя, – обещал герцог и вновь устремлялся к поцелую. Глаза живо блеснули, на щеках играл румянец. Наконец Луи решительно ступил на порог комнаты.

– Лапушка, мне пора, но как подумаю... в жар бросает.

– Ах, господин поручик, держите голову холодной, – смеялась Мари. – Я не хочу повредить вашей службе.

– Что по-настоящему вредит моей службе, так это отсутствие женской ласки. Будь здорова, милая.

– И вы тоже. Сообщите, когда будете.

– Обязательно, – Луи бодро зашагал по коридору.

Мари видела его в окно и провожала взглядом, пока он не исчез из виду.

Она прилегла и чувствовала как бы беспричинную радость. Ночью здесь, рядом с ней, был Луи, поэтому теперь Мари приятно нежиться в постели, хотя уже пол-одиннадцатого.

Луи был здесь, и он еще придет. Как хорошо!

¹² В XVII веке секунданты тоже должны были драться.

5. Разговор

Герцог не мог бывать у Мари слишком часто, потому что служба требовала его присутствия в Версале и, вообще, там, где прикажут начальники или сам король. Вдобавок ко всему домашние заботы забирали немало сил. Но Луи ничто не смущало, и при любом удобном случае он устремлялся к предмету своих желаний.

Однажды он заметил у Мари прекрасные тюльпаны (а тогда они были в моде), принесенные совсем недавно.

– От кого это? – удивился герцог, будто сам факт подаренных женщине цветов показался ему невероятным.

– Не догадываетесь? – улыбнулась Мари.

– Не дразни меня, киска, я не думал, что у тебя есть поклонники.

– По-вашему, я недостойна...

– Нет-нет, – энергично перебил герцог, – я вовсе не то имел в виду. И все же, кто проявляет к тебе интерес? Мне кажется, я имею право знать.

– Конечно, имеете. Жаль, что вы не догадались сами, ведь эти цветы прислал виконт д'Эперне.

– Люсьен?! – изумился герцог и только смотрел на женщину неверящими глазами.

– Ну да, почему вы удивляетесь? Вы же сами заметили, что я ему нравлюсь.

Луи усмехнулся, напряжение исчезло с его лица. Расслабленно откинувшись на спинку дивана, герцог спросил:

– А сам он не приходил?

– Нет, пока не приходил.

– Что же ты ему скажешь, если он придет? – завладев ее рукой, хитро спрашивал он.

– Еще не знаю. Найду, что сказать. Надеюсь, сударь, вы не будете меня ревновать и портить отношения с другом?

Мари доверительно склонила голову ему на плечо и принялась играть с воротом рубашки.

– Ревновать? Глупости... разве что самую малость. И ссориться с Люсьеном я не собираюсь, тем более не из-за чего.

– А если он будет оказывать мне внимание и впредь?

– Ты все равно моя и никуда от меня не денешься, – уверенно ответил герцог, и Мари не возражала на его слова.

Конечно, она не знала, что ждет ее впереди, но терять расположение Луи ей очень не хотелось. Рассудок, как всегда, был не в состоянии объяснить ей, что ее так тянет к герцогу. Она чувствовала, что хочет быть с ним, что его взгляды и прикосновения пробуждают в ней самые восхитительные ощущения, потому его нечастым визитам она была безумно рада и всеми способами старалась возбудить в нем страсть, что особого труда не составляло, ведь Луи был впечатлителен и откликался на всякое проявление красоты, а соблазнительно выглядевшая женщина неизменно производила на него именно то впечатление, какое и хотела произвести.

Луи, действительно, не собирался ссориться с Люсьеном, но знаки внимания, которые тот неожиданно стал оказывать Мари, смущали его, особенно потому, что Люсьен слыл человеком строгих правил, и хотя отдавал необходимый долг галантности, потому что не быть галантным считалось бы дурным тоном, но расточать свои восторги дамам без всякого разбора, как бывало с герцогом, виконт не считал необходимым. И если уж он пригласил Мари на бал, а теперь еще посылает цветы, это что-нибудь да значит.

Луи не ринулся выяснять отношения, он попросту на время позабыл об этом, занятый на службе, тем более Люсьен где-то ездил. Но друзья все же встретились и, как было у них заведено, если ни тот, ни другой не был занят, то обязательно шли в «Сосновую шишку» или «Рекрутирующего сержанта»¹³ пропустить кружку-другую и поболтать. Оба в отличном настроении, веселые – любо-дорого поглядеть. После вина разговор оживился. Люсьен пожаловался на мужа сестры.

– Настоящий деспот, – говорил он, – не зря я был против этого брака.

– Что же вы могли сделать? Ваша сестра овдовела так рано, на руках у нее ребенок.

– Лучше бы она и не помышляла о замужестве, – возражал виконт, – она ведь не одна, у нее есть отец, бабушка, я, наконец.

– Вы не правы, друг мой, – твердо заявил герцог. – Жаклин – молодая красивая женщина, неужто ей теперь и не радоваться жизни? Просто бедняжке не повезло.

– Вы все о своем, Луи, – поразился Люсьен. – Вы об одном лишь и думаете, и говорите. Поймите, не все такие...

– Охотно верю, – беззлобно отозвался Луи, – но я вам с полной ответственностью заявляю, что большинство женщин думают именно о том же.

– Вам кажется, сударь. Вас окружают такие женщины. А вот я почему-то не встречал таких.

Луи рассмеялся:

– Я не знаю, кого вы встречали, Люсьен; думаю, они не признавались вам: испугались вашей строгости.

– Не знаю. Может, и так, но от этого не легче.

– Это верно. Могу только посочувствовать вашей сестре. Будем надеяться, все наладится.

Люсьен с сомнением пожал плечами и, подумав, что слишком долго привлекал внимание друга к своим семейным заботам, перевел разговор на другую тему:

– Я вас видел на параде: у вас есть все способности, чтобы командовать людьми. А выправка, дисциплина... у меня дыхание перехватывало от гордости за нашу армию, честное слово.

– Благодарю за похвалы, – довольно ответил герцог.

– Не подумайте, что я льщу вам...

– Именно льстите, – улыбался Луи.

– Пусть по-вашему. Только я всерьез думаю, что вы сделаете хорошую карьеру.

– Если жив буду, мне ничего другого, поверьте, не останется.

– Вам не составит большого труда, – запросто заключил Люсьен, – все военные, насколько я знаю, спят и видят, как бы получить повышение: это слава, почет, положение...

– А я-то думал, вы не карьерист.

– Вообще-то, вы правы, но недаром говорят: аппетит приходит во время еды.

– Это уж точно, – весело подхватил герцог, – ...кстати, я бы еще чего-нибудь съел.

– Это все вино, – улыбался виконт, – берегитесь, вы любите выпить.

– Шутите, сколько угодно; эй, милейший... – Луи подозвал к себе слугу и заказал жаркое.

– Да, у вас воистину королевский аппетит, – искренне заметил Люсьен.

– Между прочим, король говорит: «Кто хорошо ест, тот хорошо работает», – напомнил герцог.

– Да, но король сам очень много ест.

¹³ «Рекрутирующий сержант» – знаменитая таверна в Париже.

– Это мягко сказано... видно, поэтому он любит приглашать меня, – чтобы не чувствовать себя одиноким среди малоежек.

– С вами выгодно дружить, – уже шутил виконт, – вас любит король.

– Вы лучше скажите, дружище, – продолжал герцог, закрывая королевскую тему, – когда я буду гулять на вашей свадьбе?

– На моей свадьбе? Не знаю.

– Чудо-человек! Вам уже двадцать три, неужели отец до сих пор не взялся за вас? Не могу поверить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.